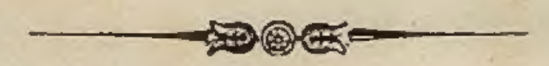
ЗАПИСКИ

1814 и 1815 годовъ.

ЗАПИСКИ

1814 и 1815 годовъ.



А. Михайловскаго-Данилевскаго,

бывшаго Флигель-Адъютанта Государя Императора

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Qu'Il fut grand, lorsqu'Il leva l'étendart de la liberté européenne aux mêmes lieux où l'Europe alloit consommer notre ruine!
Au milieu de Sa cour ou à la tête de Ses armées, haranguant aux portes de Paris les députés de la ville, ou seul dans Son jardin de Tzarskoé-Sélo, c'étoit le maître du monde.

OUWAROFF.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 31 Іюля, 1841 года.

Цензоръ А. Фрейгангъ.

Типографія Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

ГЛАВА I.

Отъѣздъ изъ Парижа.—Геттингенъ.—Морское путешествіе.—Возвращеніе Государя въ Петербургъ.—Праздникъ въ Павловскѣ.—Отъѣздъ на конгрессъ въ Вѣну.

Послѣ выступленія нашихъ войскъ изъ Парижа и отъѣзда оттуда Императора Александра Павловича въ Лондонъ, я былъ властенъ располагать моимъ временемъ. Долго колебался я въ выборѣ пути возвращенія моего въ Петербургъ. Сперва хотѣлъ я ѣхать въ Англію, но отложилъ мое намѣреніе. Тамъ, думалъ я, ожидаетъ меня безпрерывная дѣятельность: надобно будетъ обозрѣвать множество любопытныхъ предметовъ, проводить ночи на праздникахъ и обѣдахъ, готовимыхъ восторженными Англичанами Александру, а я послѣ трехъ походовъ чувствовалъ необходимость отдыха. Какъ теперь помню мою радость, когда, оставшись въ Парижѣ

одинъ и безъ занятій по службѣ, я сѣлъ въ Тюльерійскомъ саду подъ тѣнь вѣтвистаго дерева, наслаждаясь увѣренностью, что никто не нарушитъ моего спокойствія. То было неизъяснимое, особеннаго рода наслажденіе послѣ исполинской, выдержанной нами войны, въ продолженіе которой не было ни минуты свободной. Отказавшись отъ путешествія въ Англію, я думалъ отправиться полуденною Франціею въ Италію, посѣтить грознаго узника на островѣ Эльбѣ и поклониться гробу Виргилія. Изъ Италіи я хотѣлъ плыть мимо живописнаго Архипелага, взглянуть на Аѳины, Спарту и Константинополь, и возвратиться въ Россію черезъ Балканы, не предполагая, что по прошествіи пятнадцати лѣтъ потомъ, судьба приведетъ меня по хребту сихъ горъ въ древнюю Ѳракію, ко вратамъ Византіи, и что увижу Русскія знамена, водруженныя въ Адріанополѣ, второй столицѣ Оттоманской Имперіи. Нѣсколько дней занимала меня обольстительная мысль путешествія по южной Европѣ, но опасаясь противныхъ вѣтровъ и остановки въ карантинахъ, я избралъ другой путь, менѣе тѣшившій воображеніе, но болѣе удовлетворявшій потребности сердца. Я вознамѣрился ѣхать въ незабвенный для меня Геттингенъ, а потомъ моремъ изъ Любека въ Кронштадтъ.

Въ исходѣ Мая, я простился съ Парижемъ. Путь сокращали разговоры съ двумя товарищами о необыкновенныхъ событіяхъ, совершившихся передъ нашими глазами отъ Москвы до Сены, о разныхъ приключеніяхъ въ походахъ, дивныхъ оборотахъ войны безпримѣрной, роскошномъ Парижѣ и торжествѣ Россіи. Встрѣчавшіеся намъ на дорогѣ Французскіе военные смотрѣли на насъ окомъ ненавистнымъ. Иначе быть не могло. Съ возстановленіемъ Бурбоновъ исчезли мечты Французскихъ военныхъ о пріобрѣтеніи почестей, богатствъ и славы, чѣмъ недавній вождь ихъ обольщалъ свои легіоны и подстрекалъ къ подвигамъ дивнымъ. Офицеры и солдаты Наполеоновой арміи, порожденіе многолѣтнихъ войнъ, возросшіе въ праздности биваковъ, не знавшіе другаго отечества, кромѣ своего полковаго штаба, другихъ утѣхъ, кромѣ завоеваній, побѣдъ и злоупотребленія правъ сильнаго, жаждали, для наполненія пустоты существованія ихъ, снова возжечь пламень всемірной войны. Но переѣхавъ Рейнъ, были мы свидѣтелями совсѣмъ иныхъ явленій, среди мирной, торжествующей свое избавленіе Германіи; здѣсь всѣ сословія единодушно признавали Александра виновникомъ своего благополучія; насъ, Русскихъ, принимали они съ радушіемъ неподдѣльнымъ. Названіе

Русскаго офицера было тогда лестнѣе всякаго громкаго титла.

Изъ Франкфурта на Майнѣ отправились мы далѣе. Прiѣхавъ въ Геттингенъ поздно вечеромъ, я почти побѣжалъ по городу, гдѣ я провелъ три счастливѣйшiе года въ возрастѣ, составляющемъ цвѣтъ нашего бытiя. Каждый домъ, каждое дерево, все говорило мнѣ языкомъ знакомымъ, привѣтнымъ. Случалось мнѣ встрѣчать ночную звѣзду на берегахъ Лемана, въ развалинахъ Помпеи и на Капитолiйскомъ холмѣ; велико было наслажденiе посреди классической Италiи и Женевскаго озера, но оно уступало удовольствiю, ощущенному мною ночью, когда увидѣлъ я себя опять посреди уединеннаго Геттингена. Въ слѣдующiе дни я посѣтилъ Венде, Плессу, Марiеншпрингъ. Тамъ все сохраняло прежнiй цвѣтущiй видъ свой, но я грустѣлъ, находя, что измѣнился одинъ я, что прошло время независимости, посвященной исключительно наукамъ и природѣ, и не было уже вокругъ меня друзей юности, съ кѣмъ, беззаботные, мы пивали чашу невинныхъ радостей, не вѣдая превратностей жизни, скрытыхъ тогда отъ насъ непроницаемою завѣсою будущности. Сильно заблуждаются порицатели Германскихъ университетовъ, представляющiе сiи святилища Музъ

вертепами разврата! Они основываютъ свои сужденія на словахъ путешественниковъ, видающихъ на улицахъ, мимоѣздомъ, студентовъ, въ странныхъ одеждахъ, съ усами и звонкими шпорами, но, встрѣчая повѣсъ, путешественники не могутъ видѣть несравненно большаго числа тѣхъ молодыхъ людей, которые отъ ранняго утра до поздней ночи трудятся въ своихъ скромныхъ кабинетахъ. Конечно, изъ Нѣмецкихъ университетовъ выходятъ юноши безнравственные, какъ и изъ другихъ учебныхъ заведеній, но число ихъ ничтожно въ соразмѣрности съ тѣми, которые, кончивъ основательно ученіе, съ непоколебимою вѣрностію служатъ своимъ Государямъ и съ просвѣщеннымъ умомъ дѣйствуютъ къ пользѣ общей, въ кругу, для нихъ судьбою назначенномъ.

Проведя нѣсколько дней въ Геттингенѣ, отправились мы въ Травеминде, черезъ Гановеръ и Любекъ. Вездѣ принимали насъ какъ братьевъ. Многіе изъ жителей хвалились знаніемъ Русскаго языка и произносили Русскія реченія, другіе вспоминали о нашихъ соотечественникахъ, недавно здѣсь подвизавшихся. Всѣ напутствовали насъ благословеніями. Неблагопріятный вѣтеръ задержалъ насъ нѣсколько времени въ Травеминдѣ, гдѣ единственная отрада моя состояла въ прогулкахъ вдоль песчанаго берега

моря. Неизмѣримое пространство водъ, и глухой ревъ валовъ, дробившихся среди совершеннаго запустѣнія, располагали меня еще болѣе къ мечтамъ о минувшихъ военныхъ тревогахъ, шумномъ Парижѣ, золотыхъ дняхъ, проведенныхъ въ Геттингенѣ, и свѣтлыхъ надеждахъ, представлявшихся тогда для будущности Россіи. Наконецъ распустили паруса, и дня черезъ два мы увидѣли Борнгольмъ, котораго имя, со времени Карамзина, сдѣлалось достояніемъ Русской словесности. Финскій заливъ былъ усѣянъ кораблями: оживленіе торговли свидѣтельствовало о возстановленіи общаго мира.

Вскорѣ Императоръ Александръ, проведя въ Лондонѣ съ 26-го Мая по 10-е Іюня, возвратился въ Россію черезъ Голландію, Кобленцъ, Карлсруге, Лейпцигъ и Франкфуртъ на Одерѣ, путешествуя, для избѣжанія нарядныхъ встрѣчь и пріемовъ, подъ именемъ Генерала Романова. Онъ прибылъ въ Петербургъ 6-го Іюля, послѣ полуторагодичнаго отсутствія, и черезъ нѣсколько дней, окруженный генералами, сопутствовавшими Ему на войнѣ, ѣхалъ верхомъ въ Казанскій Соборъ, слушать благодарственный молебенъ. Безчисленное множество подданныхъ толпилось вокругъ обожаемаго Монарха, вознесшаго Россію на высшую степень могущества и славы;

а когда Онъ во храмѣ преклонилъ колѣна, казалось, добрая, ангельская душа Его парила къ небесамъ. Въ половинѣ Іюля пришла гвардія, и начались праздники. Самый примѣчательный изъ нихъ былъ данъ въ Павловскѣ Императрицею Маріею Ѳеодоровною, удостоившею пригласить всѣхъ офицеровъ гвардіи. На цвѣтистомъ лугу актеры представляли различныя дѣйствія, относившіяся до минувшей войны, участники коей составляли большую часть зрителей. Послѣ театра былъ балъ, а потомъ ужинъ въ палаткѣ, украшенной ярко освѣщенною надписью: «Побѣдителямъ.» Во время стола пѣли сочиненную Лобановымъ пѣсню, начинающуюся такъ:

Ѣздилъ Русскій, Бѣлый Царь,
Православный Государь,
Изъ своей земли далеко,
Злобу поражать.

Пѣсня была принята военными съ восторгомъ; при громѣ рукоплесканій требовали ея повторенія.

31-го Августа я получилъ приказаніе отправиться въ Вѣну, гдѣ назначался Конгрессъ для общаго примиренія Европы, и на другой день выѣхалъ изъ Петербурга въ коляскѣ Князя Петра Михайловича Волконскаго, а онъ черезъ нѣсколько часовъ потомъ отправился въ путь съ Императоромъ. Въ Петербургской

и Псковской губерніяхъ не было никакихъ приготовленій для пріема Государя, но далѣе я встрѣчалъ на каждой почтѣ дворянскихъ предводителей и гражданскихъ чиновниковъ, и находилъ обѣды и завтраки. Временные хозяева предлагали закуски самымъ учтивымъ образомъ. Казалось, будто въ привѣтствіяхъ ихъ слышны были слова: «Забудьте прошедшее!» Въ Витебскѣ собрались вокругъ меня люди разнаго званія; на вопросъ мой: «Много ли жи-«телей вышло изъ города при нашествіи непріятеля?» молодой купецъ, взглянувъ гордо вокругъ себя, отвѣчалъ съ жаромъ: «Ни одинъ Русскій въ то время «въ городѣ не оставался!» Отъ Витебска до Березины рѣдкій городъ и рѣдкая рѣка не ознаменованы какимъ либо происшествіемъ Отечественной войны. Вездѣ еще были видны свѣжіе слѣды разоренія и грабежей Наполеоновой арміи, но болѣе всего являлось опустошенія близъ Березины. Часто, въ Тарутинскомъ лагерѣ, смотрѣли мы на карту Россіи и вперяя взоръ на Березину, не сомнѣвались, что на берегахъ ея долженствовалъ совершиться уготованный Александромъ приговоръ надъ Наполеономъ. Отъ Березины до Нѣмана опустошенія видно менѣе, но край, въ отношеніи къ происходившему въ немъ театру войны, чрезвычайно любопытенъ. Преданіе

о Двѣнадцатомъ годѣ, какъ драгоцѣнное наслѣдство, должно переходить изъ рода въ родъ, и если когда нибудь облака помрачатъ горизонтъ Россіи, пусть потомки, освѣжа въ своей памяти событія роковаго года, воскресятъ славу нашего отечества!

Легко вообразить пышныя, сдѣланныя намъ встрѣчи въ Варшавскомъ Герцогствѣ, отъ великодушія Государя ожидавшемъ своего политическаго возрожденія. Побѣжденные, Поляки не имѣли никакихъ другихъ основаній надѣяться на возстановленіе своей родины, какъ возсылая мольбы къ Тому, Чьимъ оружіемъ были они покорены. Повсемѣстно жаловались въ Варшавскомъ Герцогствѣ на прежнее Французское управленіе. Мы переѣхали Австрійскую границу близъ Кракова. Кроткое правленіе Императора Франца благодѣтельствовало странамъ, ему подвластнымъ, и вездѣ видны были слѣды мудрыхъ законовъ, ограждаемыхъ въ своей неприкосновенности коллегіяльными обрядами. 12-го Сентября я пріѣхалъ въ Вѣну. Мнѣ отвели комнаты въ Императорскомъ дворцѣ. Въ то время уже находились въ Вѣнѣ болѣе семидесяти особъ, принадлежащихъ къ владѣтельнымъ Домамъ; нѣкоторые изъ нихъ жили во дворцѣ. Въ его длинныхъ корридорахъ и огромныхъ залахъ встрѣчались лица всѣхъ

Европейскихъ странъ, слѣдовательно говорящія на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ возможныхъ мундирахъ. Въ первые дни, смѣшеніе лицъ, нарѣчій и одеждъ казалось настоящимъ маскарадомъ: только не доставало Папы и Султана.

ГЛАВА II.

Пріѣздъ Государя въ Вѣну. — Великія Княгини. — Принцъ де Линь. — Эрцгерцогъ Карлъ. — Императрица Елисавета Алексѣевна. — Различныя требованія на Конгрессъ. — Представленіе Принцевъ. — Взглядъ на Конгрессъ. — Александръ въ дѣлахъ Конгресса. — Слова Государя о границахъ Россіи. — Чиновники при Государѣ.

Сентября 13-го громъ пушекъ возвѣстилъ прибытіе Государя. Назначенныя для Его Величества комнаты были наполнены вельможами Австрійскаго Двора и иностранцами, жаждавшими увидѣть миротворца Европы. По знатности фамилій вельможъ и пріемамъ ихъ, легко было можно заключить, что они принадлежатъ къ древнѣйшему Двору Европы. Въ Австріи, менѣе, нежели въ какомъ либо другомъ Государствѣ, дѣйствуетъ духъ нововведеній; тамъ старинныя дворянскія фамиліи, «умъ и душа народа,» пользуются особеннымъ уваженіемъ, справедливо

стяжаннымъ ими на поприщѣ военномъ и гражданскомъ, и истинно барскимъ образомъ жизни въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ онѣ проводятъ большую часть года, живя въ Вѣнѣ только зимою. Во дворцѣ находились также Великія Княгини Марія Павловна и Екатерина Павловна. Принцъ де Линь сказалъ: «Великая Княгиня Марія привязываетъ къ се-«бѣ сердца, а Екатерина беретъ ихъ приступомъ.» При Ихъ Высочествахъ были посланники наши, Графъ Головкинъ и Ханыковъ. Первый извѣстенъ посольствомъ въ Китай, а второй сочинялъ прекрасные стихи на Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Такъ въ Римѣ, въ царствованіе Августа, вельможи владѣли съ такою же легкостію Греческимъ языкомъ, какъ и своимъ природнымъ.

Генералъ Жомини представилъ меня Принцу де Линь, болѣе полувѣка удивлявшему Европу любезностію и умомъ. Но я видѣлъ въ немъ, такъ сказать, остатки необыкновеннаго человѣка, бывшаго душею общества Екатерины и Фридриха, Маріи-Антуанеты и Іосифа, и для Русскихъ незабвеннаго тѣмъ, что, постигнувъ геній Великой Законодательницы Россіи, онъ изобразилъ его съ благоговѣніемъ подданнаго и безпристрастіемъ иностранца. Принцу де Линь было тогда около восьмидесяти лѣтъ;

онъ былъ роста высокаго, имѣлъ уста краснорѣчивыя, глаза быстрые. Говоря съ нимъ о пребываніи его въ Россіи, я мысленно переносился во дни плаванія Екатерины по Днѣпру, и воображалъ Ее среди высокихъ горъ Тавриды, въ странахъ, воспѣтыхъ Овидіемъ и увѣковѣченныхъ именемъ Ифигеніи. Я сдѣлалъ Принцу привѣтствіе по Французски, и очень нескладное: страшно было объясняться съ нимъ на томъ языкѣ, на которомъ онъ бесѣдовалъ съ Жанъ-Жакомъ и Вольтеромъ. Онъ ободрилъ меня своею привѣтливостью, и коснувшись нашей словесности, сказалъ: «Россія непостижима! Ломоно-«совъ и Державинъ соединяютъ съ Европейскимъ «образованіемъ понятія восточныхъ народовъ; а со-«чиненія Шувалова, Головкина и Уварова стоятъ на «ряду съ произведеніями лучшихъ Французскихъ пи-«сателей.» Отъ стихотворцевъ рѣчь перешла къ прозаикамъ, и Принцъ де Линь, узнавъ отъ Генерала Жомини о намѣреніи моемъ писать исторію прошедшей войны, просилъ, съ свойственною ему вѣжливостію, позволенія перевести ее на Французскій языкъ. «Имя переводчика,» отвѣчалъ я, «будетъ лучшимъ «средствомъ прославить мое сочиненіе.»

Вскорѣ объявили о прибытіи Государя во дворецъ. Принцъ де Линь былъ Капитаномъ гвардіи,

и поспѣшилъ на свое мѣсто во фронтѣ. Сперва шли Императоры Александръ и Францъ, потомъ Король Прусскій велъ обѣихъ Великихъ Княгинь, а позади ихъ слѣдовали прочіе Короли и Принцы, въ томъ числѣ и Эрцгерцогъ Карлъ. Нѣкогда защитникъ Германіи, онъ посвятилъ потомъ свои досуги описанію походовъ, поставившихъ его въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, на ряду съ первыми полководцами. Онъ худощавъ и невысокъ ростомъ; какая-то задумчивость видна въ глазахъ его. Когда Монархи вошли во внутреннія комнаты, насъ пригласили къ роскошному столу Гофмаршала.

Въ теченіе всего Сентября мѣсяца, безпрестанно пріѣзжали на Конгрессъ Владѣтельныя особы, Послы и Министры Державъ, Депутаты Вольныхъ городовъ и Республикъ, и лица съ полномочіями разнаго рода. Явилось также большое число банкировъ, художниковъ, литераторовъ, прожектеровъ и путешественниковъ. Однихъ привлекали въ средоточіе тогдашняго политическаго міра дѣла, другихъ честолюбіе и корысть, или просто любопытство. Всѣ между собою знакомились, дѣлали другъ другу взаимныя посѣщенія, заводили связи. Слабѣйшіе старались частнымъ образомъ и побочными путями склонять заблаговременно голоса въ свою пользу, между тѣмъ какъ

Державы, имѣвшія стотысячныя арміи въ подкрѣпленіе своихъ требованій, спокойно ожидали открытія засѣданій. Желанія, надежды и требованія Кабинетовъ и частныхъ лицъ были такъ же различны, какъ и самыя выгоды каждаго изъ нихъ. Всѣ теперь думали найдти благопріятный случай для вознагражденія своихъ потерь, тѣмъ болѣе, что при началѣ Конгресса, и даже довольно долго въ продолженіе его, многіе не имѣли опредѣлительныхъ понятій объ его сущности и назначеніи, и ошибочно полагали, что Конгрессъ былъ верховнымъ судилищемъ во всѣхъ дѣлахъ Европы вообще. Однимъ было нужно разширеніе границъ, другіе просили только о возвращеніи прежнихъ правъ своихъ и вѣковаго своего достоянія. Земли, въ послѣдніе годы утратившія самостоятельное существованіе, и Монархи, лишившіеся престоловъ, или почитавшіе права владѣнія своего не довольно твердыми, присылали, судя по возможности, явныхъ или тайныхъ представителей. Въ то время, когда Россія предъявляла требованія на Варшавское Герцогство, Пруссія на Саксонію, а Австрія на верхнюю Италію, Женевская Республика домогалась отъ сосѣдняго ей Швейцарскаго Кантона нѣсколько десятинъ виноградниковъ. «Въ чемъ заключаются притязанія

«Ганзеатическаго Союза?» спросилъ я у Сенатора Шмита, уполномоченнаго отъ трехъ вольныхъ торговыхъ городовъ Бремена, Гамбурга и Любека. Онъ отвѣчалъ: «Кольбертъ, предлагая Французскимъ купцамъ «покровительство, желалъ знать, чѣмъ онъ можетъ «быть имъ полезенъ? Они сказали ему: не мѣшай-«тесь въ наши дѣла.».

Талейранъ, который за нѣсколько лѣтъ, бывъ Министромъ иностранныхъ дѣлъ торжествовавшаго надъ Австріею Наполеона, предписывалъ здѣсь законы, явился на Конгрессъ одинъ изъ послѣднихъ. На лицѣ его, всегда спокойномъ, изображалось, что онъ состарѣлся въ чрезвычайныхъ переворотахъ, научившихъ его ничему не удивляться. Въ Октябрѣ прибыла въ Вѣну Императрица Елисавета Алексѣевна, украшавшая Престолъ совершенствомъ женскихъ добродѣтелей. День Ея пріѣзда былъ праздникомъ для Вѣнскихъ жителей; мы, Русскіе, видавшіе Ее вблизи, врядъ ли будемъ въ состояніи выразить благоговѣйныя наши къ Ней чувствованія. Коронованныхъ Главъ и Полномочныхъ Пословъ Государь принималъ поодиначкѣ въ Своемъ кабинетѣ, а для всѣхъ прочихъ Принцевъ крови назначилъ день общаго представленія. Число ихъ было такъ значительно, что они едва помѣстились въ обширной пріемной залѣ Государя. Смотря

Въ томъ состояли важнѣйшія занятія Конгресса. Онъ былъ менѣе продолжителенъ, нежели Мюнстерскій и Утрехтскій, и утвердилъ за Россіею Царство Польское, возстановилъ Монархіи: Австрійскую, Прусскую, Неаполитанскую и Сардинскую, основалъ Нидерландское Королевство, опредѣлилъ точныя границы различнымъ владѣтелямъ Нѣмецкой земли и Италія, составилъ Союзный актъ на развалинахъ Германской конституціи, даровалъ таковый же Швейцаріи, и, наконецъ, не упоминая о многихъ второстепенныхъ мѣроположеніяхъ, сдѣлалъ первый шагъ къ уничтоженію постыднаго торга Африканскими невольниками.

Легко вообразить, что представителями различныхъ Государствъ на Конгрессѣ явились лица съ самыми отличными способностями, или почитавшіяся за умнѣйшихъ. Русскіе Полномочные были не что иное, какъ исполнители предначертаній Александра, вообще Своею славою обязаннаго только одному Себѣ. По природнымъ дарованіямъ, образованію и проницательности, Александръ стоялъ на несравненно высшей степени, нежели всѣ, Его окружавшіе. Нравственное Его превосходство было признаваемо ими безусловно. Перемѣна, происшедшая въ Его характерѣ со времени Отечественной войны, была

также очевидна. Отбросивъ прежнюю къ Себѣ недовѣрчивость, Онъ сдѣлался твердъ и предпріимчивъ. Въ отношеніи къ чужестраннымъ Державамъ, Его положеніе было безпримѣрно: силою восторжествовавъ надъ геніемъ войны, почитавшимся неодолимымъ, Онъ обратилъ могущество свое на водвореніе общаго мира. За безкорыстіе Его ручались самыя выгоды безпредѣльной Имперіи Его, не нуждавшейся въ излишнемъ распространеніи. «Симъ «счастливымъ положеніемъ границъ нашихъ,» сказалъ мнѣ однажды Государь, «обязаны мы Про-«мыслу Божію. Онъ поставилъ Россію въ такое со-«стояніе, что ей не надобно новыхъ пріобрѣтеній. По-«тому она имѣетъ безпристрастный голосъ въ поли-«тическихъ дѣлахъ Европы, подобно какъ въ част-«номъ быту тотъ, кому не остается ничего желать, «всегда бываетъ откровеннѣе и призывается други-«ми въ посредники. Это дало намъ большой пе-«ревѣсъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ и въ Парижѣ, «какъ во время перваго, такъ и втораго нашего «тамъ пребыванія.» Слова сіи сказаны были въ весьма любопытномъ разговорѣ, въ тотъ же день мною записанномъ, точно въ томъ видѣ, какъ онъ происходилъ, на возвратномъ пути изъ Варшавы, въ 1816-мъ году, когда Государь остановился для обѣда

на станціи Клейнъ-Пунгернъ, не далеко отъ Дерпта. За столомъ насъ было трое: Его Величество, Князь Петръ Михайловичъ Волконскій и я. Императоръ спросилъ меня, понравился ли мнѣ видъ Чудскаго озера, мимо котораго мы только что проѣхали? Я отвѣчалъ, что оно привело мнѣ на память древніе предѣлы Россіи.—«Признайся,» возразилъ Государь, «что съ тѣхъ поръ границы наши поразширились. «Не знаю,» продолжалъ Онъ, «Государства, которое «бы имѣло столь выгодныя границы. Возьмемъ отъ «самаго Сѣвера. Ботническій заливъ есть непреодо-«лимая стѣна, и въ окрестностяхъ Торнео нападеній «бояться намъ не должно: тамъ ходятъ одни олени «и Лапландцы. Петръ Первый хотѣлъ имѣть грани-«цею Ботническій заливъ, но ему не удалось приве-«сти мысли сей въ исполненіе. Обстоятельства заста-«вили насъ вести войну со Шведами, и завоеваніе «Финляндіи имѣло уже для Россіи величайшую поль-«зу. Безъ него, въ 1812-мъ году, не могли бъ мы, мо-«жетъ быть, одержать успѣха, потому что Наполе-«онъ имѣлъ въ Наслѣдномъ Шведскомъ Принцѣ сво-«его подручника, который, находясь въ пяти мар-«шахъ отъ нашей столицы, неминуемо былъ бы «принужденъ соединить свои силы съ Наполеоновы-«ми. Наслѣдный Принцъ нѣсколько разъ мнѣ это

«сказывалъ, и присовокупилъ, что онъ имѣлъ отъ «Наполеона предписаніе объявить Россіи войну. Од- «накожъ Принцъ зналъ, что хотя мы и могли имѣть «въ войнѣ неудачу, но черезъ нѣсколько лѣтъ мы «опять бы возстали, или по смерти Наполеона, или «при перемѣнѣ обстоятельствъ, и, укрѣпясь собствен- «ными силами своими, отомстили бы Шведамъ. Что «касается до Турціи, то, по многимъ соображеніямъ, «особенно по ея теперешнему безсилію, она для «насъ самый безопасный, и потому наилучшій со- «сѣдъ. Взглянемъ на нашу Европейскую или запад- «ную границу....»

Уполномоченные на Конгрессѣ съ нашей стороны были Князь Разумовскій, Графъ Стакельбергъ и Графъ Нессельроде. При Государѣ находились Генералъ-Адъютанты Уваровъ, Князь Волконскій, Чернышевъ, Жомини, Графъ Ожаровскій, Князь Трубецкой и Кутузовъ, Флигель-Адъютанты Брозинъ, Панкратьевъ и Киселевъ; для гражданскихъ дѣлъ, Статсъ-Секретарь Марченко. Кромѣ трехъ уполномоченныхъ, Императоръ употреблялъ также въ дѣлахъ Конгресса, Генерала Поццо-ди-Борго, Барона Анштета, Графа Каподистрія и Барона Штейна, не находившагося тогда въ службѣ ни одной Державы; онъ носилъ Прусскій мундиръ, нашу

Андреевскую ленту, имѣлъ домъ въ Прагѣ, а помѣстья въ Пассаускомъ Герцогствѣ. Самыя важныя дипломатическія бумаги Государь писалъ собственноручно. Онъ былъ такъ же краснорѣчивъ на бумагѣ, какъ и на словахъ. Въ затруднительныхъ случаяхъ, когда полномочные Россіи встрѣчали на Конгрессѣ сильныя противорѣчія, Государь лично велъ переговоры не только съ Монархами, но и съ чужестранными Министрами, проводя съ ними наединѣ въ кабинетѣ по нѣскольку часовъ, въ жаркихъ спорахъ. Мнѣ случалось неоднократно приглашать къ Его Величеству Герцога Веллингтона, Лорда Кастельре, Князей Талейрана, Гарденберга, Меттерниха, и другихъ знаменитыхъ дипломатовъ, и слышать изъ ближней комнаты продолжительныя, громкія ихъ пренія, послѣ чего сановники выходили изъ кабинета Государева съ пламенными лицами. Въ Европейскомъ Ареопагѣ, гдѣ надлежало разсѣчь новый Гордіевъ узелъ, устроить жребій нашего полушарія, Императоръ Александръ состязался съ искуснѣйшими Государственными мужами Своего вѣка, и торжествовалъ надъ ними не силою, потому что она была здѣсь неумѣстна, но убѣжденіемъ и превосходствомъ Своихъ умственныхъ способностей.

ГЛАВА III.

Праздникъ въ Аугартенѣ.—Асперпъ и Ваграмъ.—Шенбрунъ.—Римскій Король.—Праздникъ въ Пратерѣ.—Обѣдъ въ домѣ Графа Разумовскаго.

Сентября 23-го давали въ Аугартенѣ праздникъ инвалидамъ. Множество каретъ и пѣшеходовъ покрывало улицы, ведущія къ цвѣтущему Аугартену, гдѣ на воротахъ, по повелѣнію Іосифа II-го, помѣщена слѣдующая надпись: «Мѣсто посвященное народу по«читателемъ его.» Монархи, Принцы и весь Дворъ находились въ нарочно приготовленной для нихъ бесѣдкѣ. Инвалиды, имѣющіе въ Австріи особенный мундиръ, открыли праздникъ. Они проходили мимо царской бесѣдки по два въ рядъ и сѣли въ концѣ аллеи за длинные столы, поставленные вокругъ трофеевъ, на верху которыхъ играли музыканты.

Потомъ бѣгуны и вольтижеры показывали искуство свое въ теченіе часа, а когда смерклось, Дворъ отправился смотрѣть обѣдъ престарѣлыхъ воиновъ, привѣтствовавшихъ появленіе Монарховъ громкими восклицаніями. Послѣ фейерверка насъ повели сквозь ворота, построенныя по рисунку Бранденбургскихъ въ Берлинѣ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, увидѣли мы колонну, сооруженную на подобіе той, какую предполагали воздвигнуть въ Москвѣ изъ непріятельскихъ орудій. Пушки были поставлены одна на другую; внизу находилось грудное изображеніе Государя, вѣнчаннаго побѣдою. Не знаю, какими глазами иностранцы смотрѣли на колонну, потому что всѣ Европейскія Державы способствовали къ доставленію матеріяловъ для нея. Императрица Елисавета Алексѣевна и Великія Княгини были глубоко тронуты; къ сожалѣнію, темнота вечера не позволяла мнѣ видѣть въ ту минуту лице Александра.

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ праздника въ Аугартенѣ, Эрцгерцогъ Карлъ предложилъ Государю обозрѣть поля сраженій при Асперн҃ѣ и Ваграмѣ. Въ свитѣ Государя находились Генералы Чернышевъ и Графъ Виттъ, бывшіе въ 1809 году при Наполеонѣ. Они разсказывали о дѣйствіяхъ Французской арміи, а Эрцгерцогъ говорилъ о движеніяхъ Австрійцевъ:

такимъ образомъ раскрывалось передъ нами происходившее съ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Сперва мы поѣхали въ Асперпъ, гдѣ едва Французская армія не погибла. Какъ въ военной исторіи не была извѣстна причина, почему Эрцгерцогъ, послѣ уничтоженія мостовъ на Дунаѣ, не довершилъ пораженія своихъ непріятелей, то я чрезвычайно былъ любопытенъ знать, какимъ образомъ онъ объяснитъ это обстоятельство. Государь, какъ будто невзначай, спросилъ его зачѣмъ онъ не воспользовался побѣдою? Эрцгерцогъ отвѣчалъ: «У меня былъ «недостатокъ въ снарядахъ.» Отвѣтъ не всѣмъ показался удовлетворительнымъ, и многіе остались при томъ мнѣніи, что Эрцгерцогъ прекратилъ бой и остановилъ дальнѣйшія нападенія, не воображая, до какой степени Французская армія была разстроена. Ѣхавшій подлѣ меня Генералъ Жомини сказалъ мнѣ, что Наполеонъ, разговаривая съ нимъ послѣ Эслингенскаго сраженія, произнесъ слѣдующія слова: «Каждому кадету извѣстна невозможность перехо«дить черезъ Дунай безъ большой потери въ ви«ду ста двадцати-тысячной непріятельской арміи, но «я зналъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ моего против«ника, и потому отважился на подвигъ.» Французы обязаны спасеніемъ своимъ какъ заблужденію

Эрцгерцога, почитавшаго непріятельскую армію еще сильною, такъ равно и отчаянной храбрости Массены. Со шпагою въ рукахъ, то на лошади, то пѣшкомъ, ободрялъ онъ солдатъ и бранилъ непріятелей, увѣряя, что Австрійцы не осмѣлятся преслѣдовать. Намъ показывали также мѣсто, гдѣ Наполеонъ увидѣлъ раненаго Маршала Ланна и утѣшалъ старинчаго своего сподвижника. Въ уста Ланна Французскіе писатели влагаютъ краснорѣчивыя слова, но онъ просто отвѣчалъ Наполеону: «Оставьте меня въ по-«коѣ и помышляйте только о средствахъ извлечь ар-«мію изъ того ужаснаго положенія, въ какое вы ее «ввергнули.» Когда мы подъѣхали къ берегу Дуная, гдѣ Наполеонъ сѣлъ въ лодку и переправлялся на островъ Лобау, произошло внезапно общее между нами молчаніе. Невольно предаешься размышленію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ исполнилась или могла рѣшиться судьба великихъ происшествій. Государь прервалъ молчаніе, сказавъ: «Странный человѣкъ! Онъ «поручаетъ погибающую армію Массенѣ, а самъ «ѣдетъ отдыхать и проводитъ ночь въ крѣпкомъ снѣ!»

Осмотрѣвъ поле сраженія при Аспернѣ, мы поѣхали обѣдать въ Энцерсдорфъ. Передъ столомъ, мы, Русскіе, разговаривали между собою. Замѣтя насъ стоявшихъ поодаль всѣхъ, Государь подошелъ къ

намъ и сказалъ: «Обращайтесь какъ можно вѣжливѣе «съ иностранцами; надобно имъ показать, что мы не «медвѣди.» За обѣдомъ Государь пилъ за здоровье Эрцгерцога Карла; потомъ мы поѣхали въ Ваграмъ, гдѣ во всемъ блескѣ явились необыкновенныя способности Наполеона. Эрцгерцогъ говорилъ объ немъ безъ всякаго лицетріятія, какъ мужъ, цѣнящій высокое достоинство своего соперника, и вообще плѣнялъ скромностію, составляющею отличительное свойство характера его. Въ пять часовъ мы пріѣхали въ Дейчъ-Ваграмъ, гдѣ нашли ожидавшія насъ придворныя коляски, и возвратились въ Вѣну прекраснѣйшимъ осеннимъ вечеромъ.

3-го Октября насъ пригласили въ Шёнбрунъ, загородный дворецъ, въ трехъ верстахъ отъ Вѣны. Въ саду, на горѣ, построенъ храмъ славы, нѣкогда любимое мѣсто Маріи-Терезіи, откуда она обозрѣвала свою столицу и ея окрестности. Подлѣ меня стоялъ какой-то вѣжливый Камергеръ, и называлъ по именамъ присутствовавшихъ тутъ гостей, которыхъ я не зналъ: «Вотъ Принцъ Альбани,» сказалъ онъ.— «Неужели,» спросилъ я, «другъ Винкельмана?»— «Онъ самый,» отвѣчалъ Камергеръ; «прекрасная «Вилла Альбани принадлежитъ ему.» Я подошелъ къ Принцу. Онъ говорилъ мнѣ о Винкельманѣ, жившемъ

въ его домѣ и разсказывалъ много подробностей, касающихся до великаго писателя; бесѣдуя объ изящныхъ искуствахъ и Римѣ, мы забывали, что находились посреди самаго блестящаго общества въ свѣтѣ.

Шенбрунскій дворецъ являлъ картину непостоянства и превратности счастія. Въ немъ живалъ Наполеонъ, послѣ двукратнаго покоренія Вѣны, въ немъ подписалъ онъ въ 1809 году миръ, вынудившій Австрію уступить ему пространныя области, населенныя болѣе нежели тремя милліонами жителей, и въ этомъ самомъ дворцѣ помѣстили, во время Конгресса, сына Наполеонова. Я просилъ позволенія видѣть ребенка, съ колыбели игралище судьбы, вспоминая то недавнее время, когда его рожденіе, воспѣтое и празднованное во всѣхъ частяхъ свѣта, казалось залогомъ прочности новой политической системы. Меня повели въ комнату, небогато убранную. Посреди ея стояли три женщины въ черныхъ платьяхъ. Одна изъ нихъ, госпожа Монтескью, держала за руку малютку, имѣвшаго тогда четыре года отъ рода. Густые бѣлые волосы, падавшіе локонами на плеча, осѣняли прекрасные голубые глаза его и миловидное лице; бѣлизна лица увеличивалась отъ черной гусарской куртки. На Принцѣ была звѣзда почетнаго легіона и три ордена, учрежденные Наполеономъ. Онъ

любилъ посѣщенія военныхъ и внимательно осматривалъ мой мундиръ и шпагу. «Часто,» сказала мнѣ госпожа Монтескью, «твердитъ онъ о Фонтенебло и «Рамбулье, и каждый день спрашиваетъ о своемъ па«пенькѣ.» Его окружали исключительно Французы; Нѣмцевъ при немъ не было. Минутъ черезъ десять вошло нѣсколько Англичанъ; они начали предлагать нескромные вопросы, и я откланялся Принцу.

Въ воспоминаніе Лейпцигскаго сраженія, 6-го Октября, Императоръ Францъ угощалъ въ Пратерѣ обѣденнымъ столомъ тридцать тысячь войскъ. Сперва проходили они церемоніяльнымъ маршемъ. Государь, по приближеніи гренадерскаго имени Его полка, сталъ впереди перваго взвода, обнажилъ шпагу и отдалъ честь Императору Францу. Неожиданная почесть, воздаиная Монарху ихъ, привела Вѣнскихъ жителей въ восторгъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ продолженіе парада не отлучался отъ своего кирасирскаго полка, командовалъ имъ на Нѣмецкомъ языкѣ и также салютовалъ Австрійскаго Императора. По окончаніи угощенія, народъ разсѣялся по Пратеру, единственному, не имѣющему себѣ подобнаго въ Европѣ гулянью. Почти каждый день гремитъ тамъ музыка, разъѣзжаютъ щегольскіе экипажи, молодые люди рисуются на статныхъ лошадяхъ,

красавицы щеголяютъ нарядами, миловидныя дѣвушки подносятъ букеты цвѣтовъ и безчисленное множество добродушныхъ Нѣмцевъ, не волнуемыхъ страстями, сидятъ за круглыми столиками, или гуляютъ пѣшкомъ по темнымъ каштановымъ аллеямъ. Не взирая на великое число посѣтителей, бывающихъ въ Пратерѣ, особенно по Четвергамъ и въ Воскресные дни, тамъ не видно ни одного полицейскаго чиновника. Тишина и спокойствіе никогда не нарушаются: никто не перебиваетъ другъ у друга дороги, каждый знаетъ свое мѣсто. Эрцгерцоги и военные являются во фракахъ и безъ орденовъ, раздаваемыхъ въ Австріи не щедро. Жадность къ достиженію знаковъ отличія, составляющая истинную болѣзнь нашего вѣка, въ Австріи еще неизвѣстна.

На слѣдующій день, Государь пригласилъ болѣе трехъ сотъ особъ къ обѣденному столу въ великолѣпномъ домѣ Графа Разумовскаго, поселившагося въ Вѣнѣ. Кромѣ двухъ Императоровъ съ Ихъ супругами, четырехъ Королей и тридцати особъ, принадлежавшихъ къ владѣтельнымъ Домамъ, тутъ находилися только военные, участвовавшіе въ Лейпцигскомъ сраженіи. Столовая зала, перестроенная для праздника изъ манежа, была убрана знаменами всѣхъ Союзныхъ Державъ. На столахъ возвышались

воинскіе трофеи. Они состояли изъ трехъ-цвѣтныхъ Французскихъ знаменъ, украшенныхъ Наполеоновыми орлами и круглыми щитами, съ означеніемъ побѣдъ, одержанныхъ Союзниками въ 1813 и 1814 годахъ. Каждый присутствовавшій видѣлъ передъ собою дни собственныхъ своихъ подвиговъ или славы своихъ единоземцевъ, а для военнаго воспоминаніе есть сокровище, ничѣмъ оцѣнимое. Скромность не позволила начертать побѣдъ, одержанныхъ въ Отечественную войну, потому тутъ не было именъ Бородина, Тарутина, Краснаго, Клястицъ, Вязьмы и другихъ битвъ, драгоцѣннаго достоянія Россіи. Праздникъ былъ данъ въ тотъ самый день, когда ровно за два года передъ тѣмъ, непріятели побѣжали изъ Москвы и занялась заря свободы нашего Отечества и Европы. За обѣдомъ Государь преимущественно обращалъ рѣчь къ Эрцгерцогу Карлу и два раза обнялъ Фельдмаршала Князя Шварценберга. Великая Княгиня Екатерина Павловна, выходя изъ-за стола, подала Фельдмаршалу руку; такимъ образомъ предводитель Союзныхъ армій подъ Лейпцигомъ, при каждомъ случаѣ особенно отличаемый Императоромъ Александромъ, шелъ впереди большей части Принцевъ царской крови.

ГЛАВА IV.

Поѣздка въ Венгрію. — Славяне. — Премъ. — Національный Музеумъ. — Офенъ и Пестъ. — Представленіе Венгерцевъ. — Разговоръ о Наполеонѣ. — Венгерскія женщины. — Гулянье на Маргаритиномъ острову. — Балъ у Графа Шандора. — Отъѣздъ въ Пресбургъ. — Стихотворенія.

Пріятны минуты, когда готовимся ѣхать въ Государство, гдѣ мы еще не бывали! Воображеніе волнуется отъ ожиданія видѣть новую землю, другихъ людей, слышать сужденія ихъ, распространить кругъ своихъ понятій. Такъ радовался я при извѣстіи о предстоявшей мнѣ поѣздкѣ въ Венгрію, куда Государь отправлялся на пять дней, вмѣстѣ съ Императоромъ Австрійскимъ, Королемъ Прусскимъ, братомъ его Принцемъ Вильгельмомъ и Эрцгерцогомъ Палатиномъ.

12-го Октября вечеромъ мы поѣхали изъ Вѣны

прямо въ Офенъ, намѣреваясь на возвратномъ пути посѣтить Пресбургъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, я находился уже въ предѣлахъ Венгріи, среди разбросанныхъ селеній и необработанныхъ полей; бѣдные, длинноволосые крестьяне, съ небритыми усами, окутаны въ овчины; станціонные смотрители и чиновники, выходившіе къ намъ на встрѣчу, были въ гусарскихъ платьяхъ—общей одеждѣ дворянства, даже ученыхъ и профессоровъ. Дорога шла большею частію вдоль Дуная; на немъ являлось мало движенія и жизни; кое-гдѣ мелькали рыбачьи лодки; берега покрыты пролѣскомъ; стоявшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ рѣкою утесистыя скалы придавали еще болѣе унынія природѣ дикой, невоздѣланной, находящейся въ рѣзкой противоположности съ цвѣтущими, плодоносными пажитями Австріи. Среди толпившихся во всѣхъ селеніяхъ вокругъ коляски Государевой жителей, пріѣхали мы ночью въ Офенъ.

14-го Октября, рано поутру, когда во дворцѣ все еще покоилось сномъ, нетерпѣливо желая ознакомиться съ столицею Венгріи, пошелъ я гулять по Офену и Песту. Появленіе Русскаго офицера возбудило общее любопытство. Со всѣхъ сторонъ окружалъ меня народъ, а особенно Сербы и Славяне. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ сказалъ мнѣ: «Мы пріѣхали въ Офенъ

«издалека, стремясь увидѣть Монарха Славянскаго по-«колѣнія. Всѣ поступки и дѣйствія Его являютъ въ «Немъ печать Царей.» Выраженіе поэтическое, показывающее чувства, исполнявшія къ Александру соплеменниковъ нашихъ и единовѣрцевъ. Они разсказывали мнѣ о своемъ восхищеніи, когда узнали объ истребленіи непріятелей въ 1812 году. «Мы радовались,» говорили они, «преимущественно тому, что Бонапарте «нашелъ преграду завоеваніямъ посреди Славянскаго «племени.» Одинъ Славянскій ученый, желавшій поднести Государю книгу своего сочиненія, писалъ ко мнѣ письмо, и между прочимъ говорилъ: «Я хотѣлъ «воспользоваться пріѣздомъ Императора Алек-«сандра въ Венгрію, чтобы повергнуть книгу мою «къ стопамъ всѣми обожаемаго Монарха Славянъ, въ «доказательство, что и мы, Славяне, въ нашемъ уда-«ленномъ отъ васъ уголкѣ земли, стараемся пребыть «Славянами, трудимся надъ нашимъ языкомъ, лю-«бимъ науки, и взираемъ съ привязанностію и благо-«говѣніемъ на Россію, какъ на великое отечество «Славянъ.»

Возвратясь во дворецъ, я встрѣтилъ Іеромонаха, живущаго четыре года при могилѣ прекраснѣйшей изъ внукъ Екатерины, Великой Княгини Александры Павловны, погребенной въ мѣстечкѣ Иремѣ,

семь верстъ отъ Офена, въ сторонѣ отъ большой дороги. Богомольцы собираются туда во множествѣ въ извѣстные праздники и благословляютъ память усопшей, снискавшей общую любовь въ теченіе кратковременнаго своего пребыванія въ Венгріи. Монахъ сказывалъ мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ въ Иремѣ, только одна особа Австрійскаго Дома, Императрица Марія-Луиза, супруга Наполеона, посѣтила уединенную могилу Русской Царевны.

Въ десять часовъ утра, Дворъ отправился осматривать достойныя вниманія заведенія въ Офенѣ и Пестѣ. Примѣчательнѣе другихъ національный Музеумъ, учрежденный для помѣщенія всѣхъ естественныхъ произведеній, добываемыхъ въ Венгріи. Въ немъ также находятся ея древности, старинное оружіе, утвари, монеты, искуственные предметы, дѣлаемые туземцами, сочиненія и карты, касающіяся до Венгріи. Основателемъ Музеума былъ Графъ Сеченій, въ 1802-мъ году завѣщавшій Венгріи свою библіотеку, состоящую изъ отечественныхъ книгъ. Его примѣръ нашелъ много подражателей, и по прошествіи трехъ лѣтъ библіотека до того умножилась, что надобно было перенести ее въ обширнѣйшій противъ прежняго домъ. Тогда родилась счастливая мысль, присовокупить къ книгохранилищу древности и всякаго

рода лыбопытные отечественные предметы. Предложеніе было одобрено на Сеймѣ, и въ скоромъ времени денежными и другими пожертвованіями, между которыми важнѣйшее есть ботаническій садъ, подаренный Княземъ Грассалковичемъ, Музеумъ доведенъ до степени, соотвѣтствующей цѣли его учрежденія. Въ немъ заключается десять тысячь книгъ, касающихся до Венгріи, 20,000 рукописей и большое количество монетъ. Денежный капиталъ, принадлежащій Музеуму, приноситъ 800 Голландскихъ червонцевъ дохода. Жаль, что въ столь прекрасномъ заведеніи нѣтъ портретовъ Венгерцевъ, отличившихся на службѣ, въ наукахъ и художествахъ, подобно тому, какъ въ Митавскомъ Музеумѣ, гдѣ находятся изображенія всѣхъ Курляндцевъ, на разныхъ поприщахъ снискавшихъ себѣ извѣстность.

Мы объѣхали почти весь Пестъ и Офенъ. Они не красивы. Домы большею частію въ одно и два жилья; лавки и магазины бѣдны; товары выставлены въ нихъ безъ разбора; широкія улицы наполнены старинными колясками, везомыми дурными лошадьми; не было ни одного экипажа, сдѣланнаго со вкусомъ. Жители стояли въ два ряда по улицамъ, гдѣ мы проѣзжали, и встрѣчали Монарховъ радостными восклицаніями. Они болѣе похожи на Малороссіянъ,

нежели на Нѣмцовъ, имѣя одинаковые съ нашими Украинцами военный видъ и гордую осанку.

Во дворцѣ ожидали Государя духовенство, военные, дворяне, чиновники и дамы. Императоръ явился тутъ въ первый разъ въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, къ чрезвычайному удовольствію Венгерцевъ, принявшихъ сіе знакомъ уваженія къ народному ихъ одѣянію. Между военными находился Графъ Радецкій, одинъ изъ отличныхъ Австрійскихъ Генераловъ, бывшій начальникомъ штаба арміи Князя Шварценберга въ послѣднихъ двухъ походахъ. Обнявъ меня, онъ сказалъ: «Никогда не забуду «того времени, когда я служилъ съ Русскими!» Послѣ военныхъ представлялось обоего пола дворянство, одно изъ блистательнѣйшихъ въ Европѣ, по древности фамилій, богатству и особенно по непоколебимой привязанности къ правамъ и обычаямъ своего края. Въ поступи мужчинъ видна твердость характера; женщины, прекрасныя собою, были одѣты въ черныя платья, имѣя на головѣ діадимы и черное или бѣлое покрывало. Послѣ общей аудіенціи, Государь принималъ въ кабинетѣ Греческаго исповѣданія Епископа Діонисія, ожидавшаго съ особеннымъ благоговѣніемъ той минуты, когда его позовутъ къ Императору. Единовѣрцы наши, подъ какою бы

они Державою ни находились, не перестаютъ признавать Россійскаго Монарха главою Церкви. Подарки, состоящіе въ книгахъ Священнаго Писанія и разныхъ утваряхъ, посылаемые изъ Петербурга по временамъ въ Греческіе храмы, внѣ отечества нашего находящіеся, согрѣваютъ въ нашихъ единовѣрцахъ мысль, что Россія есть общая ихъ матерь.

Въ два часа пригласили насъ къ обѣденному столу. Я сидѣлъ подлѣ Генерала Коллера. Въ минувшемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сопровождалъ онъ Наполеона изъ Фонтенебло до острова Эльбы, и жилъ тамъ съ нимъ нѣсколько недѣль. Онъ мнѣ сообщилъ разныя подробности о Наполеонѣ. «Упрямство и твердость» сказалъ ему бывшій Императоръ, «возвели меня на пре-«столъ. Я полагалъ, что мнѣ не слѣдовало измѣнять «моимъ правиламъ, и хотѣлъ вполнѣ сохранить сла-«ву мою, хотя угадывалъ, что непреклонность моя «могла стоить мнѣ престола, чѣмъ я впрочемъ не «дорожилъ. Я пошелъ на Сенъ-Дизье,» продолжалъ онъ, «зная изъ двадцати-лѣтнихъ опытовъ, что вы «приходили въ величайшее замѣшательство, лишь «только я отряжалъ нѣсколько гусаровъ на ваши со-«общенія, но теперь я сталъ въ тылу вашемъ со всею «арміею, и вы обо мнѣ мало заботились.» «C'est que «vous aviez le diable au corps!» присовокупилъ онъ.

Подлѣ Эльбы находится небольшой островъ, никому не принадлежащій. Наполеонъ присвоилъ его себѣ и сказалъ Коллеру: «Когда объ этомъ узнаютъ въ Ев-«ропѣ, конечно закричатъ, что Наполеонъ, пожирае-«мый страстію къ завоеваніямъ, занялъ чужую область! «Постарайтесь меня оправдать.» Онъ имѣлъ слабость увѣрять въ привязанности къ нему жителей Эльбы за его отеческое управленіе. «Если Франція не хо-«тѣла имѣть меня своимъ Монархомъ,» говорилъ онъ, «то я докажу здѣсь, что умѣю царствовать.»

Послѣ обѣда мы отправились на высокую гору, называемую Блоксбергъ, откуда на большое пространство видно теченіе Дуная. На горѣ обсерваторія. Начальникъ ея, извѣстный Баварскій художникъ Рейхенбахъ, показывалъ намъ астрономическіе инструменты. Прекрасный видъ съ Блоксберга занималъ меня болѣе, нежели разговоры профессора; мнѣ казалось, что весь Дворъ былъ моего мнѣнія. По возвращеніи въ замокъ, насъ пригласили на придворный балъ; особы обоего пола осыпали насъ привѣтствіями и вѣжливостями. Балъ былъ единственный въ своемъ родѣ: на большей части присутствовавшихъ были Венгерскія одѣянія. Женщины превзошли мое ожиданіе отличнымъ своимъ воспитаніемъ; онѣ говорятъ чистымъ Французскимъ языкомъ. Едва

можно повѣрить, что онѣ достигнули такой степени образованія въ странѣ, почитающейся въ числѣ не самыхъ просвѣщенныхъ. Онѣ были въ восхищеніи отъ Государя; нѣсколько разъ Императоръ танцовалъ съ молодою, прекрасною Графинею Орчи. Послѣ ужина мы ѣздили по городу; улицы были освѣщены разноцвѣтными огнями.

15-го Октября мы провели утро на ученьѣ коннаго полка, а оттуда приглашены были къ пышному придворному обѣду. Въ три часа по полудни, при рукоплесканіяхъ народа, мы поѣхали во фракахъ на Маргаритинъ островъ, лежащій на Дунаѣ, верстахъ въ трехъ отъ Офена. Долго гуляли мы по Англійскому саду на острову, и хотѣли возвращаться въ городъ, но насъ просили обождать собиранія винограда. Вдругъ явились паръ пятьдесятъ молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ, прекрасно одѣтыхъ въ платья народовъ, населяющихъ Венгрію. Они разсѣялись между виноградныхъ лозъ, пѣли національныя пѣсни, и срѣзываемые ими грозды дѣвушки подносили намъ. Осмотрѣвъ, какимъ образомъ приготовляютъ вино, мы вошли въ домъ, устроенный нарочно для принятія Монарховъ, и увидѣли съ балкона возвращеніе мнимыхъ крестьянъ, собиравшихъ виноградъ. Начались народныя пляски; послѣ, дѣвушки, почти всѣ

прекрасныя собою и въ цвѣтѣ лѣтъ, принесли къ намъ на верхъ большую корзину винограда, украшенную гирляндою; одна изъ красавицъ привѣтствовала Государя. Вслѣдъ за тѣмъ, изъ аллеи, противъ балкона, на которомъ мы стояли, вышли двадцать паръ маленькихъ мальчиковъ и дѣвушекъ, одѣтыхъ по гусарски; выступая съ важностію, они открыли Венгерскій танецъ и представляли балетъ. По окончаніи, собиратели винограда, взявшись за руки, стали по двумъ сторонамъ дороги, по которой намъ надлежало возвращаться, и подавались впередъ по мѣрѣ нашего приближенія къ берегу, гдѣ назначенныя для перевоза суда украшены были флагами Союзныхъ Державъ. Прелестная осенняя погода благопріятствовала прогулкѣ. Ни при одномъ Дворѣ не умѣютъ такъ хорошо устроивать разнаго рода увеселенія, какъ при Австрійскомъ. Напримѣръ, на Маргаритиномъ островѣ было насъ не болѣе пятнадцати особъ, и въ томъ числѣ три могущественные Монарха и два брата ихъ. Не взирая на то, царствовала совершенная непринужденность; вѣжливость Австрійскихъ придворныхъ простиралась до такой степени, что каждый изъ посѣтителей могъ думать, что нарочно для него приготовили прогулку.

Въ шесть часовъ мы поѣхали на балъ къ Графу

Шандору. Въ его домѣ, убранномъ съ изящнымъ вкусомъ, находилось самое отборное общество, безпрестанно изъявляя желаніе, чтобы Государь продлилъ Свое пребываніе въ Венгріи. Мнѣ весьма хотѣлось видѣть желаніе ихъ удовлетвореннымъ, потому что истинно дружеское обращеніе съ нами Венгерцевъ и непритворное расположеніе ихъ къ Русскимъ болѣе и болѣе меня къ нимъ привязывали. Поздно вечеромъ гости отправились отъ Графа Шандора въ редутъ. Тутъ находились лица всѣхъ сословій; общее вниманіе слѣдило только за нашимъ Императоромъ. На слѣдующее утро мы выѣхали изъ Офена. Къ крайнему сожалѣнію моему, не могъ я поклониться гробу Великой Княгини Александры Павловны въ Премѣ, гдѣ Государь слушалъ обѣдню. Мнѣ приказано было для нѣкоторыхъ дѣлъ спѣшить въ Пресбургъ. Ночью пріѣхалъ туда Государь. На другой день рано поутру я осматривалъ дворецъ, гдѣ мы остановились. Эрцгерцогъ Палатинъ, какъ хозяинъ, вставшій ранѣе всѣхъ, встрѣтилъ меня во дворцѣ и самъ водилъ по огромнымъ заламъ, не заключающимъ въ себѣ ничего любопытнаго. Позолота, штофныя обои, обитая бархатомъ мебель, утомляютъ глаза. Одно великолѣпіе, не украшенное произведеніями изящныхъ художествъ, не оставляетъ памятныхъ,

даже пріятныхъ впечатлѣній въ душѣ. Государь провелъ въ Пресбургѣ нѣсколько часовъ и отправился оттуда въ Вѣну. Тѣмъ кончилось наше поспѣшное, пяти-дневное путешествіе по Венгріи. Память объ немъ сохранится въ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ, изданныхъ тогда въ Офенѣ и Пресбургѣ. Похвалы стихотворцевъ уже давно признаются вымыслами лжи и игрою воображенія; поэзія лишилась правъ на достоинство исторіи, принадлежавшее ей въ древности, но творенія Венгерскихъ пѣвцевъ были истинными отголосками общаго мнѣнія Европы объ Александрѣ. Почти въ каждомъ изъ нихъ упоминается о Московскомъ пожарѣ. Сожженіе нашей столицы—жертва примиренія народовъ—поразившее величіемъ своимъ современниковъ, конечно возбудитъ не меньшее удивленіе въ потомствѣ. Приведемъ нѣсколько стиховъ, написанныхъ тогда Венгерскими поэтами:

Was flammt im Norden himmelleuchtend auf?
Welch junger Morgen leuchtet so schrecklich schön?
Die ewige Sonne lernte sie neuen Lauf? —
So sannen Völker, lauschten, staunten
Kunde vernehmend vom Opferbrande
Der hohen Moskwa.
Erkampft, erkämpft ist, was die Verzweiflung fast

Verloren preisgab, ruhiges Bürgerglück;
Erhoben sind gestürtzte Thronen,
Tempel des Friedens in allen Landen. (*)

Europas Befreyung
Legte die herrliche Stadt an der Moskwa!
Nennt mir, ihr Töchter des Lieds, o nennt ein Volk mir,
ihr Musen,
Reicher an Muth und Vaterlandsliebe!
Nennt mir eine That, die auch von der spätesten Nachwelt
Lauter verkündet zu werden verdiente!
Hört, ihr Griechen, nun auf Macedoniens Helden zu preisen,
Grösser als er ist Russlands Beherrscher.
Jener hat Länder zerrtört und Völker in Fesseln geschlagen,
Dieser Europa die Freiheit gegeben. (**)

(*) Ode von Köffinger, Ofen, 1814.

(**) Ode von Dankowsky, Presburg, 1814.

ГЛАВА V.

Увеселенія.—Катаніе въ саняхъ.—Карусель.—Театръ.—Императоръ Францъ.—Письмо къ нему Государя.—Кабинетъ его.—Австрійская Императрица.—Угощеніе Вѣнскаго Двора.—Обѣды у Государя.—Камеръ-балы.—Лагарпъ.—Умовеніе ногъ.

Октября 17-го Государь возвратился изъ Венгріи въ Вѣну, и хотѣлъ отправиться на короткое время въ Грецъ и Тріестъ, но по множеству и запутанности встрѣтившихся на Конгрессѣ дѣлъ, путешествіе не состоялось. Между тѣмъ, почти каждый вечеръ бывали балы и собранія при Дворѣ, у пословъ и Австрійскихъ вельможъ, а также въ публичныхъ мѣстахъ. Удостоенныя присутствіемъ Коронованныхъ Главъ, членовъ владѣтельныхъ Домовъ и множества знаменитыхъ людей, собранія являли прелесть необыкновенную и были оживляемы величайшею

непринужденностью. Невинныя увеселенія нашли однакожь порицателей, утверждавшихъ, что забавы несвоевременны и препятствуютъ заниматься дѣлами съ надлежащимъ вниманіемъ. «Каково идетъ Конгрессъ?» спросили у Принца де-Линь. «Онъ нейдетъ,» отвѣчалъ Принцъ, «а пляшетъ.».—Отвѣтъ болѣе остроумный, нежели справедливый. Неслыханныя въ Исторіи волненія потрясали Европу двадцать пять лѣтъ. Освященныя вѣками начала, служившія основаніемъ незыблемости Престоловъ, и взаимныя отношенія Державъ были ниспровергнуты. Прошло не болѣе полугода, какъ миновалися бури, грозившія поглотить самостоятельность государствъ. Чѣмъ огромнѣе была опасность, тѣмъ сильнѣе чувствовали радость избавленія, и тѣмъ охотнѣе лица, соединенныя въ Вѣнѣ, предавались разнаго рода удовольствіямъ, отнюдь не мѣшавшимъ ходу дѣлъ и занятіямъ Конгресса. Онъ совершилъ въ восемь мѣсяцовъ исполинскій подвигъ, важнѣйшій нежели постановленія Вестфальскаго мира, продолжавшагося семь лѣтъ. Сверхъ того, собранія были необходимы для сближенія разныхъ лицъ, не имѣвшихъ безъ того случая видаться часто и непринужденно. Кому извѣстенъ высшій кругъ дѣйствованій государственныхъ, тотъ знаетъ необходимость такого рода сближеній, при чемъ не

рѣдко начинаются и созрѣваютъ дѣла величайшей важности.

Вѣнскій Дворъ былъ неистощимъ въ изобрѣтеніи увеселеній и праздниковъ. По многочисленности своей, балы становились слишкомъ однообразны; потому прибѣгли къ другаго рода забавамъ. Выпалъ снѣгъ, и начали приготовлять катаніе въ великолѣпныхъ саняхъ, блестѣвшихъ позолотою и сдѣланныхъ на подобіе колесницъ. Но снѣгъ скоро сошелъ, и принуждены были отрядить множество людей собирать его по полямъ, въ корзинахъ, и усыпать имъ дорогу, назначенную для катанія. Впереди ѣхалъ Оберъ-Шталмейстеръ, Графъ Траутмансдорфъ; за нимъ слѣдовалъ Императоръ Францъ съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною, потомъ Государь съ Княгинею Габріеллою Ауерсбергъ, послѣ Король Прусскій съ Великою Княгинею Маріею Павловною, и такъ далѣе. Всѣхъ саней было до пятидесяти. Въ нихъ сидѣли почти исключительно владѣтельныя особы. Послѣ гулянья былъ карусель въ манежѣ, самомъ огромномъ и красивомъ въ Европѣ. Сражавшіеся рыцари, въ картинной одеждѣ среднихъ вѣковъ, съ шлемами, осѣненными разноцвѣтными перьями, принадлежали къ фамиліямъ, древностію своею теряющимся во мракѣ вѣковъ.

Конскіе уборы соотвѣтствовали одѣянію всадниковъ. По старинному обычаю, для раздачи наградъ побѣдителямъ, сидѣли въ особливой ложѣ дамы мыслей и сердецъ рыцарей. Въ полномъ смыслѣ слова, были онѣ облиты драгоцѣнными каменьями, и въ такомъ множествѣ, какого нѣтъ ни при одномъ Дворѣ. Зрители каруселя состояли почти изъ всѣхъ знаменитѣйшихъ нашихъ современниковъ.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ устроили при Дворѣ театръ, и представляли на немъ живыя картины: Олимпъ, Даріево семейство Лебрюна и другія, и играли Французскія комедіи. Актерами были придворные и военные, между прочимъ нѣсколько Русскихъ. Изъ разныхъ драматическихъ представленій, имѣли наиболѣе успѣха «Пѣсни трубадуровъ 1148 года.» Зять Короля Прусскаго, Князь Антоній Радзивилъ, въ роли престарѣлаго Блонделя, съ гитарою въ рукахъ, открылъ первое дѣйствіе пѣснею, прославляя красоту, любовь и славу. Онъ не сходилъ со сцены, и по мѣрѣ появленія другихъ дѣйствовавшихъ лицъ, называлъ каждое изъ нихъ въ куплетахъ, приноровленныхъ къ ихъ ролямъ. Актеры обоего пола пѣли относящіеся до Крестовыхъ походовъ романсы. Графъ Варжемонъ собралъ потомъ романсы вмѣстѣ съ нотами, въ особой книгѣ, и поднесъ Императрицѣ

Елисаветъ Алексѣевнѣ. Въ представленіяхъ красавицы имѣли возможность блеснуть своими прелестями и щегольскими нарядами, въ старинномъ вкусѣ, и обнаружить дарованія свои въ музыкѣ, но болѣе нежели онѣ, торжествовалъ тутъ Французскій языкъ. Хотя главныя занятія Конгресса состояли въ сооруженіи новаго политическаго зданія на развалинахъ Французской Имперіи, однакожь не только всѣ сношенія его, но даже увеселенія, были на языкѣ, упроченномъ писателями вѣка Лудовика XIV въ общее употребленіе просвѣщеннымъ народамъ.

Всѣ особы владѣтельныхъ Домовъ посѣщали собранія и балы у Пословъ и другихъ именитыхъ частныхъ людей, кромѣ Австрійскаго Императора. Онъ бывалъ только на придворныхъ балахъ, велъ себя, какъ старшій братъ царственной Европейской семьи, и не измѣнялъ своему обыкновенному образу жизни: вставалъ въ семь часовъ, обѣдалъ въ два, по вечерамъ занимался музыкою. Когда онъ обѣдывалъ у Государя, для него готовили особенныя, любимыя имъ блюда. Ежедневно можно было встрѣчать его въ окрестностяхъ Вѣны, пѣшкомъ или въ коляскѣ, одного или съ его супругою, одѣтаго во фракѣ, или коричневомъ сюртукѣ. Каждому изъ своихъ подданныхъ онъ давалъ ауедіенціи и говорилъ съ нимъ привѣтливо.

Когда его Министры дѣлали на Конгрессѣ какія либо особенныя требованія, или объявляли свое несогласіе на предложенія другихъ Державъ, Императоръ Францъ сказывался больнымъ и по нѣскольку дней не выходилъ изъ комнаты. Его братья и родственники подражали скромной его жизни.

По желанію Императора Франца, Государь принялъ въ Вѣнѣ званіе Шефа Гиллерова гренадерскаго полка, послѣ чего писалъ слѣдующее письмо Австрійскому Императору: «Милостивый Государь и «Братъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю «предложеніе Вашего Величества. Вы найдете Меня «всегда готовымъ пользоваться каждымъ случаемъ, «могущимъ болѣе и болѣе укрѣпить узы, къ счастію «между нами существующія. Въ увѣренности, что «Ваше Величество раздѣляете Мой образъ мыслей, «предлагаю Вамъ позволить одному изъ храбрѣйшихъ полковъ Моей арміи, Кексгольмскому гренадерскому, носить Ваше имя. Согласіе Ваше на Мое «желаніе будетъ для Меня пріятнѣйшимъ изъявленіемъ «Вашихъ чувствованій, а для Русской арміи самымъ лестнымъ доказательствомъ Вашего къ ней «уваженія.» (*)

(*) Monsieur mon frère! J'accepte avec autant d'empressement que de plaisir l'offre que Votre Majesté vient d

Черезъ нѣсколько дней потомъ, пришелъ ко мнѣ единственный Генералъ-Адъютантъ Австрійскаго Императора, Графъ Кучера, и пригласилъ меня отъ имени Монарха къ Его Величеству. Когда я вошелъ въ кабинетъ Императора Франца, онъ просилъ меня посмотрѣть, такъ ли онъ надѣлъ въ первый разъ Русскій мундиръ и соблюдены ли имъ всѣ строгія требованія нашего военнаго наряда. Кабинетъ его не великъ, мебели въ немъ простыя и древнія, камердинеры люди пожилые и обходятся съ Монархомъ вольно. Вообще при Вѣнскомъ Дворѣ видно, что находишься у старинныхъ Царей; благоговѣя къ памяти предковъ, не дѣлаютъ никакихъ перемѣнъ въ существующемъ порядкѣ. Возвращаясь, я смѣялся въ душѣ надъ игрою моей судьбы. На то

m'adresser. Elle me trouvera constamment prêt à saisir tout moyen qui puisse constater toujours davantage l'intimité des relations qui subsistent si heureusement entre nous. C'est dans la conviction combien Votre Majesté partage ce sentiment, que je lui propose également de permettre, que le régiment des grenadiers de Kexholm, l'un des plus braves de mon armée, porte son nom. Elle ne saurait me donner un témoignage qui me fut plus agréable, ni à l'armée russe une preuve plus flateuse de son estime.

ли, подумалъ я, посвящена мною молодость наукамъ, чтобъ быть признану на совѣщаніе — о туалетѣ?

Тогдашняя супруга Императора Франца была самая обходительная особа изо всей царствующей Австрійской фамиліи, и особенно уважаема Государемъ. Когда Его Величество принялъ званіе Шефа Гиллерова полка, даны были полку новыя знамена. Государь, въ Австрійскомъ мундирѣ, пошелъ со всѣми офицерами къ Императрицѣ и просилъ ее прикрѣпить знамена къ древкамъ. Громкимъ и твердымъ голосомъ говорила она офицерамъ о великой для нихъ чести, имѣть Самодержца Всероссійскаго Шефомъ своимъ, и изъявляла увѣренность, что они потщатся содѣлаться того достойными. Привязавъ знамена, Императрица вновь сказала прекрасное привѣтствіе.

Угощеніе Австрійскаго Двора Монархамъ и даже чиновникамъ, находившимся при нихъ, стоило огромныхъ издержекъ. Не щадили ничего, стараясь сдѣлать пребываніе въ Вѣнѣ пріятнымъ каждому. Такимъ образомъ, ежедневно поутру являлся ко мнѣ придворный служитель за приказаніями на счетъ обѣда и на сколько приборовъ накрывать столъ. Потомъ приходилъ берейторъ, спрашивать, какой экипажъ мнѣ нужно приготовить и сколько верховыхъ лошадей,

въ случаѣ, ежели я вздумаю прогуливаться съ пріятелями. Неизмѣнной и постоянной вѣжливости всѣхъ чиновъ Двора, начиная съ самыхъ почтенныхъ особъ, каковы были Князь Траушмансдорфъ и Графъ Врбна, описать не возможно.

У Государя бывали для особъ царствующихъ Домовъ обѣденные столы. Къ нимъ приглашали только трехъ изъ подданныхъ, Фельдмаршаловъ Герцога Веллингтона, Князя Шварценберга и Князя Вреде. Даже послы и наши полные генералы, въ числѣ которыхъ находился защитникъ Смоленска и Малоярославца, Дохтуровъ, были исключены изъ Царскаго общества. Оно обыкновенно состояло изъ слѣдующихъ лицъ:

1. Императоръ Александръ,
2. Императрица Елисавета Алексѣевна,
3. Австрійскій Императоръ,
4. Супруга его,
5. Король Прусскій,
6. ——— Датскій,
7. ——— Виртембергскій,
8. ——— Баварскій,
9. Великая Княгиня Марія Павловна,
10. ——— ——— Екатерина Павловна,
11. Наслѣдный Австрійскій Принцъ,

12. Эрцгерцогъ Карлъ,
13. ——————— Палатинъ,
14. ——————— Антонъ,
15. ——————— Райнеръ,
16. ——————— Лудвигъ,
17. ——————— Рудольфъ,
18. ——————— Іоаннъ,
19. ——————— Фердинандъ,
20. Неаполитанскій Принцъ Леопольдъ,
21. Эрцгерцогиня Леопольдина,
22. ———————— Клементина,
23. ———————— Беатриксъ,
24. Герцогъ Албертъ Саксенъ-Тешенскій,
25. Прусскій Принцъ Вильгельмъ,
26. ——— ——— Августъ,
27. Курфирстъ Гессенъ-Кассельскій,
28. Принцъ Гольштейнъ-Бекскій,
29. Баварскій Наслѣдный Принцъ,
30. ——— Принцъ Карлъ,
31. Виртембергскій Наслѣдный Принцъ,
32. ———————— Принцъ Фердинандъ,
33. Великій Герцогъ Баденскій,
34. ——— ——— Веймарскій,
35. Дармштадскій Наслѣдный Принцъ,
36. Герцогъ Кобургскій,

37. Принцесса Туринъ и Таксисъ,

38. Наслѣдный Принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій,

39. Кобургскій Принцъ Леопольдъ,

40. ——— ——— Фердинандъ,

41. Бывшій Вице-Король Италійскій Евгеній,

42. Гессенъ-Гомбургскій Наслѣдный Принцъ,

43. ——— Принцъ Филиппъ,

44. ——— ——— Лудвигъ,

45. Нассаускій Герцогъ,

46. « Наслѣдный Принцъ,

47. Принцъ Гессенъ-Филипстальскій, и

Три Фельдмаршала.

Когда у Государя бывали большіе обѣды, каждый изъ Флигель-Адъютантовъ Его Величества долженъ былъ приглашать къ столу двухъ или трехъ особъ. Съ подобнымъ порученіемъ досталось мнѣ однажды ѣхать къ бывшему Вице-Королю Италійскому Евгенію и одному Нѣмецкому Принцу. Какъ скоро доложили обо мнѣ Вице-Королю, онъ вышелъ на встрѣчу за нѣсколько комнатъ, просилъ къ себѣ въ гостиную, благодарилъ за сдѣланную ему честь и сказалъ: «Повергните меня къ стопамъ Его Величества;» потомъ вступилъ онъ со мною въ продолжительный разговоръ. Полный воспоминаніями бесѣды съ тѣмъ, кто еще недавно начальствовалъ противъ

насъ въ Малоярославцѣ, и стоялъ на ряду первыхъ полководцевъ нашего вѣка, я пріѣхалъ къ другому Принцу, и былъ принятъ имъ съ самыми пышными обрядами. Когда его извѣстили о моемъ пріѣздѣ, вдругъ отперли обѣ половины дверей многихъ горницъ. У каждыхъ дверей были лакеи, пажи и камергеры въ золотѣ, и я увидѣлъ Принца въ пятой комнатѣ, гдѣ онъ меня ожидалъ, стоя неподвижно, и не дѣлая ни шагу ко мнѣ впередъ.

Самыя примѣчательныя собранія, продолжавшіяся почти всю зиму при Дворѣ, были такъ называемые камеръ-балы, куда приглашали только Монарховъ, Владѣтельныхъ Князей и чиновниковъ, непосредственно принадлежавшихъ къ особамъ ихъ. Невозможно было смотрѣть безъ крайняго любопытства на соединенныхъ въ одной комнатѣ Повелителей почти всѣхъ народовъ Европы, супругъ ихъ и семействъ. Такимъ собраніямъ не бывало до сихъ поръ примѣровъ. Здѣсь-то надлежало видѣть глубокое благоговѣніе, питаемое къ Государю всѣми, и Монархами и сановниками, и какъ Онъ, нисходя съ необозримой высоты могущества и славы, куда былъ вознесенъ Провидѣніемъ, заставлялъ непринужденнымъ и снисходительнымъ обращеніемъ Своимъ забывать разстояніе, находившееся между Нимъ и

Его современниками. Являлось почти непостижимымъ, какъ можно быть столь очаровательну Тому, Котораго необыкновеннымъ свойствамъ вселенная платила достойную дань удивленія. Общее вниманіе устремлялось преимущественно на Государя, а Онъ, по врожденной Ему скромности, всячески старался уступать другимъ Монархамъ первенствующее мѣсто. Когда, при открытіи Конгресса, дошло до Его свѣдѣнія, что разсуждаемо было объ учрежденіи этикета въ собраніи Коронованныхъ Главъ, Государь, лѣтами моложе всѣхъ ихъ, предложилъ, для избѣжанія могущихъ возникнуть недоразумѣній, чему въ прежнія времена случались примѣры, чтобы Монархи занимали мѣста по лѣтамъ своимъ, и садился выше другихъ тотъ, кто былъ старѣе. Руководствуясь сими правилами, Онъ также желалъ, чтобъ и мы, Русскіе, находившіеся при Немъ, подражали въ подобныхъ случаяхъ Его примѣру. Однажды Онъ изъявилъ Свое благоволеніе Посланнику нашему при Вѣнскомъ Дворѣ Графу Стакельбергу за то, что на парадномъ обѣдѣ, Графъ Стакельбергъ не принялъ предложеннаго ему почетнаго мѣста, и сѣлъ на ряду съ гостями, не столько какъ онъ возвышенными въ чинѣ. Такой образъ мыслей Императора Александра служитъ новымъ доказательствомъ, сколь мало истинное

величіе дорожитъ заимствованными и наружными почестями.

Въ придворныхъ собраніяхъ встрѣчалъ я между прочимъ человѣка, который не былъ ни посломъ, ни вельможею, ни полководцемъ, но привлекалъ на себя общее вниманіе и пользовался особеннымъ уваженіемъ Коронованныхъ Главъ. Говорю о Лагарпѣ. Онъ былъ такъ скроменъ въ обхожденіи, какъ будто бы не выходилъ изъ чреды обыкновенныхъ людей и не принадлежалъ Исторіи. Во дворцѣ становился онъ обыкновенно поодаль другихъ, и обращался одинаково и непринужденно съ подданными и съ Повелителями народовъ. Я смотрѣлъ всегда на Лагарпа, какъ на одного изъ счастливцевъ, успѣвшаго выполнить увѣковѣчивающій имя его подвигъ—воспитаніе Александра. Совершивъ великое дѣло, оставалось ему удалиться въ его прекрасное отечество, въ тишинѣ кабинета слѣдовать мысленно за Державнымъ Питомцемъ, и пользуясь правомъ дружеской переписки съ Нимъ, излагать Ему по временамъ мнѣніе свое о важнѣйшихъ событіяхъ. Тогда Европа признала бы въ немъ мудреца, но онъ принялъ участіе въ переворотахъ Швейцаріи и навлекъ на себя негодованіе соотечественниковъ своихъ, упрекавшихъ его въ честолюбивыхъ замыслахъ. По вступленіи во

Францію Союзныхъ войскъ, онъ былъ въ нашей главной квартирѣ. Съ покореніемъ Парижа настало для него истинное торжество: признательность къ нему Государя не имѣла предѣловъ. «Безъ Лагарпа,» сказалъ Императоръ, «не было бы и Александра.» На Конгрессѣ, Лагарпъ явился въ качествѣ уполномоченнаго отъ своего кантона, и опираясь на всесильное заступленіе Государя, успѣшно опровергалъ излишнія требованія Бернскаго Сената. Почти каждую недѣлю обѣдалъ онъ вдвоемъ съ Государемъ, и являлся къ своему Питомцу безъ всякаго этикета, во фракѣ и сапогахъ. Часто писывалъ онъ къ Государю записки, и иногда на маленькихъ лоскуткахъ бумаги. Разговаривая съ Лагарпомъ, склонялъ я всегда рѣчь на то время, когда онъ воспитывалъ Императора. «Ни для одного смертнаго,» сказалъ онъ мнѣ однажды, «природа не была столь «щедра, какъ для Александра. Я находился при «Немъ, съ седьмаго года Его возраста и оставилъ «Его спустя годъ послѣ Его бракосочетанія. Въ те«ченіе года я еще преподавалъ уроки Ему и Импе«ратрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Съ самаго мла«денчества, понятія Его были очень ясны и точны. «Я старался вселить въ Него убѣжденіе въ томъ, «что Онъ истинныхъ друзей имѣть не можетъ.—И

«такъ, вы полагаете, господинъ Лагарпъ, сказала «мнѣ Императрица Екатерина, вошедшая въ «комнату, когда я преподавалъ эти правила Велико«му Князю, что мы лишены пріятностей и наслаж«деній дружбы?—Не смѣю утверждать, отвѣчалъ я «Императрицѣ, чтобы многіе Монархи не были «достойны имѣть друзей, но положеніе Ваше таково, «что всѣ, къ Вамъ близкія лица, имѣютъ слишкомъ «великую необходимость въ Васъ, почему говорятъ «Вамъ большею частію то, чего не чувствуютъ.— «Такими правилами,» продолжалъ Лагарпъ, «довелъ я «Государя до того, что Онъ полагается на Себя, «а не на окружающихъ Его, и хотя въ сердцѣ Его «есть наклонность къ дружбѣ, однакожь Онъ не увле«кается ею.»—«Никто болѣе Лагарпа,» сказалъ однажды Государь, «не имѣлъ вліянія на Мой об«разъ мыслей, выключая Религіи: на ея счетъ мы «не согласовались.»

Описывая происходившее при Вѣнскомъ Дворѣ, нельзя не упомянуть о совершавшемся въ Великій Четвертокъ умовеніи ногъ. По обѣимъ сторонамъ огромной залы были поставлены два стола. За однимъ сидѣли двѣнадцать стариковъ, которымъ вмѣстѣ было девятьсотъ восемдесятъ лѣтъ, а за другимъ двѣнадцать женщинъ, имѣвшихъ девятьсотъ восемьдесятъ

шесть лѣтъ. На нихъ были черныя платья, подобныя тѣмъ, какія носили въ царствованіе Императора Рудольфа втораго. Обѣденнымъ столомъ угощали, первыхъ Императоръ Францъ, а вторыхъ Австрійская Императрица. Послѣ обѣда Ихъ Величества, въ сопровожденіи Эрцгерцоговъ, омывали престарѣлымъ гостямъ своимъ ноги, и въ заключеніе раздали имъ выбитыя на сей случай серебреныя медали.

1815-ый
ГОДЪ.

ГЛАВА VI.

Побѣгъ Наполеона съ острова Эльбы. — Первое военное совѣщаніе. — Манифестъ Конгресса. — Военный совѣтъ. — Образованіе трехъ армій. — Русскія войска. — Коммиссія о продовольствіи.

При открытіи Конгресса въ Сентябрѣ 1814-го года, полагали кончить дѣла въ три мѣсяца. Потомъ, отлагая день за день, назначили окончаніе въ Февралѣ 1815-го, и изготовлялись къ отъѣзду. На возвратномъ пути въ Россію, Государь намѣревался посѣтить нѣкоторые Германскіе Дворы, соединенные съ Нимъ узами родства, и быть въ Варшавѣ. Предположенія не состоялись. Внезапно, 24-го Февраля вечеромъ, разнесся слухъ о побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы. Съ самой минуты полученія извѣстія о покушеніи Наполеона, сдѣлалось оно главнымъ предметомъ совѣщаній Государственныхъ людей и разговоровъ

Вѣнскихъ жителей. На гуляньяхъ, въ собраніяхъ и частныхъ домахъ, только и слышны были толки объ отважномъ предпріятіи. Всѣ спрашивали, встрѣчая другъ друга: подтверждается ли извѣстіе, и нѣтъ ли дальнѣйшихъ объ немъ подробностей? Въ Вѣнѣ произошло настоящее оцѣпенѣніе умовъ, и явилось новое торжество для Александра: на Него устремились взоры всѣхъ, съ трепетнымъ ожиданіемъ рѣшенія Его при столь внезапномъ событіи.

Два дня прошли въ догадкахъ о мѣстѣ высадки Наполеона. Одни полагали, что онъ отправится въ Америку, другіе, что онъ пристанетъ въ Неаполѣ, но большая часть, основываясь на смутахъ, обуревавшихъ Парижъ, думали, что онъ выйдетъ на берегъ во Франціи. Неограниченно было любопытство узнать настоящіе замыслы Наполеона. Бумажныя деньги и государственныя облигаціи, барометръ общественнаго мнѣнія въ Европѣ, повсюду измѣнялись въ своемъ достоинствѣ. Австрійскія ассигнаціи по нѣскольку разъ въ день падали и поднимались въ цѣнѣ; Голландскій червонецъ въ двѣ недѣли возвысился отъ одиннадцати гульденовъ до двадцати одного. Наконецъ, 26-го Февраля, узнали, что Наполеонъ присталъ въ Антибѣ, и Александръ немедленно произнесъ надъ нимъ приговоръ, объявя въ тотъ же день, что

Онъ почитаетъ войну неизбѣжною, если не хотятъ вновь подвергнуть Европу порабощенію и намѣрены предварить опасности, подобныя тѣмъ, какими нарушалъ Наполеонъ всемірное спокойствіе. Къ счастію, арміи не были еще распущены, и положено начать, не теряя времени, приготовленія къ походу. Многіе сомнѣвались въ успѣхѣ войны, потому что узы, соединявшія въ прошедшемъ году Державы, отчасти ослабли на Конгрессѣ, гдѣ требованія и желанія многихъ остались неудовлетворенными. Не было сомнѣнія, что находившіеся въ Вѣнѣ лазутчики Наполеона переувеличили въ своихъ донесеніяхъ неудовольствія, возникшія отъ разногласія Державъ, и Наполеонъ, довѣряя ложнымъ показаніямъ, а также основывая суетныя надежды на тайномъ оборонительномъ договорѣ, заключенномъ въ Январѣ мѣсяцѣ между Австріею, Англіею и Франціею, мечталъ найдти себѣ союзниковъ на твердой землѣ. Разсчетъ его оказался ошибочнымъ: именно появленіе его, предвѣстникъ новыхъ потрясеній и напастей, подвигло Дворы забыть возродившіяся между ними распри и вновь укрѣпило ихъ дружество.

Здѣсь представляется вопросъ: почему не приняли мѣръ для воспрепятствованія плѣннику бѣжать съ острова Эльбы? Рѣшеніе вопроса находится въ исторіи

всѣхъ заговоровъ, увѣнчанныхъ успѣхомъ. Съ одной стороны, хитрость сообщниковъ и непроницаемая тайна, ими соблюдаемая, а съ другой, увѣренность въ невозможности удачи. На Конгрессѣ, за долго до отважнаго побѣга Наполеонова, многіе изъявляли опасеніе свое касательно близости къ твердой землѣ мѣстопребыванія его, и утверждали, что Союзные Монархи поступили слишкомъ великодушно съ тѣмъ, чье существованіе было угрозою для Европы. Генералъ Коллеръ, жившій съ нимъ на островѣ Эльбѣ, еще въ прошломъ году говорилъ мнѣ, что «Наполе-«онъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ къ «побѣгу; но надобно,» присовокупилъ онъ, «чтобы «ему представился обширный кругъ дѣйствій; чинов-«ники же, окружающіе его, особенно Бертранъ, ску-«чая однообразною жизнію и бездѣйствіемъ въ Пор-«то-Ферраіо, только и помышляютъ о войнѣ, страст-«но желая играть какую нибудь роль.» Передъ новымъ годомъ пріѣзжалъ въ Вѣну бывшій тайный секретарь Наполеона, Ле Лорнь-Дидевиль, сочинитель извѣстной книги: «О приращеніи могущества «Россіи.» (*) Онъ пробирался въ Польшу и явился къ намъ съ разными предложеніями. Ихъ нелѣпость была очевидна, но слова Ле Лорня раждали

(*) Des progrès de la puissance de Russie,

подозрѣніе о существованіи какихъ-то тайныхъ замысловъ. Французскій Генералъ Марсіаль, имѣвшій отъ Лудовика XVIII-го порученіе вести плѣнныхъ изъ Россіи во Францію, сказывалъ мнѣ въ Вѣнѣ, что перейдя границу, плѣнные подняли знамя, съ надписью: «Мы съ нимъ увидимся!» (*) Лудовикъ XVIII и Бурбоны получали много писемъ о тайныхъ козняхъ врага своего. Они пренебрегали сообщаемыми извѣстіями, подобно тому, какъ Юлій Кесарь не уважилъ совѣтами друзей своихъ, увѣщавшихъ его не являться въ Сенатъ въ день, по ихъ догадкамъ назначенный для умерщвленія его. Обвинять въ оплошности Бурбоновъ и Юлія Кесаря значило бы усомниться въ истинѣ, что по временамъ Провидѣніе ниспосылаетъ кары, которыхъ никакая человѣческая предусмотрительность отвратить не въ состояніи, что судьбы Божіи неисповѣдимы!

На другой день послѣ полученія извѣстія о высадкѣ Наполеона во Францію, по волѣ Государя собранъ былъ военный совѣтъ, состоявшій изъ трехъ генераловъ, Русскаго, Австрійскаго и Прусскаго, а именно, Князя Волконскаго, Князя Шварценберга и Кнезебека. Они основывали разсужденія свои на трехъ предположеніяхъ: 1), если Наполеонъ

(*) Nous le reverrons un jour!

вовсе не имѣетъ сообщниковъ во Франціи, то не возможетъ собрать арміи и погибнетъ. Заключеніе сіе находили они вѣроятнымъ, судя по отказу коменданта города Антиба сдаться Наполеону; 2), или онъ увѣренъ найдти значительное число преданныхъ ему людей, и покоритъ роялистовъ, или 3), при появленіи его вспыхнетъ всеобщій бунтъ, особенно въ Парижѣ, и Король, лишась войскъ, не будетъ въ состояніи противиться врагу своему. Каждое изъ трехъ предположеній должно было имѣть особенныя послѣдствія, и потому рѣшили не спѣшить соединеніемъ армій у границъ Франціи, но имѣть войска въ готовности, и собраться: Русскимъ между Краковомъ и Калишемъ, Австрійцамъ на Рейнѣ, Англичанамъ между Намюромъ и Монсомъ, а Пруссакамъ у Магдебурга, за исключеніемъ корпуса Генерала Клейста, назначеннаго расположиться у Майнца и Луксембурга. Сверхъ того опредѣлили: если Король Французскій будетъ имѣть достаточную армію для встрѣчи общаго непріятеля, то Клейсту соединиться съ Англо-Батавскою арміею и Австрійцами, уже находившимися въ окрестностяхъ Майнца, и идти вмѣстѣ съ ними на Парижъ. За ними отрядить главныя силы Австрійцевъ, сосредоточивавшіяся у Майнца, гдѣ устроить главныя склады для запасовъ и

снарядовъ для всѣхъ армій. Въ заключеніе согласились не позволять Швейцаріи оставаться нейтральною.

Пять дней послѣ засѣданія военнаго совѣта извѣстились объ успѣхахъ Наполеона. Онъ дѣйствовалъ чрезвычайно быстро. Въ Вѣнѣ узнали почти одновременно о движеніи его къ Греноблю, занятіи Ліона и измѣнѣ Французской арміи Бурбонамъ. Тогда же Неаполитанскій Король Мюратъ отбросилъ личину, подъ которою онъ таилъ вражду къ Союзнымъ Монархамъ, увѣдомилъ Папу оффиціяльнымъ отношеніемъ о преданности своей къ Наполеону, разсѣялъ по всей Италіи воззванія къ оружію и напалъ на Австрійцевъ, безъ предварительнаго объявленія войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружено въ Вѣнѣ покушеніе увезти Римскаго Короля изъ Шенбурна въ Парижъ, для чего лошади по всей дорогѣ уже были заготовлены. Разсказывали, что не задолго до открытія заговора, бывшіе при маленькомъ Принцѣ Французы выучили его сказать Императору Францу привѣтствіе, и просить дѣда своего заступить мѣсто его отца, вооружившаго противъ себя всѣ Державы. Заговоръ, особливо поступки Неаполитанскаго Короля, удостовѣрили еще болѣе въ обширности замысловъ Наполеона, и въ томъ, что сообщники его находились не въ одной Франціи. Основываясь на

сихъ обстоятельствахъ, Уполномоченные на Конгрессѣ получили отъ своихъ Дворовъ повелѣніе обнародовать манифестъ, объявляя, что «Наполеонъ «нарушилъ заключенные съ Монархами ихъ догово«ры, что владычество его несовмѣстно съ спокой«ствіемъ Европы, и всѣ Державы обязуются низ«ложить его.» Немедленно отправлены были въ пограничныя мѣста курьеры, съ предписаніемъ не впускать въ предѣлы Австріи чиновниковъ, посланныхъ Наполеономъ къ первенствующимъ Дворамъ съ извѣстіемъ о возвращеніи его въ Парижъ и увѣреніемъ, что онъ не станетъ нарушать миръ, а посвятитъ себя исключительно благоденствію Франціи.

Потомъ приступили къ составленію дружественнаго договора между четырьмя первенствующими Державами, обязавшимися употребить всѣ силы, для ниспроверженія покушеній Наполеона и охраненія неприкосновенности Парижскаго мира и постановленій Конгресса. Имѣя въ предметѣ привесть въ исполненіе договоръ сей, подписанный 13-го Марта, пригласили къ соучастію въ немъ и другія Государства; всѣ, за исключеніемъ Швеціи, поспѣшили изъявить готовность свою содѣйствовать первенствующимъ Державамъ. Оставалось опредѣлить количество выставляемыхъ каждымъ Государствомъ войскъ, и назначить

сборныя мѣста для нихъ. Происходившее по сему случаю засѣданіе въ домѣ Герцога Веллингтона, достойно примѣчанія по единодушію членовъ и рѣшительнымъ, принятымъ мѣрамъ. Изъ восьми, присутствовавшихъ въ совѣтѣ, лицъ, были три Фельдмаршала: Веллингтонъ, Шварценбергъ и Вреде, а изъ Коронованныхъ Главъ—одинъ Александръ: въ начинавшейся войнѣ Онъ снова являлся Агамемнономъ. Опредѣлено было выставить три арміи: первую, названную арміею Верхняго Рейна, подъ начальствомъ Князя Шварценберга, и составленную изъ Австрійцевъ, Баварцевъ, Баденцевъ, Виртембергцевъ и Дармштадтцевъ, между Франкфуртомъ и Базелемъ; вторую, Нижняго Рейна, изъ 153,000 Пруссаковъ, подъ начальствомъ Князя Блюхера, и третію, Нидерландскую, предводимую Герцогомъ Веллингтономъ, изъ Англичанъ, Ганноверцевъ и Голландцевъ. Войска другихъ владѣтелей Германіи распредѣлялись въ арміи Блюхера и Веллингтона. Сверхъ того, 20,000-му корпусу надлежало занять крѣпость Майнцъ.

Вскорѣ послѣ военнаго совѣта прибыли въ Вѣну призванные туда нарочно для совѣщаній Генералы Дибичъ и Толь, почитавшіеся у насъ лучшими стратегиками. Оба, въ послѣдствіи искусными соображеніями своими потрясшіе Оттоманскую Порту въ

основаніяхъ ея, совершенно согласовались въ мнѣніяхъ и видахъ касательно предполагаемыхъ дѣйствій противъ Наполеона.

Русская армія долженствовала составить главный резервъ вооруженныхъ силъ Европы. Для того Фельдмаршалъ Барклай де-Толли, со времени возвращенія изъ Франціи находившійся съ арміею въ Царствѣ Польскомъ, выступилъ оттуда къ Рейну тремя колоннами, состоявшими въ 225,075 человѣкъ, со включеніемъ парковъ и всѣхъ лицъ, къ военному управленію и обозу принадлежащихъ. Въ то же время, подъ начальствомъ Генерала Миллера-Закомельскаго, образовалась резервная армія, изъ третьихъ батальоновъ и седьмыхъ эскадроновъ полковъ, назначенныхъ въ дѣйствующую армію. Для подкрѣпленія ея и содержанія въ спокойствіи прилежащихъ къ Бугу и Нѣману губерній, гдѣ начали обнаруживаться непріязненныя волненія, корпусъ Князя Горчакова отряженъ былъ изъ южной арміи къ Бресту-Литовскому. Кромѣ огромнаго ополченія Русскихъ, двинувшагося на защиту Европы, оставалось еще внутри Имперіи болѣе 300,000 человѣкъ. Не столько многочисленность арміи нашей, бывшей въ то время вдвое сильнѣе нежели при началѣ Отечественной войны, сколько ея устройство, предметъ

постоянныхъ, ежедневныхъ заботъ Государя, возбуждало удивленіе иностранцевъ. Въ рядахъ ея находились полководцы, одержавшіе блистательныя побѣды, и частные генералы, имена которыхъ, издавна любезныя Россіи, числились не въ однихъ спискахъ, сохраняемыхъ въ дежурствахъ, но занимали почетныя мѣста въ военныхъ лѣтописяхъ.

Потомъ приступили къ разсужденію о продовольствіи войскъ во время слѣдованія ихъ къ Рейну. Для того учреждена была коммиссія, составленная изъ Русскихъ, Австрійскихъ, Англійскихъ и Прусскихъ чиновниковъ. Дѣйствія ея замедлялись отъ непомѣрныхъ цѣнъ, запрашиваемыхъ съ насъ разными Нѣмецкими владѣтелями. Зная возвышенный образъ мыслей Государя, готоваго на всякія пожертвованія, они торговались какъ купцы, и на каждомъ шагу поставляли затрудненія. Одни говорили о совершенной невозможности продовольствовать Русскихъ, а другіе утверждали, что собственныя ихъ войска будутъ скоро претерпѣвать голодъ. Немного осталось Германскихъ владѣтелей, не прибѣгавшихъ съ прозьбами объ избавленіи земель ихъ отъ прохода Русскихъ войскъ, хотя въ то же время они убѣждали Государя не оставлять ихъ безъ защиты противъ общаго врага. Саксонцы присылали въ Вѣну

нарочную депутацію, ходатайствовать о проведеніи нашей военной дороги мимо Саксоніи, а въ случаѣ, ежели нельзя было миновать сего Королевства, о свезеніи продовольствія и фуража въ Саксонію изъ сосѣдственныхъ земель. Особенно настаивали депутаты, чтобы наши, во время движенія своего къ Франціи, не касались нѣкоторыхъ городовъ, какъ напримѣръ Лейпцига. По заключенному условію, черезъ Виртембергію должны были проходить одни Австрійцы; но два небольшіе наши отряда какимъ-то образомъ коснулись пограничныхъ деревень сего Королевства, и тотчасъ прибылъ въ Вѣну нарочный Генералъ изъ Стутгарда, объявить о рѣшительномъ отказѣ своего правительства продовольствовать Русскихъ и отводить имъ для постоя домы. Баварцы дѣлали всѣхъ болѣе затрудненій. Долго надобно было уговаривать ихъ на принятіе системы общаго армейскаго хозяйства въ Германіи, и они наконецъ согласились на наши предложенія, но съ условіемъ, чтобы при заключеніи съ ними обязательства или договора были употреблены другія выраженія, нежели съ прочими мелкими владѣніями, и чтобы деньги за муку, овесъ, больницы и прочее, выдавать имъ непремѣнно впередъ за каждый мѣсяцъ. Одинъ изъ Министровъ ихъ писалъ намъ: «Въ послѣднія войны

«пожертвованія Баваріи были такъ для нея обременительны, что, не установивъ точныхъ условій о «возвратѣ денегъ за поставку продовольствія, нѣтъ «возможности требовать отъ нея какого либо пособія при проходѣ Русскихъ войскъ.» Не короче ли было Министру сказать просто: Русскіе, спасите насъ, и сверхъ того за наше избавленіе заплатите намъ деньги?

Приказывая удовлетворять щедро всѣмъ требованіямъ, Императоръ Александръ имѣлъ въ виду одну великую цѣль: Благо общее. Возстановивъ, съ нѣкоторыми измѣненіями противъ прежняго, политическое равновѣсіе—необходимое условіе просвѣщенія и благосостоянія народовъ — Императору надобно было, для защиты равновѣсія противъ Наполеона, вновь обнажить мечъ. Россіи, оградившей навсегда Европу съ Востока отъ нашествія Азіятцевъ и Турковъ, оказавшей тѣмъ безсмертную услугу всему человѣчеству, предстоялъ въ 1815-мъ году трудъ въ другой разъ избавить ее со стороны Запада отъ военнаго деспотизма Наполеона. Отложивъ намѣреніе Свое возвратиться въ Россію, Государь рѣшился опять, какъ и въ прежнихъ походахъ, лично предводительствовать арміями. Такимъ образомъ жребій войны былъ брошенъ. Едва заключили миръ, едва

начали науки развиваться подъ сѣнію тишины, и торговля стала оживотворять долгое время стѣсненную промышленность, какъ снова отъ Уральскихъ горъ до Лиссабона дороги покрылись многочисленными арміями, и отъ одного конца Европы до другаго раздались восклицанія: Къ оружію!

ГЛАВА VII.

Подарки Вѣнскому Двору.—Отъѣздъ изъ Вѣны.—Баварскій Дворъ.—Стутгардъ.—Лудвигсбургъ.—Гейльбронъ.—Гейдельбергъ.

Когда начали дѣлать приготовленія къ отъѣзду изъ Вѣны въ армію, составили списокъ подарковъ для чиновъ Австрійскаго Двора, истощавшаго въ продолженіе девяти мѣсяцевъ всѣ средства гостепріимства. Желая имѣть для соображенія мѣру награжденій, приняли за основаніе подарки, пожалованные Виртембергскимъ Королемъ. Онъ славился своею щедростію, и, уѣхавъ первый изъ Коронованныхъ Главъ съ Конгресса, раздалъ вещами и деньгами на тринадцать тысячь червонцевъ. Подарки, сдѣланные Государемъ наканунѣ отъѣзда изъ Вѣны, кромѣ бриліантовыхъ вещей, пожалованныхъ дипломатическимъ чиновникамъ, заключались

въ слѣдующемъ: 28 табакерокъ, въ томъ числѣ шесть съ портретомъ и пять съ вензелемъ, 20 перстней, изъ нихъ два съ портретомъ и четыре съ вензелемъ, 2 алмазные знака ордена Святаго Александра Невскаго и одни алмазные знаки ордена Святой Анны первой степени. Придворной услугѣ пожаловано деньгами около 12,000 червонцевъ и 5,000 червонцевъ находившемуся при Государѣ Князю Клари, въ пособіе отъ разоренія, понесеннаго въ войну 1813-го года имѣніемъ его въ Богеміи.

13-го Мая, въ прекраснѣйшій вечеръ, мы отправились изъ Вѣны черезъ Мюнхенъ и Стутгардъ въ нашу главную квартиру, Гейльбронъ. Всю ночь не могъ я сомкнуть глазъ, вспоминая о множествѣ разныхъ лицъ, видѣнныхъ мною на Конгрессѣ, о добродѣтеляхъ и слабостяхъ, проявлявшихся тамъ въ разныхъ видахъ, объ успѣхахъ просвѣщенія и силѣ предразсудковъ, о великолѣпныхъ праздникахъ при Дворѣ и уединенныхъ прогулкахъ моихъ въ окрестностяхъ Вѣны. Словомъ, воображенію моему представлялись всѣ суеты шумнаго, безпримѣрнаго восьми-мѣсячнаго пребыванія нашего на Конгрессѣ, и перемежались съ радостными мечтами о скоромъ возобновленіи военныхъ тревогъ и боевой жизни. Первые лучи солнца застали меня недалеко отъ Мелька.

Красоты, разсыпанныя здѣсь щедро рукою природы, разсѣяли безпорядокъ моихъ мыслей. Быстро несся я по берегу Дуная, въ виду Стирійскихъ горъ, прислоненныхъ къ снѣжнымъ высотамъ Тироля. Въ каждомъ селеніи и каждомъ городѣ множество народа ожидало Государя и встрѣчало Его радостными восклицаніями.

По прибытіи въ Нимфенбургъ, загородный дворецъ Баварскаго Короля, Государь представлялъ насъ Королю, принявшему насъ съ особенною ласкою. «Будьте у меня въ гостяхъ, безъ всякихъ церемоній,» сказалъ онъ мнѣ. Въ пріемной залѣ была Королева, окруженная шестью прелестными дочерьми. Преимущественно обращала на себя вниманіе старшая дочь Ея Величества, бывшая Вице-Королева Италійская, одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ нашего времени. Въ какомъ величіи видѣлъ я ее за пять лѣтъ передъ тѣмъ, въ Миланѣ, въ цвѣтѣ молодости, на престолѣ роскошной Ломбардіи! Король обходился съ придворными на самой дружеской ногѣ, добродушіемъ и шутками заставляя забывать санъ свой. Баварскій Дворъ состоялъ человѣкъ изъ двадцати пожилыхъ каммергеровъ, самыхъ старинныхъ фамилій, но между ними не было людей, по заслугамъ своимъ принадлежащихъ Исторіи, какихъ пріятно

встрѣчать на ступеняхъ престоловъ. На другой день мы ѣздили изъ Нимфенбурга въ Мюнхенъ, гдѣ городъ давалъ Императору балъ въ театрѣ. По прибытіи Его Величества началась Русская пляска; потомъ явились актеры, одѣтые въ платье различныхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи, и проходили мимо ложи Государевой при громѣ музыки. Король предложилъ обойдти по партеру. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, увидѣли мы водопадъ, и подъ нимъ изображеніе Каменнаго Острова, незабвеннаго въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ любимое мѣстопребываніе Александра. Поздній потомокъ, посѣщая Каменный Островъ и его тѣнистыя аллеи, съ умиленіемъ воззритъ на скромное жилище Монарха, доступнаго всякаго рода благимъ впечатлѣніямъ, Того, Кто былъ славою и утѣхою Своего вѣка, украшеніемъ человѣчества. Послѣ играли комическую оперу. Государь казался скучнымъ. Онъ не любилъ драматическихъ представленій и сказалъ однажды: «По Мнѣ хоть бы ввѣкъ не было театровъ.»

Мая 17-го ожидали прибытія Австрійскаго Императора, и послѣ обѣда весь Дворъ вышелъ на балконъ, для встрѣчи Его Величества. Я стоялъ подлѣ Вице-Короля Италійскаго, погруженнаго въ уныніе. При тогдашнихъ обстоятельствахъ грусть его

была понятна, когда поступки Наполеона поставили Вице-Короля въ затруднительное положеніе. Во время Конгресса, Государь осыпалъ его милостями, ежедневно прогуливался съ нимъ рука объ руку пѣшкомъ, заботился объ устройствѣ будущаго жребія его, отстаивалъ права его на разныя, подаренныя ему Наполеономъ помѣстья. Послѣ бѣгства Наполеона съ Эльбы, возникли подозрѣнія на Вице-Короля; утверждали, будто онъ зналъ о предпріятіи своего вотчима, и стали обращаться съ нимъ холоднѣе, но Государь не переставалъ уважать его, и разговаривая однажды со мною объ немъ, назвалъ его «человѣкомъ самыхъ чест-«ныхъ правилъ.» Вице-Король началъ говорить со мною о предметахъ обыкновенныхъ, а я старался склонить рѣчь на войну 1812-го года. Намъ не нужны похвалы иностранцевъ; чести нашей никто не отниметъ; Русскіе поставили ее на незыблемомъ основаніи, но не менѣе того пріятно мнѣ было слышать отъ ближайшаго родственника Наполеонова, и одного изъ искуснѣйшихъ генераловъ его, похвалы, воздаваемыя имъ Кутузову и арміи нашей. «Позвольте сдѣлать вамъ замѣчаніе,» сказалъ онъ между прочимъ, «что это первый ученый по-«ходъ Русскихъ, и въ немъ показали вы превосходство

«вашихъ офицеровъ и солдатъ. Я раздѣлялъ съ На-«полеономъ и со всею Французскою арміею увѣрен-«ность въ успѣхѣ, но дѣйствія Кутузова разстроили «всѣ наши разсчеты.» Прибытіе Императора Франца и супруги его прервало разговоръ. Всѣ пошли встрѣчать ихъ, и потомъ, по обыкновенію, проводили до комнатъ, назначенныхъ для Ихъ Величествъ. Послѣ, придворные начали расходиться. Утомленные, какъ будто совершивъ подвигъ, они говорили другъ къ другу: «Какой сегодня тягостный «день! И еще будетъ ужинъ!»

19-го Мая мы выѣхали изъ Нимфенбурга въ Стутгардъ. Король Виртембергскій ожидалъ Императора въ селеніи Эслингенѣ, гдѣ Генералъ Чернышевъ представилъ меня Его Величеству. Я провелъ съ нимъ около часа. Король говорилъ о Франціи, Рейнскомъ Союзѣ, войнѣ и подобныхъ важныхъ предметахъ, и вспоминалъ о службѣ своей въ Россіи. Изъ Нѣмецкихъ Государей онъ одинъ, во время владычества Французовъ, умѣлъ сохранить призракъ независимости и достоинство Монарха. Онъ управлялъ Государствомъ самовластно; министры не имѣли вліянія на дѣла. Жаловались на строгость его правленія, на излишество податей, но за то нигдѣ въ Германіи не было такого порядка во всѣхъ отрасляхъ

управленія, какъ въ Виртембергіи, и такого великолѣпія, какъ при Стутгардскомъ Дворѣ, пышностію и устроійствомъ превосходившаго Дворы Вѣнскій и Берлинскій. Во время блеска Сенъ-Клудскаго Двора, Наполеонъ присылалъ въ Стутгардъ чиновниковъ для изученія порядка, здѣсь заведеннаго, и говаривалъ: «Въ Виртембергіи нѣтъ Королевства, но есть «Король.»

По прибытіи Государя въ Эслингенъ, мы сѣли въ придворныя коляски и отправились въ Стутгардъ, по берегу Некара, посреди богатыхъ селеній, расположенныхъ у подошвы горъ. На одной изъ нихъ находятся развалины замка Вартенберга, откуда происходитъ нынѣ царствующій Домъ. Выстрѣлы изъ разставленныхъ по возвышеніямъ орудій возвѣстили приближеніе Государя къ Стутгарду. Все народонаселеніе его высыпало на встрѣчу Александру. Дворъ ожидалъ Государя на лѣстницѣ замка; на ступеняхъ разставлены были каммергеры и пажи, залитые, такъ сказать, въ золото; въ переднихъ комнатахъ стояли кавалергарды и трабанты, въ старинной Нѣмецкой одеждѣ. Горницы въ замкѣ не соотвѣтствуютъ блестящимъ мундирамъ придворныхъ: онѣ малы, убраны небогато, но со вкусомъ. Въ кабинетѣ Короля висятъ три портрета:

Петра Великаго, Фридриха Втораго и Герцога Фердинанда, почитаемаго одним изъ самыхъ мудрыхъ Виртембергскихъ владѣтелей. Послѣ обыкновенныхъ представленій, насъ пригласили въ театръ. Здѣсь взоръ мой былъ ослѣпленъ пышностію нарядовъ и необыкновеннымъ множествомъ знаковъ отличія на военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ. Въ Виртембергіи, гдѣ народонаселеніе простирается до полутора милліона, болѣе лицъ, имѣющихъ ордена, нежели въ Австрійской Имперіи, заключающей въ себѣ двадцать семь милліоновъ жителей.

Черезъ два дня мы переѣхали изъ Стутгарда въ Лудвигсбургъ, обыкновенное лѣтнее мѣстопребываніе Короля. Повсюду встрѣчались богато одѣтые придворные и часовые, но городъ похожъ на казарму: на улицахъ ни кого не было видно, кромѣ военныхъ. Почти въ одно время съ Государемъ прибылъ въ Лудвигсбургъ Императоръ Австрійскій; по случаю встрѣчи его и представленія двумъ Императорамъ, весь день проведенъ былъ въ суетахъ. Вечеромъ Дворъ отправился въ Монрепо на балъ, а я поѣхалъ въ Стутгардъ, желая познакомиться съ славнымъ ваятелемъ Даннекеромъ. Къ сожалѣнію, я не засталъ его дома, но мнѣ показали его мастерскую, и въ ней Аріадну, одну изъ изящнѣйшихъ статуй въ свѣтѣ;

смѣло можетъ она быть поставлена на ряду съ произведеніями Кановы и Торвальдсена. Въ мастерской были также прекрасные бюсты Шиллера, Графини Алопеусъ и Князя Меттерниха.

21-го Мая мы выѣхали изъ Лудвигсбурга въ Гейльбронъ, нашу главную квартиру. Ежеминутно пріѣзжали туда генералы, офицеры, курьеры; не было болѣе придворныхъ, вельможъ, баловъ; все приняло военный видъ; думали не о веселостяхъ, мечтали о славѣ; жалѣли только, что наши войска еще далеко отъ Рейна. Главная квартира Австрійцевъ находилась въ Гейдельбергѣ, и хотя они увѣряли, что тамъ очень тѣсно и Государю гораздо спокойнѣе будетъ въ Гейльбронѣ, однакожь Его Величество, желая, по обыкновенію Своему, присутствовать въ средоточіи военныхъ дѣйствій, отправился въ Гейдельбергъ, приказавъ предварительно увѣдомить Австрійцевъ, что для Него нужно неболѣе одного или двухъ домовъ, а главная квартира Его можетъ расположиться въ ближнихъ отъ Гейдельберга деревняхъ. Для пріѣзда Государева Гейдельбергъ былъ иллюминованъ; народъ толпился на улицахъ; студенты, съ веселыми, открытыми лицами, напоминали мнѣ счастливые годы жизни моей; профессоры продолжали свои преподаванія. Однажды я зашелъ къ

одному изъ нихъ на лекцію; учебная комната его наполнена была слушателями. Въ самой близи отъ Французской границы, среди военнаго шума двухъ главныхъ квартиръ, добрые Нѣмцы предавались наукамъ съ такимъ жаромъ, какъ будто не зная, что положеніе политическаго міра угрожаемо было страшными бурями. Зачѣмъ не раздѣляю я съ вами очарованія вашего? подумалъ я, и тихими шагами пошелъ на гору, гдѣ возвышаются развалины старинпаго, великолѣпнаго замка. Съ горы видна долина до самаго Мангейма, орошаемая Некаромъ и усѣянная деревнями, городами и садами. Вдали мелькаетъ Рейнъ и синѣются предѣлы Франціи. Тамъ стояли уже непріятели, отдѣленные отъ насъ только двѣнадцатью верстами, тамъ ждала насъ будущность, обильная, казалось, міровыми событіями!

ГЛАВА VIII.

Загородный домъ Государя въ Гейдельбергѣ.—Прибытіе войскъ.—Военныя совѣщанія.—Операціонный планъ Государя.—Письмо Его Величества къ Герцогу Веллингтону.—Планъ военныхъ дѣйствій.—Извѣстіе о сраженіи при Линьи.—Побѣда при Ватерло.—Пріѣздъ Великихъ Князей.—Великая Княгиня Екатерина Павловна.

Вскорѣ по прибытіи въ Гейдельбергъ, Государь переѣхалъ за городъ, въ домъ Англичанина Пикфорда. Извѣщенный о желаніи Императора поселиться у него, Пикфордъ обрадовался чести, удостоиваемой домъ его и обѣщалъ въ тотъ же день все приготовить для принятія Его Величества. Вдругъ, неожиданно, вошелъ Государь, благодарилъ хозяина чистымъ Англійскимъ языкомъ, осыпалъ ласками супругу его и шестерыхъ дѣтей, и пригласилъ бывать въ саду ихъ такъ часто, какъ имъ угодно,

обѣщая сохранять его въ прежнемъ видѣ. Въ одномъ домѣ съ Государемъ жилъ только Князь Волконскій, и для меня отвели комнату, гдѣ я занимался дѣлами съ утра до вечера.

Однажды, проходя мимо сада нашего дома, расположеннаго у подошвы крутыхъ горъ, увидѣлъ я въ немъ Государя, поливавшаго цвѣты. Меня поразило зрѣлище перваго Монарха нашего времени, верховнаго предводителя армій Европы, накапунѣ битвъ рѣшительныхъ для участи Царствъ, занимавшагося цвѣтами! Потомъ Онъ взошелъ на гору и долго смотрѣлъ на прелестныя окрестности. На Его ангельскомъ лицѣ изображалось совершенное спокойствіе; казалось, Онъ счастливъ былъ, любуясь прелестями природы. Что, подумалъ я, глядя на Государя, должно теперь происходить въ мрачной душѣ соперника Его—Наполеона? Со вступленія своего въ Парижъ, не зналъ онъ покоя ни днемъ, ни ночью, истощалъ кипучую дѣятельность свою и напрягалъ всѣ способности ума, стараясь ослѣпить и обмануть Французовъ касательно своего дерзкаго предпріятія, и обратить Францію въ безчисленные лагери и арсеналы, гдѣ образовались войска, готовили оружіе и снаряды. Онъ снабжалъ крѣпости артиллеріею и запасами для выдержанія продолжительныхъ осадъ,

укрѣплялъ Парижъ и Ліонъ, обставлялъ границу Франціи войсками, воспламенялъ Государство къ общему возстанію. Зная, что начинавшаяся война должна была, въ случаѣ неудачи съ его стороны, кончиться его уничтоженіемъ, онъ изобрѣталъ средства къ отчаянной борбѣ, а между тѣмъ Александръ двигалъ противъ него ополченіе Европы, съ совѣстью спокойною, безмятежною, въ убѣжденіи великаго, праваго дѣла Своего.

Мы прожили въ Гейдельбергѣ двѣ недѣли, отъ 25-го Мая до 10-го Іюня, ожидая приближенія нашей арміи. Въ началѣ Іюня мѣсяца стали приходить Русскіе полки, удивляя мужественнымъ видомъ солдатъ, исправностію оружія и лошадей. По мѣрѣ прибытія войскъ, Государь дѣлалъ имъ смотры, и хотя войска были доведены до возможнаго совершенства, однакожь отъ наблюдательнаго взора Государева не скрылись недостатки. Изъ слѣдующихъ двухъ замѣчаній Его можно видѣть, до какой степени Онъ входилъ въ подробности. Онъ нашелъ Ахтырскій гусарскій полкъ въ отличномъ состояніи, но поставилъ на видъ полковому командиру, что у нѣкоторыхъ унтеръ-офицеровъ были противъ положенія серебреныя цѣпочки на уздахъ. Александрійскій гусарскій полкъ Государь хулилъ за то, что на

киверахъ солдатъ султаны были не довольно прямы. Артиллерія наша, алмазъ Русской арміи, являлась въ обыкновенномъ блестящемъ видѣ своемъ. Къ несчастію, одна рота обратила на себя совершенное неудовольствіе Государя. «У исправнаго извощика збруя «на лошадяхъ лучше,» сказалъ Онъ ротному командиру, и велѣлъ ему служить за младшаго офицера въ продолженіе похода.

Безъ глубокаго уваженія нельзя было смотрѣть на солдатъ и унтеръ офицеровъ, выслужившихъ узаконенный двадцати-пяти лѣтній срокъ. Имъ предлагали отставку въ началѣ настоящаго года, но они, извѣстясь о походѣ, просили позволенія участвовать въ войнѣ. Галунъ на лѣвой рукѣ отличалъ ветерановъ; во всей арміи считалось ихъ до четырехъ тысячь. Съ изумленіемъ взирали иностранцы на густые ряды нашихъ войскъ, не постигая, какъ могли Русскіе придти на Рейнъ такъ скоро и въ такомъ устройствѣ. Знаменитый историкъ Швейцаріи, Іоаннъ Мюллеръ, сказалъ: «Природа одарила Россію «необыкновенною силою. Нужно только прикоснуть-«ся до нея, чтобы увидѣть, какъ сія Держава раз-«виваетъ всеобъемлющее свое могущество. Едва по-«знакомилась она при Владимірѣ съ просвѣщеніемъ «Грековъ, и при Петрѣ съ образованіемъ Европейцевъ,

«сношенія ея обняли уже всѣ великія Державы.» Дѣеписатель Гельвеціи, воскресившій въ своихъ сочиненіяхъ великій духъ Древнихъ, доживъ до нашего времени, присовокупилъ бы: «Лишь только двадцать народовъ покусились нарушить благоденствіе «Великой Имперіи, и въ теченіе полутора года по «нашествіи ихъ, Русскіе дважды были за Рейномъ!»

Между тѣмъ составляли въ Гейдельбергѣ планъ военныхъ дѣйствій. Сперва Австрійцы сообщили свои предположенія. Они заключались въ томъ, чтобъ арміи ихъ, собранной на среднемъ Рейнѣ, подняться вверхъ по рѣкѣ сей, къ Базелю, дѣйствовать сколько можно совокупнѣе съ корпусами, шедшими изъ Италіи подъ начальствомъ Фримона и Біанки, и не открывать Швейцаріи, почитаемой ими оборонoю Австрійской Монархіи. Они желали, чтобы Русская армія, предшествуемая Баварскою, переправилась у Мангейма, шла по направленію къ Сенъ-Дизье и соединилась съ ними у Шомона. По составленіи плана, Князь Шварценбергъ испросилъ предварительно на него согласія Австрійскаго Императора, и потомъ, вмѣстѣ съ одобрительнымъ письмомъ своего Монарха, представилъ планъ Государю. Императору Александру было непріятно, что Фельдмаршалъ, безъ вѣдома Его, доводилъ планъ до свѣдѣнія

Императора Франца, и далъ почувствовать Свое неудовольствіе слѣдующимъ образомъ Князю Шварценбергу, въ тотъ день обѣдавшему у Государя. Князь, послѣ стола, спросилъ мнѣнія Его Величества о планѣ, и получилъ такой отвѣтъ: «Дѣло теперь рѣшено: составленныя вами предположенія «утверждены вашимъ Императоромъ. Я, съ Моей стороны, присовокуплю къ нимъ нѣсколько замѣчаній.» Князь Шварценбергъ, догадавшись о неудовольствіи Государя, отвѣчалъ: «Sire, je vous ai manqué.» Въ тотъ же вечеръ Государь написалъ Австрійскому Императору письмо, но не отправилъ его. Слѣдующія выраженія покажутъ, въ какомъ духѣ оно было писано: «Можно ли ожидать благопріятныхъ послѣд«ствій, если, не посовѣтовавшись съ своими Союзни«ками, Принцъ Регентъ будетъ давать приказанія «Веллингтону, Король Прусскій Блюхеру, вы Швар«ценбергу, а я Барклаю?»

Вмѣсто письма къ Императору Францу, Государь послалъ къ Князю Шварценбергу слѣдующія возраженія, написанныя собственноручно Его Величествомъ по Французски:

«Прочитавъ со вниманіемъ составленный вами «планъ, Я совершенно согласенъ съ нимъ въ глав«ныхъ основаніяхъ, и различествую только во

«мнѣнія, какимъ образомъ вступать во Францію. «Оставляя большое пространство между Русскою ар«міею, долженствующею переходить черезъ Рейнъ въ «Мангеймѣ и Майнцѣ, и Австрійскою, назначаемою «переходить въ Базелѣ, лишаемъ мы себя доброволь«но величайшей выгоды, то есть, возможности сое«динять обѣ арміи въ такомъ случаѣ, когда непрія«тель въ значительныхъ силахъ нападетъ на одну «изъ нихъ, что удобно можно исполнить, если Ав«стрійцы переправятся между Гермерегеймомъ и Ман«геймомъ. Такимъ образомъ до мѣста, предназначен«наго Австрійской арміи въ вашемъ планѣ, можно «достигнуть путемъ прямѣйшимъ и слѣдственно крат«чайшимъ, съ тою только разницею, что обѣ арміи «будутъ всегда въ состояніи соединиться и въ пре«восходномъ числѣ встрѣтить непріятеля. Напротивъ, «маневрируя на столь великомъ пространствѣ, какое «находится между рѣкою Сарою и дорогою, веду«щею изъ Базеля въ Везуль, мы можемъ быть при«нуждены къ отступленію, ежели не захотимъ сра«жаться съ непріятелемъ, почти равносильнымъ. Ко«нечно, отступленіе бываетъ иногда необходимо, но «весьма трудно отступать съ двухъ-сотъ тысячною «арміею, и такое движеніе произведетъ невыгодное «вліяніе на духъ войска. Затрудненія еще увеличатся

«отъ того, что мы будемъ находиться въ землѣ,
«гдѣ жители не расположены въ нашу пользу. Мы
«должны предупредить сіи неудобства, имѣя къ то-
«му средства. Если арміи будутъ такъ близко, что
«можно соединить ихъ въ два или три марша, то не
«нужно отступать, и, не опасаясь, можно принять
«сраженіе. Въ то время Англійская и Прусская ар-
«міи будутъ дѣйствовать во флангъ и на сообщенія
«непріятелей. Если Наполеонъ, не вступая ни съ
«кѣмъ изъ насъ въ сраженіе, соединитъ всѣ свои
«силы, не подаваясь впередъ, то и въ такомъ слу-
«чаѣ мы сохранимъ выгоду дѣйствовать со всѣми
«нашими арміями, подобно тому, какъ было подъ
«Лейпцигомъ. При движеніи Австрійской арміи на
«Базель, Я обязанъ буду оставаться при Руской ар-
«міи, потому, что нѣтъ никакой достаточной причи-
«ны находиться Мнѣ предпочтительно при какихъ
«нибудь иностранныхъ войскахъ, а особливо если
«они будутъ на оконечности нашего лѣваго крыла.
«Между тѣмъ полагаю, что чрезвычайно выгодно,
«какъ для дѣлъ вообще, такъ и для приличія, быть
«Монархамъ вмѣстѣ, въ одной главной квартирѣ,
«какъ въ прошломъ году. Въ заключеніе скажу, что
«невозможно оставлять Русскія войска для обло-
«женія Страсбурга: и безъ того назначено имъ

«блокировать Мецъ, Тіонвиль, Лонгви, Саръ-Луи, Бичъ, «Фальсбургъ, Петитъ-Піерръ, Лихтембергъ и Марсаль. Мнѣ кажется, справедливость требуетъ поручить Австрійцамъ наблюденіе Страсбурга, Шлетштадта, Брейзаха, Гюнингена, Бефора и Безансона.» (*)

(*) Ayant lu avec attention le plan tracé par le maréchal prince de Schwartzenberg, je suis entierèment d'un même avis sur les idées principales. Je ne diffère d'opinion avec lui, que sur la manière de déboucher en France. Il me semble, que laisser entre l'armée russe, qui doit effectuer son passage du Rhin par Manheim et Mayence, et l'armée autrichienne, qui, d'après ce plan, doit le faire par Basle, une distance considérable, c'est se priver gratuitement de l'avantage énorme de pouvoir réunir les deux armées, dans le cas où l'ennemi se porte en force sur l'une d'elles, ce qui se feroit avec facilité si l'armée autrichienne effectue son passage entre Germersheim et Manheim. De cette manière le point de direction que le maréchal a choisi pour l'armée autrichienne, seroit également atteint et même par une ligne plus droite, et parconséquent plus courte; mais les deux armées conserveroient constamment la possibilité de se réunir et de présenter à l'ennemi une supériorité imposante. Tandis que manoeuvrant sur un éloignement aussi immense que celui entre la Saare et la route de Basle à Vésoul, on pourroit se trouver

Послѣ отправленія сего опроверженія, Государь поѣхалъ тотчасъ къ Австрійскому Императору, и

forcé à des mouvemens rétrogrades, si on ne vouloit pas risquer de bataille contre un ennemi à forces à peu près égales. Je suis le premier à convenir, qu'il y a des cas, où ces mouvemens rétrogrades sont inévitables et même nécessaires; mais on pourra difficilement me contester, qu'avec des masses de 200,000 hommes ils ne soient très difficiles à exécuter en pratique, influant en même tems d'une manière toujours défavorable sur le moral des troupes. Ces difficultés deviennent encore plus grandes, quand on se trouve dans un pays dont les habitans sont mal disposés, ce qui sera le cas dans les contrées que nous aurons à traverser. Ainsi je conclus, que quand on a les moyens de prévenir des résultats pareils, il y a toujours avantage de le faire; or, ces moyens me semblent être dans nos mains. Conservant les deux armées dans une proximité telle à pouvoir être réunies dans deux ou trois marches, on n'a plus besoin de rétrograder, et on peut, il me semble, sans risquer, accepter le combat. Les armées angloise et prussienne auront toute facilité pendant ce tems de manoeuvrer en flanc et sur les communications de l'ennemi, et si Napoléon jugeoit à propos, sans accepter de bataille partielle, de réunir toutes ses forces en arrière, nous aurions de même l'avantage d'y faire concourir toutes les nôtres, comme

изъявилъ ему сожалѣніе, что имъ уже окончательно утвержденъ планъ Князя Шварценберга. «Нѣтъ,» отвѣчалъ Императоръ Францъ, «я не утверждалъ «его, а только сказалъ Фельдмаршалу, что предпо- «ложеніями его доволенъ. Впрочемъ, я не уполномо- «чивалъ его приводить ихъ въ исполненіе, и во

à Leipzig. Une objection que je dois encore ajouter à toutes les autres, c'est que l'armée autrichienne prenant sa marche par Basle, je me trouverai personnellement dans l'obligation de rester avec l'armée russe, puisqu'il n'y auroit aucune raison valable de me porter par préférence à une armée étrangère, et surtout quand elle se trouvera à l'extrême gauche de notre ligne. Je crois cependant qu'il y auroit un avantage immense, soit pour l'ensemble des résolutions, soit pour l'effet moral qui en résulte, que les souverains restassent comme par le passé, constamment réunis dans des quartiers généraux aussi rapprochés que possible. Il ne me reste plus qu'à faire l'observation, que charger l'armée russe du blocus de Strasbourg, ne me paroêt plus possible, puisqu'elle a déjà naturellement ceux de Metz, Thionville, Longwy, Saar-Louis, Bitche, Phalsbourg, Petite-Pierre, Lichtenberg et Marsale à faire. Il me semble plus équitable d'en charger l'armée autrichienne. Elle auroit par là Strasbourg, Schelestadt, Brisac, Huningue, Béfort et Besançon à observer.

«всякомъ случаѣ останусь съ Вами и въ главной «квартирѣ Вашего Величества.»

Желая окончить разногласіе, собрали, 29-го Мая, военный совѣтъ. Съ нашей стороны присутствовали: Князь Волконскій и Генералъ Толь, съ Австрійской, Князь Шварценбергъ, Графъ Радецкій и Лангенау, съ Прусской, Генералъ Кнезебекъ, съ Баварской Фельдмаршалъ Князь Вреде. Послѣ долгихъ преній, опредѣлили слѣдующее: 1), Русской арміи идти на Тріеръ, черезъ горы Гундсрюкенъ, не занимая Кейзерслаутерна, быть въ готовности подкрѣпить армію Блюхера, направиться на Сенъ-Дизье, и тѣмъ облегчать свое соединеніе съ Австрійцами, которые, перейдя Рейнъ въ Базелѣ, пойдутъ черезъ Бефоръ на Лангръ и Шомонъ, для сближенія съ Русскими. 2), Баварцамъ не начинать наступательныхъ движеній до прибытія Руссихъ войскъ, назначенныхъ для блокады крѣпостей на лѣвомъ берегу Рейна. 3), Австрійцамъ, въ числѣ 41,000, обложить Безансонъ, Оксонъ, Шлетштадъ, Бефоръ, Гюнингенъ, Брейзахъ, Форъ-Жу, Салинсъ и л'Эклюзъ. Изъ числа сихъ войскъ, 18,000 войдутъ въ составъ Майнцскаго гарнизона и блокадныхъ корпусовъ около Страсбурга и Ландау. 4), 35,000-мъ Русскимъ обложить Мецъ, Тіонвиль, Саръ-Луи, Бичъ и Фальцбургъ, а 11,000-мъ

изъ нихъ поступить въ блокадные корпуса около Страсбурга и Ландау. Люксембургскому гарнизону подкрѣплять войска, опредѣленныя для блокады Меца и Тіонвиля, и дѣйствовать съ ними совокупно, если нужда востребуетъ.

Назначая такимъ образомъ всю находившуюся въ Царствѣ Польскомъ Свою армію въ первую линію, Государь приказалъ для составленія резерва: 1), Корпусу Графа Витгенштейна, расположенному на Курляндской и Литовской границахъ и въ Царствѣ Польскомъ, выступить оттуда двумя колоннами, одною идти на Тріеръ, а другой расположиться около Бамберга; и 2), Графу Милорадовичу выступить съ гвардіею изъ С. Петербурга въ Ковно. Въ тотъ самый день, когда утвердили всѣ сіи предположенія, Государь послалъ Генерала Толя къ Веллингтону и Блюхеру извѣстить ихъ о намѣреніяхъ нашихъ, и вручилъ ему къ Веллингтону собственноручное письмо слѣдующаго содержанія: «Посылаю къ вамъ «Генерала Толя увѣдомить васъ о пріѣздѣ Моемъ въ «главную квартиру, и увѣрить васъ Моимъ именемъ, «сколь лестно Русской арміи и Мнѣ лично, сражать«ся вмѣстѣ съ вами. Мы потщимся заслужить ваше «уваженіе и довѣріе. Я поручилъ ему извѣстить васъ «о планѣ военныхъ дѣйствій, принятомъ нами въ

«Гейдельбергѣ, и различествующемъ въ нѣкоторыхъ «статьяхъ съ тѣмъ, на который мы согласились въ «Вѣнѣ. Скажите намъ откровенно ваше мнѣніе. До-«вѣренность Моя къ дарованіямъ и свѣдѣніямъ ва-«шимъ неограниченна.» (*)

Предположенія наши оказались мечтательными. 8-го Іюня Генералъ Толь, возвратясь въ Гейдельбергъ, увѣдомилъ о начатіи Наполеономъ дѣйствій противъ Блюхера и о пораженіи Пруссаковъ при Линьи. Хотя успѣхи Наполеона не были значительны, потому что ему не удалось отрѣзать Блюхера

(*) Ayant joint le quartier-général depuis peu de jours, Monsieur le Maréchal, j'expédie auprès de vous le général Toll, pour vous faire part et vous exprimer en mon nom, combien l'armée russe et moi nous nous trouvons flattés de vous avoir pour compagnon d'armes. Combattant à vos côtés, nous tâcherons de justifier votre estime et votre confiance. En même temps j'ai chargé le général Toll de vous rendre compte des différentes déterminations qui ont été arrêtées dans le comité militaire à Heidelberg, et qui diffèrent en partié de ce qui avait été décidé à Vienne. Veuillez nous dire franchement votre sentiment; ma croyance en vos lumières et vos talens est entière. Recevez, Maréchal, l'assurance de tout l'attachement et de la haute estime que je vous ai voués.

отъ арміи Веллингтона, однакожь послѣдствія могли быть важны въ политическомъ отношеніи. Общее мнѣніе, до той поры разногласное о предпріятіи Наполеона, могло вновь обратиться въ его пользу, тѣмъ болѣе, что начало похода было ознаменовано съ его стороны мастерскими движеніями, особенно искусным̆ъ переходомъ черезъ Самбру, при Шарлеруа. Немедленно собранъ былъ военный совѣтъ, и рѣшили отмѣнить прежде принятое намѣреніе идти Русскимъ войскамъ на Тріеръ; вмѣсто того, назначили двумъ арміямъ, Русской и Австрійской, сосредоточиться на пространствѣ между Майнцемъ и Базелемъ, и слѣдовать къ Парижу, куда предположено достигнуть 29-го Іюня. Баварцамъ поручили прикрывать наше правое крыло, а Графу Ланжерону, командовавшему шестымъ корпусомъ, обложить Страсбургъ и Ландау. На случай отступленія арміи, приказано было построить на Рейнѣ три мостовыя укрѣпленія. Резервамъ велѣно ускорить маршъ.

Едва разослали приказанія для приведенія въ исполненіе сихъ мѣръ, какъ внезапно видъ дѣлъ перемѣнился. Я проходилъ по коррядору дома, занимаемаго Государемъ; вдругъ Его Величество, поспѣшно вышедъ изъ Своихъ комнатъ, обнялъ меня и объявилъ мнѣ о побѣдѣ при Ватерло. Разсказавъ

нѣкоторыя подробности объ ней, Онъ велѣлъ мнѣ какъ можно скорѣе спѣшить къ Князю Шварценбергу, и увѣдомить его о пораженіи Наполеона. Вслѣдъ за тѣмъ, Государь поѣхалъ съ радостною вѣстью къ Императору Францу, и оба Монарха тотчасъ приказали нашей и Австрійской арміямъ переправиться черезъ Рейнъ и двинуться на Парижъ; желая имѣть ихъ сколь можно ближе одну отъ другой, Русскимъ войскамъ, перейдя Рейнъ, назначили сдѣлать нѣсколько маршей влѣво, вверхъ по рѣкѣ, оставляя вправо прямую Парижскую дорогу. Нашей арміи предписано было слѣдовать по Франціи въ трехъ колоннахъ: первая находилась подъ начальствомъ Дохтурова, средняя Сакена, а лѣвая Раевскаго; Союзные Монархи избрали свое пребываніе при третьей колоннѣ. Баварцы составляли авангардъ Русской арміи, а Виртембергскій Наслѣдный Принцъ прикрывалъ наше правое крыло, со стороны Страсбурга. На другой день послѣ извѣстія о побѣдѣ при Ватерло, Государь переѣхалъ изъ Гейдельберга въ Мангеймъ, желая лично ускорять переправу черезъ Рейнъ, и поспѣшнѣе ввести войска во Францію.

Къ достопамятностямъ пребыванія нашего въ Гейдельбергѣ, принадлежитъ также пріѣздъ туда Великихъ Князей НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА и

Михаила Павловича. Бывшій при воспитаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Генералъ Ламздорфъ, проводя Ихъ до Гейдельберга, возвратился въ Россію; мѣсто его занялъ Коновницынъ, облеченный такимъ образомъ честью руководствовать на военномъ поприщѣ Братьевъ Александра. Достойная награда тому, кто въ великомъ дѣлѣ спасенія Россіи, былъ правою рукою Кутузова, и тѣмъ снискалъ себѣ безсмертное имя! Въ одно время съ Ихъ Высочествами, прибыла въ Гейдельбергъ Великая Княгиня Екатерина Павловна, тогда путешествовавшая по Европѣ. Ссылаясь на всѣхъ, кто былъ ей представленъ, спрашиваю: встрѣчали ль они особу, въ равной мѣрѣ съ покойною Королевою Виртембергскою, соединявшую съ красотою тѣлесною, очаровательность въ обращеніи и разумъ, обогащенный самими обширными свѣдѣніями? Она принадлежала къ весьма немногому числу тѣхъ особъ, которыя, будучи вознесены саномъ и рожденіемъ надъ прочими смертными, пренебрегаютъ разговорами о мелочныхъ и вседневныхъ предметахъ, и охотнѣе склоняютъ рѣчь къ предметамъ возвышеннымъ. Подобно истиннымъ Государственнымъ людямъ, увѣреннымъ въ силѣ и основательности своихъ сужденій, она даже любила, чтобы тѣ, кто имѣлъ честь съ нею бесѣдовать, дѣлали

ей возраженія и предлагали собственныя мысли. «Всего болѣе сожалѣю въ моей жизни, что я не «была мужчиною въ 1812-мъ году,» сказала она мнѣ однажды. Изящество сихъ словъ можетъ постигнуть только Русское сердце!

ГЛАВА IX.

Мангеймъ.—Письмо Государя къ Графу Барклаю де-Толли.—Парижскія новости.—Депутаты Временнаго Правительства.—Замѣчанія о походѣ.—Анекдотъ изъ Турецкой войны.—Переходъ чрезъ Вогезскія горы.—Партизаны.—Нанси.—Взятіе Парижа.

Мирный и пустынный Мангеймъ наполнился Русскими; на улицахъ только и видны были безчисленные ряды нашихъ войскъ, артиллеріи и обозовъ, тянувшихся за Рейнъ. Однакожь все возвѣщало, что война не могла быть продолжительна: извѣстія, получаемыя ежечасно изъ Франціи, свидѣтельствовали о быстрыхъ успѣхахъ Веллингтона и Блюхера; безостановочно преслѣдуя непріятеля, они приближались къ самому Парижу. Вскорѣ мы узнали и объ отреченіи Наполеона отъ престола, а безъ него Французы не были въ состояніи воевать съ нами. Нѣсколько

разъ неслись слухи объ его смерти, и будто въ непріятельской арміи отдано въ приказѣ: «Le grand homme a passé!» Начальники Французскихъ передовыхъ войскъ неоднократно предлагали заключить перемиріе. Одинъ изъ нашихъ генераловъ согласился на желаніе ихъ, полагаясь на увѣренія Французовъ, что съ низверженіемъ Наполеона прекратятся военныя дѣйствія. Государь былъ недоволенъ его поступкомъ, приказалъ подтвердить всѣмъ генераламъ запрещеніе вступать въ переговоры съ непріятелемъ, и писалъ Фельдмаршалу Барклаю де-Толли собственноручное письмо, слѣдующаго содержанія: «Извѣстіе «объ отреченіи Наполеона справедливо, и Генералъ «Раппъ сообщилъ намъ его формально. Но сіе про«исшествіе не должно ни мало насъ останавливать, «и мы единогласно рѣшили продолжать военныя на«ши дѣйствія по прежнему. Намъ необходимо имѣть «въ своихъ рукахъ Наполеона, выдачи коего настоя«тельно требуемъ. Мы не можемъ равномѣрно терять «военныхъ выгодъ, доселѣ пріобрѣтенныхъ. И такъ, «съ помощію Божіею, идемъ впередъ довершить бла«гое дѣло! Если крѣпости будутъ входить въ пере«говоры съ нами, дабы почитать ихъ принадлежа«щими Королю Французскому, то подобныхъ сноше«ній не отклонять, а Мнѣ немедленно доносить. Съ

«благословеніемъ Всевышняго, съ пособіемъ такихъ «полководцевъ, какъ вы, и съ храбростію неоцѣнен-«ныхъ нашихъ войскъ, надѣюсь привести къ желае-«мому концу новую войну и достичь до благодѣ-«тельнаго для цѣлой Европы мира.»

15-го Іюня мы переправились на лѣвый берегъ Рейна, и шли прекраснѣйшими мѣстоположеніями через Шпейеръ и Рейнсабернъ въ Гагенау. Парижскія новости составляли предметъ общихъ разговоровъ. Всѣ жадно читали Французскія вѣдомости, заключавшія въ себѣ изображеніе борьбы различныхъ партій, господствовавшихъ во Франціи. Никогда членамъ Палатъ и журналистамъ не представлялось обильнѣйшаго поля для преній. Пользуясь правомъ свободнаго книгопечатанія, они описывали тѣ минуты, когда полководецъ, одаренный чрезвычайными воинскими способностями, принужденъ былъ, подобно Аннибалу послѣ Замы, искать спасенія въ бѣгствѣ; когда соотечественники ихъ, долго привыкшіе къ побѣднымъ слухамъ, видѣли арміи свои сокрушенными; когда многочисленныя ополченія народовъ подступали къ столицѣ ихъ, словомъ, тѣ минуты, когда отечество ихъ гибло. Одни оплакивали народную честь и славу, потерянныя безвозвратно, другіе питались упованіемъ счастливаго переворота, но всѣ

думали найдти обезпеченіе своей независимости въ политическихъ формахъ. Странно, что почти никто не обращалъ вниманія на власть диктаторскую: она одна спасала Державы, бывшія въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Франція. Духъ журналистовъ и членовъ народнаго собранія упадалъ ежедневно болѣе, по мѣрѣ какъ они узнавали о повсемѣстномъ отступленіи ихъ армій, и объ увеличивавшихся успѣхахъ Союзниковъ. Видно было, что не взирая на все краснорѣчіе, прикрывавшее ихъ лжеумствованія, пробуждался въ нихъ по временамъ гласъ совѣсти, упрекая ихъ въ измѣнѣ законному Монарху, и что они тщетно старались заглушать его преніями объ отвлеченныхъ политическихъ понятіяхъ.

По прибытіи въ Гагенау, мы извѣстились объ учрежденіи въ Парижѣ Временнаго Правительства, и объ отправленіи имъ чиновниковъ въ нашу главную квартиру. Союзные Государи послали къ нимъ на встрѣчу Графа Шувалова, съ порученіемъ сказать, что Монархи не намѣрены принять ихъ, что чиновники должны объявить Графу предложенія своего правительства и ожидать отвѣта въ Реймсѣ. Графъ Шуваловъ съ ними разъѣхался, и депутаты прибыли въ главную квартиру. Ихъ было шестеро:

Лафаетъ, Себастіани, Лафоре, Понтекуланъ, Аржансонъ и Бенжаменъ-Констанъ. Они привезли письма союзнымъ Министрамъ Иностранныхъ Дѣлъ, съ полномочіемъ вступить въ переговоры, имѣвшіе цѣлью защищать права сына Наполеонова и независимость Франціи. Они также имѣли приказаніе сколько можно противиться возвращенію на престолъ Бурбоновъ, и въ случаѣ, если Союзные Монархи отринутъ права Наполеонова сына, предложить корону Франціи Саксонскому Королю или Герцогу Орлеанскому. Государь велѣлъ Статсъ-Секретарю Графу Каподистрія, къ которому возымѣлъ особенное довѣріе со времени Конгресса, объясниться съ депутатами, и сказать имъ, чтобъ они ѣхали въ Лаутербургъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Гагенау, куда имъ обѣщано было прислать отвѣтъ. Между тѣмъ Лафаетъ пришелъ къ Начальнику Штаба Государева, Князю Волконскому, но не былъ имъ принятъ. Когда онъ вошелъ въ переднюю комнату Князя, адъютантъ спросилъ его, кто онъ? «Не бывъ Коронованною «Главою, я пользуюсь уваженіемъ Монарховъ,» отвѣчалъ Лафаетъ. Графъ Каподистрія пробылъ у Депутатовъ весь вечеръ, и выходя отъ нихъ въ полночь, сказалъ мнѣ: «Они говорятъ, что Палаты «признали Императоромъ сына Наполеонова, но изъ

«словъ ихъ видно, что это одна личина. Себастіани «объясняется лучше и умнѣе, нежели прочіе; Бенжаменъ-Констанъ слишкомъ горячится.»

Въ Гагенау получено было также извѣстіе, что Наслѣдный Принцъ Виртембергскій разбилъ Французскаго Генерала Раппа, и принудилъ его отступить къ стѣнамъ Страсбурга. Черезъ часъ потомъ, Государь отправилъ къ Принцу тридцать орденовъ, для награжденія отличившихся. Въ то же время составили особый корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Гогенцоллерна, для обложенія Страсбурга, а Принцу Виртембергскому велѣно примкнуть съ войсками къ нашему лѣвому крылу. Обезпеченные такимъ образомъ со стороны Страсбурга, мы не пошли на Кенигфельдъ и Муцигъ, какъ полагали прежде, а прямо на Саверпъ, чѣмъ сократили двумя переходами путь къ Нанси. Къ нашей лѣвой колоннѣ присоединились вторая и третья гренадерскія дивизіи, Прусская гвардія и гренадеры. Король Прусскій подчинилъ ихъ Графу Барклаю. По сему поводу Государь велѣлъ Барклаю изъявить письмомъ Королю благодарность за сдѣланную ему честь, порученіемъ подъ его начальство своихъ отборныхъ войскъ.

По мѣрѣ приближенія нашего къ Вогезскимъ горамъ, зной становился нестерпимъ; армія дѣлала большіе,

Суворовскіе переходы, не имѣя почти дневокъ. Войска не знали усталости. Вообще походъ не могъ быть для насъ благопріятнѣе; ежедневно получали мы извѣстія объ успѣхахъ нашихъ Союзниковъ. На Югѣ, Австрійцы тѣснили Лекурба, Англичане и Пруссаки находились близъ Парижа. Въ нашей главной квартирѣ почти не являлось никакихъ признаковъ, что тогда была война. Обыкновенно выступали мы въ походъ очень рано, и шли прекрасною дорогою: всѣ были довольны и веселы. По вечерамъ гремѣла музыка, и мы гуляли по окрестностямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ останавливались для ночлеговъ. Всѣ заботы, все бремя похода лежали на одномъ Императорѣ Александрѣ. Въ полномъ смыслѣ слова, Онъ предводительствовалъ арміею. Нося званіе Главнокомандующаго, Барклай де-Толли только объявлялъ Его повелѣнія. Донесенія привозились прямо къ Государю; приказанія о движеніи войскъ и о направленіи колоннъ, отдавались равномѣрно Его Величествомъ; всѣ бумаги, заключавшія въ себѣ нѣкоторую важность, писаны были собственноручно Императоромъ. Однажды былъ я позванъ въ кабинетъ Его, и увидѣлъ, что Онъ, съ циркулемъ въ рукѣ, Самъ повѣрялъ на картѣ таблицы переходовъ.

Слѣдованіе нашихъ войскъ по непріятельской землѣ никогда не бывало устроено съ большимъ порядкомъ, какъ въ походѣ 1815-го года. Доказательствомъ служитъ то, что не было подано ни одной жалобы со стороны жителей. Правда, наши опасались имѣть какой либо споръ съ Французами, потому что начальство наше, при разбирательствѣ, обыкновенно оправдывало обывателей. Хотя такая мѣра не всѣмъ казалась справедливою, однакожь, думаю, нельзя довольно щадить жителей въ непріятельской землѣ, и заставлять ихъ забывать несчастіе видѣть чужеземныя войска въ отечествѣ ихъ. За то Французы были въ восхищеніи отъ Русскихъ. Меръ или городничій одного города сказывалъ мнѣ, что обыватели окружныхъ селеній просили его изъ милости помѣщать къ нимъ постоемъ Русскихъ, предпочтительно передъ другими союзными войсками.

Въ нашъ дивный вѣкъ, арміи всѣхъ Державъ, въ видѣ непріятелей или союзниковъ, бывали по нѣскольку разъ въ чужихъ земляхъ, но никакія войска не оставили послѣ себя памяти такой примѣрной подчиненности, какъ Русскія. Въ походахъ, совершенныхъ подъ предводительствомъ Александра, только на поляхъ сраженія падали жертвы; мирные и невооруженные обыватели находили защиту и

особенное покровительство—предметъ безпрерывныхъ, личныхъ заботъ Государя. Даже по кончинѣ Его, полководцы, образовавшіеся въ Его царствованіе, слѣдовали неотступно Его великодушнымъ правиламъ, стяжавшимъ любовь и привязанность къ оружію нашему во всѣхъ покоренныхъ странахъ, не исключая и самыхъ непросвѣщенныхъ. Въ 1829-мъ году, я возвращался съ Фельдмаршаломъ Графомъ Дибичемъ изъ Адріанополя въ Бургасъ, и когда мы проѣзжали по кремнистому хребту Странджи, насъ застигла ужасная метель; лошади дрожали, и отъ порывистаго вѣтра останавливались; снѣгъ крутился въ воздухѣ, и помрачалъ свѣтъ. Достигнувъ деревни Буюкъ-Баялыкъ, мы сошли съ лошадей и остановились пережидать бурю въ избѣ Болгара. Хозяева сидѣли за сытнымъ обѣдомъ; по стѣнамъ была разставлена посуда и разная домашняя утварь. Фельдмаршалъ, чрезвычайно обрадованный такимъ зрѣлищемъ, которое служило явнымъ доказательствомъ, что наши войска ни до чего не коснулись, не взирая на то, что селеніе Буюкъ-Баялыкъ стоитъ на большой дорогѣ, гдѣ проходила вся армія, началъ съ свойственнымъ ему жаромъ говорить объ образцовомъ поведеніи солдатъ нашихъ съ жителями Турецкой Имперіи въ походѣ 1829-го года, и въ

заключеніе сказалъ мнѣ: «Впрочемъ, мы только слѣ-«довали примѣру Александра!»

21-го Іюня утромъ мы вступили въ Вогезскія горы, обходя тропинками лежавшую на дорогѣ нашей крѣпость Фальцбургъ; на стѣнахъ ея еще развѣвалось трехъ-цвѣтное знамя Наполеона. Маршъ былъ трудный по высокимъ и крутымъ горамъ, покрытымъ лѣсами; многочисленные Австрійскіе обозы останавливали войска на каждомъ шагу. Не говоря о полковыхъ тяжестяхъ ихъ, у одного Императора Франца было 175 экипажей, а весь обозъ нашего Государя состоялъ изъ 34-хъ экипажей. Государь посылалъ Графа Ожаровскаго требовать сдачи Фальцбурга; отвѣтомъ былъ отказъ. Коменданты Французскихъ крѣпостей большею частію мужественно защищали ввѣренныя имъ твердыни. Образованные въ побѣдоносныхъ станахъ, они не могли привыкнуть къ мысли почитать себя за побѣжденныхъ. За то, жители Франціи столько пострадали отъ безпрестанныхъ переворотовъ, что предались совершенному равнодушію. Я видѣлъ Нѣмцевъ во время ихъ униженія, когда тяготѣло надъ Германіею ярмо Наполеона. Духъ такъ сильно не упадалъ у нихъ, какъ у Французовъ, которые даже неохотно говорили о политическихъ происшествіяхъ и отказывались

отъ чтенія вѣдомостей. Можно было сказать, что Франція заключалася въ Парижѣ; жители департаментовъ ожидали, кого изъ столицы прикажутъ провозгласить: республику, Бурбоновъ, или Имперію? Одно только возбуждало ихъ любопытство: желаніе видѣть Государя. Лѣстницы, сѣни и переднія комнаты домовъ, гдѣ Онъ останавливался, бывали наполнены съ утра до вечера народомъ, по нѣскольку часовъ ожидавшимъ минуты, жаждая взглянуть на Него. Не такъ бывало въ домахъ, гдѣ живали прочіе союзные Монархи! Воспоминаніе о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Государемъ Парижу и Франціи въ прошедшемъ году, сильно запечатлѣлось въ сердцахъ Французовъ. Въ Немъ видѣли они великодушнаго побѣдоносца, защитника своего и благодѣтеля.

Когда мы миновали Вогезскія горы, образовались Французскіе партизаны, и кинулись въ лѣса, по обѣимъ сторонамъ дороги, которою мы проходили. Одинъ изъ моихъ товарищей былъ посланъ изъ нашей главной квартиры въ Нанси, въ сопровожденіи 8-ми казаковъ. На него напали партизаны, ранили его и двухъ казаковъ. Происшествіе сіе случилось наканунѣ дня, когда Государь хотѣлъ ѣхать въ Нанси, имѣя въ конвоѣ только 12-ть лейбъ-казаковъ, а колоннѣ Раевскаго велѣлъ выступить впередъ,

ночью, въ избѣжаніе дневнаго зноя. Слѣдственно, еслибы не ранили нашего офицера, то на слѣдующее утро партизаны имѣли возможность напасть на слабый конвой Государя. Потому велѣно занять пѣхотою опушку лѣса на дорогѣ, и Государь выступилъ въ походъ съ колонною Раевскаго. Здѣсь нельзя не замѣтить большой разницы между Французскими партизанами и Русскими Отечественной Войны. Наши находили живѣйшее содѣйствіе въ жителяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они показывались, а Французы напротивъ того порицали своихъ партизановъ, и доносили на нихъ, какъ на нарушителей общественнаго спокойствія. Такимъ образомъ Меръ города Бламона извѣстилъ насъ письмомъ, что разбойничьи шайки партизановъ намѣрены были посягнуть на жизнь Государя.

Іюня 23-го мы пришли въ Нанси, прекрасный городъ, съ большими площадями, широкими улицами, прекрасными садами и аллеями. Наканунѣ нашего вступленія происходили въ Нанси бунты отъ разномыслія касательно будущаго жребія Франціи. Городовое начальство съ трудомъ удержало кровопролитіе между Бонапартистами и приверженцами Бурбоновъ. Французскіе партизаны приходили въ Нанси изъ лѣсовъ, и жандармы изъ близлежащихъ

крѣпостей; тѣ и другіе возбуждали народъ къ сопротивленію Союзнымъ войскамъ, увѣряя въ скоромъ приближеніи Наполеона съ сильною арміею. Чернь толпами бѣгала по улицамъ, грозила ограбить домы преданныхъ Королевской партіи, и, собравшись передъ окнами тяжело раненаго Ротмистра Бервица, бывшаго нѣкогда адъютантомъ Князя Багратіона, вопила: «Смерть Русскому! Дайте намъ крови Русской!» Для отвращенія подобныхъ явленій, Государь приказалъ отобрать оружіе отъ жителей. Они сами приносили его на мѣста, назначенныя для складки; отдавая шпагу, одинъ Французъ поцѣловалъ ее со слезами. По занятіи нашими войсками Нанси, выставили на ратушѣ бѣлое знамя Бурбоновъ, и множество людей съ знаками ордена Лиліи явились на улицахъ и площадяхъ. Въ Нанси я познакомился съ одною Русскою, за-мужемъ за Французомъ, находившимся во время революціи въ Россіи. Легко вообразить радость ея, увидя въ новомъ ея отечествѣ прежнихъ земляковъ своихъ и объясняться съ ними на природномъ языкѣ. Принимая во время войны живѣйшее участіе въ нашихъ раненыхъ и плѣнныхъ, она навлекла на себя гоненіе Французскаго правительства; но отвѣчала на дѣланныя ей непріятности, особенно во время правленія

Наполеонова, съ такимъ презрѣніемъ, какого отъ Русской ожидать должно было къ столь безнравственнымъ и необразованнымъ людямъ, какъ чиновники прежняго повелителя Франціи.

Проведя сутки въ Нанси, мы выступили оттуда впередъ, по Парижской дорогѣ. Не доѣзжая городка Вуа (Void), появились Французскіе партизаны изъ лѣса, подавали съ возвышеній сигналы другъ другу, и ранили одного изъ нашихъ гусаровъ. Государь поѣхалъ съ Австрійскимъ Императоромъ на ту гору, откуда раздался выстрѣлъ, при чемъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, обратясь къ намъ, сказалъ: «Въ первый разъ въ свѣтѣ разбойники на-«падаютъ на двухъ Императоровъ!» Переночевавъ въ Вуа, отправились мы на другой день въ Линьи, а оттуда въ Сенъ-Дизье. Французскіе партизаны шли на одной высотѣ съ нами, пробираясь лѣсами. Они не причинили войскамъ нашимъ почти никакого вреда, но появленіемъ своимъ доставляли нѣкоторую разсѣянность въ нашемъ единообразномъ походѣ, совершенномъ подобіи военной прогулкѣ. Издали глядѣли мы на ихъ сигналы, и тѣшились ими, какъ вдругъ вниманіе наше обратилось совсѣмъ въ другую сторону, на предметъ важности чрезвычайной. Не доѣзжая нѣсколько верстъ до Сенъ-

Дизье встрѣтили мы скакавшаго во всю прыть лошадей курьера. Онъ вручилъ Государю донесеніе Чернышева, извѣщавшаго о вступленіи своемъ въ Парижъ, вмѣстѣ съ Англійскими и Прусскими войсками. Помышленія всѣхъ устремились на Парижъ, гдѣ за годъ передъ тѣмъ мы проводили незабвенное время въ упоеніи торжества побѣды и среди неисчерпаемыхъ наслажденій.

ГЛАВА X.

Состояніе Франціи.—Донесеніе Чернышева.—Отъѣздъ Государя изъ Сенъ-Дизье въ Парижъ.

Франція находилась тогда въ безначаліи. Разсѣянныя войска ея исполнены были духомъ Преторіанскихъ легіоновъ или Янычаровъ, располагавшихъ престоломъ по своему произволу. Народъ ругался надъ мѣстными начальствами. Въ разныхъ городахъ обнаруживалась междоусобная война. Палаты представителей, непризнаваемыя законными отъ Союзныхъ Монарховъ, были раздѣлены во мнѣніяхъ, кому царствовать во Франціи. Парижъ волновался, и безопасность его была угрожаема шайками такъ называвшихся Конфедаторовъ, состоявшихъ изъ праздношатающихся, фабричныхъ и буйной сволочи; изрыгая страшныя угрозы, они являлись готовыми на всякія

неистовства. На національную гвардію нельзя было полагаться: клятвопреступная, въ теченіе полутора года она присягала тремъ правительствамъ, совершенно различнымъ одно отъ другаго. По симъ причинамъ, положеніе Веллингтона и Блюхера было весьма затруднительно, тѣмъ болѣе, что они не знали въ чемъ будутъ заключаться дальнѣйшія намѣренія Союзныхъ Государей касательно жребія Франціи, Бурбоновъ и Наполеона. Сверхъ того, оба Полководца были различнаго мнѣнія о политическихъ дѣлахъ. Веллингтонъ желалъ скораго возвращенія Лудовика XVIII-го въ Парижъ, разсчитывая, что присутствіе его прекратитъ колебаніе умовъ, обуздаетъ страсти и положитъ конецъ безначалію. Напротивъ, Блюхеръ смотрѣлъ на Французовъ, какъ на закоренѣлыхъ враговъ, радовался случаю унизить ихъ, отмстить имъ за несчастія, претерпѣнныя отъ нихъ Пруссіею, и потому не желалъ скораго прибытія Бурбоновъ. Появленіе Лудовика XVIII-го въ столицѣ должно было прекратить войну, и положить предѣлы требованіямъ, которыя Блюхеръ почиталъ справедливымъ, законнымъ возмездіемъ за бѣдствія, понесенныя Пруссіею со времени Тильзитскаго мира. Онъ обложилъ Парижъ данью во 100 милліоновъ и хотѣлъ взорвать Іенскій мостъ. Находившійся въ Парижѣ

Прусскій Посланникъ Графъ Гольцъ просилъ Блюхера отъ имени Талейрана отмѣнить приказаніе. Блюхеръ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, свидѣтельствующимъ ненавистныя чувствованія его и презрѣніе къ Французамъ: «Я приказалъ взорвать Іенскій мостъ, «и не могу скрыть отъ васъ, что мнѣ весьма пріятно «будетъ, если Господинъ Талейранъ сядетъ на него «передъ взрывомъ, о чемъ прошу извѣстить его.» (*)

Къ счастію, случился въ то время въ Парижѣ Генералъ Чернышевъ. Вскорѣ по переходѣ нашемъ черезъ Рейнъ, Государь послалъ его съ летучимъ отрядомъ для поисковъ на путь сообщенія непріятелей и извѣщенія о движеніяхъ Наполеона. Быстро и съ свойственною ему предпріимчивостію исполнилъ онъ данное ему порученіе, проникнулъ далеко во Францію, очистилъ все пространство между Сеною и Марною, и съ одною конницею овладѣлъ Шалономъ, защищеннымъ пѣхотою, при чемъ отбилъ у непріятеля шесть орудій—единственные трофеи Русскихъ войскъ въ походѣ 1815-го года. Узнавъ о приближеніи

(*) Ich bin entschlossen, dass die Brücke gesprengt werden soll, und kann Ew. Hochwohlgeboren nicht verhehlen, dass es mir recht lieb seyn würde, wenn Herr Talleyrand sich vorher darauf setzte, welches ich Sie bitte ihm wissen zu lassen.

къ Парижу Англичанъ и Пруссаковъ, Чернышевъ поспѣшилъ присоединиться къ нимъ, вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Парижъ, и донося о томъ Государю, писалъ: «По прибытіи моемъ въ Парижъ, я «тотчасъ отправился въ главную квартиру Пруссаковъ, Сенъ-Клу, и встрѣтилъ тамъ Генерала Гнейзенау. Онъ говорилъ мнѣ о непріязненномъ расположеніи Парижанъ къ Бурбонамъ, и присовокупилъ, что одинъ Императоръ Александръ можетъ привести дѣла въ ясность, и безъ Вашего Величества никто не осмѣливается ни на что «рѣшиться. Герцогъ Веллингтонъ повторилъ слова Генерала Гнейзенау, поручая мнѣ послать къ «Вашему Императорскому Величеству курьера, и отъ его имени просить Васъ убѣдительнѣйше «прибыть сюда, положить конецъ личному его недоумѣнію и запутанности дѣлъ вообще. Веллингтонъ сказалъ мнѣ, что до сихъ поръ онъ сообразался въ поступкахъ своихъ съ первоначальными «видами Союзныхъ Монарховъ, но теперь, по занятіи Парижа, когда Король Французскій уже почти «у воротъ столицы, и, не взирая на то, умы Парижанъ въ величайшемъ броженіи, только Ваше Величество въ состояніи разрѣшить Гордіевъ узелъ «и принять мѣры, сообразныя съ обстоятельствами.

«Лордъ Кастельре подтвердилъ мнѣ все, сказанное «Веллингтономъ.» (*)

Государь получилъ донесеніе Чернышева близъ Сенъ-Дизье, въ 220-ти верстахъ отъ Парижа. Армія

(*) Arrivé à Paris, je me suis de suite rendu à Saint-Cloud, quartier général prussien. J'y trouvois le comte de Gneisenau, qui me parla des dispositions peu favorables des Parisiens pour la cause des Bourbons, ajoutant qu'il n'y a que l'Empereur Alexandre qui puisse débrouiller tout cela; personne n'ose sans lui prendre une détermination quelleconque. Ce langage me fût répété par le duc de Wellington, qui me recommanda spécialement d'expédier un courrier à Votre Majesté Impériale, pour la supplier de la manière la plus pressante de sa part de venir mettre un terme à son embarras à lui, ainsi qu'au vague dans lequel se trouvent en général les affaires: que jusqu'à présent il s'étoit borné à tenir le langage que lui prescrivoient les premières intentions des alliés; mais que maintenant, que l'on étoit maître de Paris, que le roi se trouvoit aux portes de cette capitale, et que malgré cela l'esprit des Parisiens se trouvoit dans la plus grande fermentation, il n'y avoit que Votre Majesté qui pût trancher le noeud gordien et prendre les mesures analogues aux circonstances. Cet avis se trouvoit parfaitement conforme au langage que m'a tenu lord Castelreagh.

не могла пройдти такого разстоянія ближе семи или восьми сутокъ, а между тѣмъ каждая минута была драгоцѣнна: всякое промедленіе могло произвести въ Парижѣ кровопролитіе. Но какъ ѣхать въ Парижъ изъ Сенъ-Дизье, краемъ, не занятымъ нашими войсками? Не смотря на то, прочитавъ донесеніе Чернышева и оцѣнивая важность приводимыхъ имъ причинъ, Государь уговорилъ Союзныхъ Монарховъ отправиться въ Парижъ, вмѣстѣ съ Нимъ, на почтовыхъ лошадяхъ, отдавъ повелѣніе Барклаю де-Толли продолжать съ арміею движеніе къ Шалону. На-скоро послали на всѣ станціи отъ Сенъ-Дизье до Мо по 50-ти казаковъ, назначенныхъ сопровождать Монарховъ. Казаки были поручены начальству Графа Орлова-Денисова. Іюня 27-го, Монархи поѣхали изъ Сенъ-Дизье въ Парижъ. Императору Францу сопутствовали Канцлеръ Князь Меттернихъ и Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Врбна, Королю Прусскому Канцлеръ Князь Гарденбергъ, а въ свитѣ Государя находились Статсъ-Секретари Графъ Нессельроде и Графъ Каподистрія, и Начальникъ Главнаго Его Штаба Князь Волконскій, при которомъ былъ я.

Мы всѣ помѣстились въ девяти экипажахъ. Положено было не отставать другъ отъ друга и ѣхать вмѣстѣ. Графъ Орловъ-Денисовъ, верхомъ на одной

и той же лошади, слѣдуя за скорою нашею почтовою ѣздою, вмѣстѣ съ нами поспѣлъ въ Шалонъ. Множество народа окружало насъ на всѣхъ станціяхъ. Жители принимали насъ довольно равнодушно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буйными толпами тѣснились вокругъ коляски Государя, и грубымъ, сиповатымъ голосомъ, свойственнымъ Французскимъ крестьянамъ, провозглашали попеременно Генриха IV и Наполеона, Лудовика XVIII и Императрицу Марію-Луизу. Чаще всего раздавались восклицанія: Да здравствуетъ Императоръ Александръ! О другихъ Союзныхъ Монархахъ не упоминалъ никто ни слова. И простой народъ во Франціи зналъ, что отъ Русскаго Царя зависѣла участь его! Не разъ удивлялся я дорогою смѣлости Государя отважиться на опасный путь: сотни двѣ, три, рѣшительныхъ, отчаянныхъ Французовъ, напавъ на Монарховъ, могли перемѣнить участь вселенной. Ввечеру мы объѣзжали почти непроходимою дефилеею крѣпость Витри, занятую нѣсколькими тысячами преданнаго Наполеону гарнизона. Она обложена была малымъ числомъ нашихъ драгуновъ. Съ крѣпостныхъ стѣнъ Французы ясно могли видѣть наше слѣдованіе. Двѣ колонны вышли изъ города. Я содрогнулся, но колонны скоро возвратились. Государь могъ сказать въ подражаніе

Кесарю: «Чего ты страшишься? ты сопутствуешь Александру!» Въ потьмахъ мы пріѣхали въ Шалонъ, гдѣ остановились для почлега. Долго улицы кипѣли народомъ; удивленные пріѣздомъ Монарховъ, жители не постигали, какимъ образомъ Ихъ Величества очутилися посреди Шалона, и безъ войскъ.

28-го Іюня, рано поутру, мы отправились въ путь по большой дорогѣ, черезъ Эперне, Шатотьерри и Мо. Рѣзвые кони несли насъ по плодоносной равнинѣ, орошаемой Марною, и за годъ передъ тѣмъ омытой Русскою кровью. И здѣсь, какъ накапунѣ, видимо было общее изумленіе Французовъ, при неожиданномъ для нихъ появленіи Союзныхъ Монарховъ. Въ Мо простились мы съ казаками, и поѣхали безъ прикрытія. На каждомъ шагу встрѣчали мы Французскихъ солдатъ, возвращавшихся по одиначкѣ въ домы свои. Иные брели безоружными, у другихъ были ружья, но они едва осмѣливались смотрѣть на нихъ. Всѣ казались грустными, упадшими духомъ. То были остатки арміи, нѣкогда называвшейся Великою; вѣроятно, нѣкоторые изъ солдатъ гнѣздились за два года въ Кремлѣ! Какое неизмѣримое разстояніе отъ настоящаго унизительнаго положенія сихъ разбредшихся воиновъ, до той гордости, какая надмевала

ихъ прежде, когда постоянное счастіе лелѣяло знамена Наполеона. Сердце мое сильно затрепетало, когда мы проѣхали мимо селенія Бонди. Здѣсь мы провели незабвенную ночь съ 18-го на 19-е Марта 1814-го года, готовясь къ Парижскому сраженію, здѣсь представлены были Императору Александру ключи Парижа, и здѣсь произнесъ Онъ окончательный приговоръ надъ Наполеономъ, объявивъ посланному его, Коленкуру, рѣшеніе Свое о низложеніи завоевателя съ престола. Миновавъ Бонди, увидѣли мы все поле Парижскаго сраженія, отъ Сенъ-Дени до Венсена, и Парижъ, готовый принять своихъ избавителей! Неизъяснимыя чувства и мысли волновали меня, когда въ семь часовъ вечера, мы въѣхали въ предмѣстіе Парижа. Уже мы въ воротахъ Сенъ-Мартенъ, на бульварѣ, въ улицѣ Сентъ-Оноре, среди шумной столицы! Толпы народа бѣгутъ за нами. Парижане не полагали такъ скоро увидѣть Императора Александра. Радость ихъ становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ пріѣздъ Его Величества былъ для нихъ неожиданнѣе. Многіе смотрятъ на Государя и не узнаютъ Его; а потомъ, подобно человѣку, заключенному въ мрачную темницу, который впервые по освобожденіи видитъ дневное свѣтило, Парижане взываютъ въ восторгѣ: «Вотъ Александръ! Вотъ

«нашъ избавитель!» Восклицанія радости сопровождали Государя до дворца Элизе-Бурбонъ, назначеннаго для Его пребыванія.

Черезъ полчаса пріѣхалъ въ Элизе-Бурбонъ Король Французскій привѣтствовать Государя съ прибытіемъ въ Парижъ. Императоръ встрѣтилъ его на крыльцѣ, и оба Монарха провели вмѣстѣ болѣе часа. Когда они вышли изъ комнаты, гдѣ бесѣдовали, на Государѣ была голубая лента ордена Святаго Духа, возложенная на Него въ семъ свиданіи Лудовикомъ XVIII. Обратясь къ намъ, Король сказалъ Государю: «Ваше Величество, объявите этимъ «господамъ, что на Васъ не лента Святаго Андрея «Первозваннаго.» Монархи разстались ласковѣе и дружнѣе, нежели встрѣтились, вѣроятно потому, что Король нашелъ средства извиниться въ непріязненной политикѣ своей относительно Россіи. Въ теченіе послѣдняго года Лудовикъ XVIII забылъ благодѣянія, оказанныя ему Государемъ. Уполномоченные Франціи на Вѣнскомъ Конгрессѣ не только возставали неоднократно противъ выгодъ Россіи, но даже въ Январѣ 1815-го года заключили тайно съ Англіею и Австріею оборонительный договоръ, имѣя цѣлью дѣйствовать вопреки видамъ Россіи. Договоръ сдѣлался гласнымъ уже послѣ побѣга Наполеонова

съ острова Эльбы. Еслибы сердце Александра было доступно самолюбію, то какому удовольствію должно оно было предаваться въ семъ свиданіи съ Лудовикомъ XVIII, когда Государь опять являлся истиннымъ покровителемъ его, забывая, что предки Лудовика еще въ недавнія времена, при каждомъ удобномъ случаѣ, старались брать первенство надъ нашимъ Дворомъ, а Министры его на Конгрессѣ оказывали къ Россіи враждебное расположеніе!

Вскорѣ послѣ отъѣзда Короля, явились присланные изъ Тюльерійскаго дворца метръ-дотели въ нарядныхъ кафтанахъ, съ напудренными головами и орденомъ Лиліи. Они приготовили ужинъ, и уставили столъ самыми отборными винами и лакомыми кушаньями. До глубокой ночи народъ волновался передъ Элизе-Бурбонъ. Съ неимовѣрною быстротою разнеслась по городу вѣсть о прибытіи Государя, и успокоила всѣ сословія жителей касательно безопасности ихъ, потому что всѣ различныя партіи, господствовавшія во Франціи, признавали Его своимъ заступникомъ. Онъ возстановилъ Бурбоновъ, оказывалъ уваженіе фамиліи Герцоговъ Орлеанскихъ, низложилъ Наполеона, но покровительствовалъ семейству его, и полагалъ преграды неумѣреннымъ требованіямъ нѣкоторыхъ изъ Союзниковъ. Въ тотъ же вечеръ

запретилъ Онъ взрывать Іенскій мостъ, къ чему Блюхеръ уже сдѣлалъ всѣ приготовленія. Крестьяне сосѣднихъ къ Парижу селеній, которые пригнали въ столицу скотъ свой и перевезли туда лучшіе пожитки, изъ опасенія, чтобъ они не достались въ руки побѣдителей, узнавъ о прибытіи Государя, немедленно начали возвращаться въ жилища свои. Конечно, ничто не можетъ сравниться съ торжественнымъ вступленіемъ Императора Александра въ Парижъ, въ прошломъ году, когда, послѣ невѣроятныхъ пожертвованій, усилій и превратностей судьбы, вводилъ Онъ туда побѣдоносную Свою армію, и былъ встрѣченъ ожидавшимъ Его милліономъ жителей, но нынѣшнее прибытіе Его Величества въ столицу Франціи останется не менѣе памятнымъ. Не бывало примѣра въ лѣтописяхъ міра, чтобы Монархъ въѣзжалъ въ столицу непріятельскую, безъ единаго воина и съ малымъ только числомъ приближенныхъ особъ, чтобы часъ Его вступленія сдѣлался залогомъ общаго спокойствія, и побѣжденный народъ, говоря о своемъ побѣдителѣ, воззвалъ: «Нашъ «избавитель прибылъ: мы спасены!»

ГЛАВА XI.

Пріемная комната Государя. — Генералъ Сарразенъ. — Переговоры. — Смотры войскъ. — Замѣчанія Государя о конницѣ. — Входъ въ Парижъ Русскихъ войскъ. — Жераръ. — Рамель. — Лафаетъ. — Сегюръ.

На другое утро Элизе-Бурбонъ наполнился множествомъ иностранцевъ, желавшихъ представиться Государю. Тутъ были и республиканцы, какъ напримѣръ Фуше, засѣдавшіе въ кровавомъ судилищѣ Національнаго Конвента, и поклонники различныхъ властей, попеременно обитавшихъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, словомъ, всѣ знаменитости Франціи, болѣе или менѣе извѣстныя по исторіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, когда онѣ пріобрѣли громкое имя, особенно же отличались примѣрнымъ непостоянствомъ своихъ мыслей, правилъ и поступковъ. Къ обильнымъ

происшествіямъ нашей достопамятной эпохи недоставало только видѣть такихъ людей въ пріемныхъ залахъ Русскаго Монарха, гдѣ они стояли перемѣшавшись съ Прусскими и Англійскими офицерами. Выйдя изъ Своего кабинета, и окинувъ взоромъ многочисленное собраніе, Государь подошелъ къ Фельдмаршалу Блюхеру, и обнялъ его. Въ продолженіе послѣднихъ войнъ, маститый вождь при каждомъ случаѣ обнаруживалъ особенную приверженность и любовь къ Императору. «Александръ «мой настоящій судья,» говаривалъ Блюхеръ: «отъ «Него принимаю радостно и выговоры и награды.» Генералу Цитену, стоявшему подлѣ меня, Государь сказалъ: «Я васъ зналъ капитаномъ въ походѣ «1807-го года. Тогда мы были въ другихъ обстоя«тельствахъ: не стыдно признаваться въ неудачахъ «тѣмъ, кто умѣлъ воспользоваться уроками.»

По окончаніи аудіенціи, явился ко мнѣ Французскій Генералъ Сарразенъ, извѣстный побѣгомъ въ Англію, разводомъ съ нѣсколькими женами и разными военными сочиненіями. Когда онъ объяснилъ дѣло, побудившее его пріѣхать ко мнѣ, я сказалъ ему, что я также намѣренъ обратиться къ нему съ дѣломъ.— «Приказывайте,» отвѣчалъ онъ.—Въ предисловіи сочиненія вашего о походѣ въ Испанію, продолжалъ я,

вы назвали Князя Кутузова бѣглецомъ изъ-подъ Аустерлица. Знаете ли, кто былъ спаситель Россіи?—Изложивъ ему вкратцѣ жизнь нашего Камилла, я заставилъ Генерала Сарразена признаться, что онъ не имѣлъ понятія ни о свойствахъ, ни о подвигахъ великаго мужа, и онъ далъ мнѣ слово уничтожить въ слѣдующемъ изданіи неприличное выраженіе.

Въ скоромъ времени Русская армія приблизилась къ Парижу, и расположилась въ недальнемъ отъ него разстояніи. Многіе изъ нашихъ генераловъ и офицеровъ пріѣзжали въ Парижъ. Почти у всѣхъ были здѣсь прошлогодніе знакомые и связи. Человѣкъ такъ легко привыкаетъ къ самымъ чрезвычайнымъ случаямъ жизни, что тогда казалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ посѣщать вооруженною рукою Парижъ, быть тамъ домашнимъ человѣкомъ во многихъ семействахъ, и входить полнымъ господиномъ въ свои ненаемныя квартиры, гдѣ хозяева и слуги ожидали нашихъ повелѣній и защиты. Поутру собирались въ Элизе-Бурбонѣ тѣ же самыя лица, которыя въ Петербургѣ съѣзжались въ Секретарской комнатѣ Зимняго дворца. (*) Для каждаго изъ насъ, какъ

(*) Секретарскою называлась комната, гдѣ при Императорѣ Александрѣ собирались ежедневно передъ разводомъ генералы и адъютанты Его Величества.

будто посреди мира, начались обыкновенныя занятія по службѣ, послѣ чего мы наслаждались удовольствіями, на каждомъ шагу представляющимися въ Парижѣ. Между тѣмъ Союзныя Державы вели переговоры. Душею ихъ былъ Государь, подобно тому, какъ въ продолженіе походовъ Онъ былъ душею военныхъ дѣйствій: вся Европейская политика вращалась около Александра. Затрудненія въ переговорахъ происходили отъ того, что надлежало придумать средства лишить Францію возможности вновь поколебать Европу, и вмѣстѣ съ тѣмъ не ослабить ея могущества, необходимаго для политическаго равновѣсія. Рѣшеніе сей задачи требовало тѣмъ большихъ соображеній, что Союзныя Державы находились въ странномъ положеніи: онѣ почитали себя въ войнѣ съ Франціею и въ мирѣ съ Королемъ ея.

Часто бывали по утрамъ маневры, производимые, въ присутствіи Монарховъ, Прусскими и Англійскими войсками, занимавшими Парижъ. Появленіе Англичанъ на твердой землѣ было столь необыкновенно, что они возбуждали общее вниманіе. Еще недавно почитались они неспособными къ сухопутной службѣ, болѣе столѣтія не ознаменовавъ себя ни какимъ отличнымъ дѣйствіемъ, но послѣ подвиговъ своихъ въ Испаніи и Португалліи, подъ предводительствомъ

Веллингтона, они заняли мѣсто на ряду съ лучшими арміями. Непоколебимость, оказанная ими при Ватерло, превыше похвалъ. Видъ Англійскихъ солдатъ мужественъ. Они одѣты покойно, но не красиво, маневрируютъ съ точностію, хотя одиночная выправка не удовлетворяетъ требованія нашей рекрутской школы. Лошади, збруя и артиллерія въ совершенствѣ. Вопреки принятымъ вообще правиламъ, они производили наступательныя движенія не колоннами, но развернутымъ фронтомъ. Веллингтонъ отдаетъ повелѣнія хладнокровно. Адъютанты его и офицеры штаба, число которыхъ въ сравненіи съ другими арміями весьма ограниченно, не суетливы. Внѣ службы они кажутся къ своему начальнику не совсѣмъ почтительными, обращаются съ нимъ какъ съ равнымъ себѣ, въ его присутствіи валяются на диванахъ и креслахъ, спорятъ съ нимъ о политическихъ происшествіяхъ, но передъ войсками, во фронтѣ, принимаютъ приказанія его съ возможнымъ уваженіемъ, и развозятъ ихъ неимовѣрно быстро на прекрасныхъ лошадяхъ своихъ. Много Англійскихъ генераловъ и офицеровъ были въ Русскихъ орденахъ, пожалованныхъ имъ Государемъ за Ватерлоское сраженіе.

Вмѣстѣ съ Англичанами учился находившійся подъ

начальствомъ Веллингтона корпусъ Нидерландскихъ войскъ; они казались въ ремеслѣ своемъ такъ же новы, какъ и самое политическое существованіе Королевства ихъ. Рядомъ съ ними находился обыкновенно отрядъ Браушвейгцевъ, въ черныхъ мундирахъ и киверахъ, украшенныхъ мертвыми головами, и осѣненныхъ черными перьями. Флеровая повязка на рукѣ каждаго офицера и солдата, умножала мрачный видъ Браушвейгскихъ войскъ, и означала траурь по убитомъ при Катръ-Бра Герцогѣ ихъ, являвшемъ, во время порабощенія Германіи, доблести достойныя истиннаго рыцаря. Посреди маневрировавшихъ полковъ Веллингтона, множество Англичанокъ бодро ѣздили верхомъ, не страшась пальбы; двѣ бѣлокурыя Англичанки ни на шагъ не отлучались отъ Фельдмаршала. Во время смотровъ, толпы Французовъ равнодушно и съ любопытствомъ, какъ будто лишенные чувствъ народной чести, по нѣскольку часовъ глядѣли на движенія, производимыя ихъ побѣдителями на тѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ еще недавно они видѣли орлы Наполеона, парившіе изъ одной столицы Европы въ другую.

Однажды, возвращаясь шагомъ съ маневровъ, Государь говорилъ о движеніяхъ различныхъ родовъ войскъ. «Мнѣ не нравится нашъ способъ употребленія

«конницы,» сказалъ Онъ. «Мы посылаемъ въ атаку «эскадронъ или два, а много полкъ, и обыкновенно «безъ цѣли. Такими частными атаками, или разстро-«имъ немного непріятеля, который скоро опять при-«ходитъ въ порядокъ, или насъ опрокинутъ, и от-«ступивъ, мы снова собираемся. Напротивъ, Я со-«вершенно согласенъ съ Французами. Они сдвига-«ютъ всю свою кавалерію на одну какую нибудь «точку, и не скачутъ на непріятеля во весь опоръ, «какъ мы, но идутъ на рысяхъ, тихо и въ поряд-«кѣ, и, ударя вдругъ всѣми силами, совершенно «разстроиваютъ линію войскъ непріятельскихъ и ни-«спровергаютъ ихъ намѣренія. Я нѣсколько разъ го-«варивалъ объ этомъ съ Веллингтономъ, и онъ оди-«наковаго со Мною мнѣнія. Онъ сказывалъ, что Ан-«глійская конница, во многихъ отношеніяхъ образ-«цовая, ни въ одномъ сраженіи не производила та-«кого дѣйствія, какъ дурная Французская кавалерія, «состоявшая изъ негодныхъ лошадей и всадниковъ, «которые плохо ѣздили верхомъ.»

Черезъ мѣсяцъ послѣ въѣзда Государя въ Парижъ, 29-го Іюля, наши третія гренадерская и вторая кирасирская дивизіи входили съ торжествомъ въ столицу Франціи, и въ другой разъ развѣвалися тамъ Русскія знамена. При церемоніяльномъ маршѣ,

три полка сбилися съ ноги, за что полковыхъ командировъ посадили подъ караулъ. Послѣ смотра Король Прусскій угощалъ обѣденнымъ столомъ офицеровъ полка своего имени, бывшаго Санктпетербургскаго гренадерскаго. За обѣдомъ, начальникъ дивизіи, Ротъ, огорченный неудачнымъ смотромъ, сказалъ Государю: «Жалѣю, что гренадеры не имѣютъ «случая сразиться съ непріятелемъ; они доказали бы, «что они не недостойны милостей Вашихъ.» Кромѣ сихъ двухъ дивизій, никакія другія Русскія войска не входили въ 1815-мъ году въ Парижъ, и тѣмъ Французы были лишены случая изощрять свое остроуміе надъ Калмыками и Башкирами, или, какъ они называли ихъ, сѣверными Амурами. Въ прошломъ году они толпами сбѣгались смотрѣть на нихъ:

Вы помните: кипѣлъ бульваръ въ Парижѣ такъ
Народа праздными толпами,
Когда по немъ леталъ съ нагайкою казакъ,
Иль сѣверный Амуръ съ колчаномъ и стрѣлами. (*)

Въ одно утро мнѣ надобно было ѣхать къ знаменитому живописцу Жерару, и переговорить съ нимъ о портретѣ Государя, который онъ тогда писалъ. Лѣстницы, переднія, галлереи его дома, все обнаруживаетъ

(*) Батюшковъ.

жилище художника: вездѣ древнія вазы, статуи, барельефы. Какъ пріѣхавшаго отъ имени Императора, Жераръ принялъ меня съ возможными изъявленіями учтивости. Недавній любимецъ Наполеона, онъ былъ побѣжденъ великодушіемъ Александра, и говорилъ объ Немъ съ восторгомъ. «Принимаясь за порт«ретъ Его,» сказалъ онъ, «я былъ въ недоумѣніи, ка«кими предметами окружить Его изображеніе, потому «что Императоръ не одобрилъ моей первоначаль«ной мысли — поставить Его посреди Парижа. Я намѣ«ренъ былъ написать равнины Россіи; потомъ ду«малъ я замѣнить ихъ богинею Мира, съ ея принад«лежностями, торговлею, искуствами, правосудіемъ, «но все это казалось мнѣ слишкомъ обыкновеннымъ «и недостойнымъ единственнаго мужа, чьи черты «надлежало кисти моей передать потомству. Я рѣ«шился начертать только одного Александра.» Вотъ какимъ образомъ онъ выполнилъ свое предположеніе. Императоръ стоитъ въ конномъ генеральскомъ вицъ-мундирѣ; шляпа съ бѣлымъ перомъ лежитъ у ногъ; лѣвая рука на ефесѣ шпаги; вокругъ свирѣпствуетъ буря; внизу густыя, черныя облака, а сквозь нихъ сверкаетъ молнія, освѣщая горизонтъ, гдѣ лице Государя является въ свѣтѣ тѣмъ болѣе яркомъ, что свѣтъ находится въ рѣзкой

противоположности съ мракомъ, покрывающимъ нижнюю часть картины. Видъ Монарха и взглядъ Его важны; сходство не разительно, однакожь характеръ Александра выраженъ вполнѣ. Такимъ видѣли мы Его въ тѣ минуты, когда, ведя войска на приступъ Лейпцига, Онъ приказывалъ Генералу Толю отправиться къ Саксонскому Королю и требовать сдачи города, когда, подъ Феръ-Шампенуазомъ, лично атаковалъ карен непріятельскіе, или, на высотахъ Бельвиля объявлялъ посланнымъ Маршала Мармона, что если Парижъ не сдастся, то къ вечеру не узнаютъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ. «Я не хотѣлъ,» сказалъ Жераръ, «изобразить на устахъ Его улыбку, какъ «сдѣлалъ Изабе, изготовляя миніатюрные портреты «свои только для перстней или табакерокъ. Мое на«мѣреніе было представить героя, повелителя все«ленной, рѣшителя судебъ ея.»

Жераръ повелъ меня по мастерской и сказалъ: «Вотъ Велисарій; я обязанъ ему извѣстностью; а эта «картина познакомила меня съ Наполеономъ. Она «представляетъ то мгновеніе Аустерлицкаго сраженія, «когда Генералъ Раппъ доноситъ Наполеону объ «одержанной побѣдѣ. Во время своего владычества, «Наполеонъ давалъ мнѣ очень много порученій, «и я былъ бы неблагодаренъ, еслибы не признался,

«сколь много я обязанъ ему и его семейству. Часто «говаривалъ я съ нимъ о живописи, и нѣсколько разъ «писалъ его портреты; онъ не могъ терпѣть, когда «ему смотрѣли въ глаза.» Въ мастерской Жерара были портреты Короля Прусскаго, Наслѣднаго Шведскаго Принца, Веллингтона, Князя Шварценберга и другихъ знаменитыхъ особъ. Почему Французы, издающіе въ свѣтъ посредствомъ гравировки и литографіи произведенія своихъ художниковъ, не напечатаютъ такимъ образомъ портретовъ, писанныхъ Жераромъ съ Союзныхъ Монарховъ и генераловъ во время двукратнаго занятія нами Парижа? Неужели надѣются они сокрыть отъ потомства космополитизмъ первостепеннаго ихъ живописца, трудившагося надъ изображеніемъ побѣдителей ихъ отечества?

Кстати упомяну здѣсь о нѣкоторыхъ извѣстныхъ людяхъ, съ коими я имѣлъ случай познакомиться: Рамелѣ, Дюсисѣ, Лафаетѣ и Графѣ Сегюрѣ.

Рамель былъ три года Министромъ Финансовъ при Народномъ Конвентѣ и Директоріи, въ самое неистовое время революціи, когда ассигнаціи совершенно потеряли свое достоинство и наличныя деньги только что начали показываться въ обращеніи. Онъ оживилъ государственный кредитъ, потрясенный насильственными мѣрами Якобинцевъ, и, что не менѣе

важно, оставилъ свѣжую память своихъ распоряженій въ сочиненіи о финансахъ Французской республики. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ оно вниманія, что рѣдко государственные люди издаютъ въ свѣтъ наблюденія, сдѣланныя ими при отправленіи должностей ихъ. Недостаткомъ времени не могутъ они извиниться. Сюлли, Неккеръ, Гарденбергъ доказали, что занимая первыя мѣста въ управленіи, находили они досугъ описывать дѣйствія свои. Въ душѣ республиканцевъ, Рамель простъ и скроменъ въ обращеніи. Онъ принадлежитъ къ немногому числу Министровъ Финансовъ, отдающихъ полную справедливость Адаму Смиту и Физіократамъ, за исключеніемъ однакожь выхваляемаго Экономистами, «единственнаго налога.» «Свобода промысловъ,» сказалъ онъ, «есть самое вѣрное средство для улучшенія финансовъ; уничтоженіе таможенъ нужно для благосостоянія Франціи. Еслибы Наполеонъ, вмѣсто континентальной системы, допустилъ совершенную свободу торговли въ подвластныхъ ему земляхъ, то довелъ бы Англію до крайности.» Бурныя засѣданія Національнаго Конвента, пренія кровожадныхъ членовъ его, и множество революціонныхъ явленій, Рамель передавалъ намъ съ неподражаемымъ искуствомъ, какъ очевидецъ всеразрушительной драмы.

Въ Дюсисѣ я нашелъ одного изъ рѣдкихъ счастливцевъ, сохранившихъ въ маститой старости душевныя способности зрѣлаго возраста, страстнаго любителя природы, нѣжнаго отца семейства, равнодушнаго къ почестямъ и богатствамъ. Безъ восхищенія нельзя было слушать его, Нестора Французской словесности, когда онъ читалъ наизусть вдохновенное посланіе, сочиненное имъ на восемьдесятъ первый годъ его рожденія, или когда разсказывалъ о своей жизни, исключительно посвященной служенію Музъ, которыхъ онъ почитался тогда во Франціи первосвященникомъ. Его бесѣда украшалася множествомъ любопытныхъ анекдотовъ объ ученыхъ, художникахъ и литераторахъ, находившихся съ нимъ въ дружескихъ связяхъ, и знаменитыхъ путешественникахъ, которые въ теченіе полувѣка пріѣзжали въ Парижъ и искали его знакомства. Въ царствованіе Лудовика XVI-го, онъ жилъ при Дворѣ его, и потомъ видѣлъ всѣ ужасы революціи. Наполеонъ неоднократно старался склонить его на принятіе Сенаторскаго званія, но Дюсисъ не рѣшался промѣнять на почести уединенныхъ своихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Версали, лишиться независимости, чтимой имъ выше всего на свѣтѣ. Бури, волновавшія Францію, проходили мимо, и не касались возвышенной,

поэтической души его. «Какія были самыя счастливыя минуты вашей жизни?» спросилъ я его. — «Почитаю,» отвѣчалъ онъ, «высшею наградою «моего литературнаго поприща, когда я увидѣлъ мою «мать въ слезахъ при представленіи одной изъ мо«ихъ трагедій.» — «Другое происшествіе, случившее«ся недавно,» продолжалъ онъ, «тронуло меня до «глубины души. Лудовикъ XVIII, по возвращеніи «въ Парижъ, послалъ за мною. Когда я вошелъ въ «его кабинетъ, онъ встрѣтилъ меня, произнеся четы«ре стиха изъ моего Эдипа. Государь, сказалъ я «ему, Буало и Расинъ имѣли честь читать свои про«изведенія вашему прадѣду, а мнѣ суждено безпри«мѣрное счастіе слышать мои стихи изъ устъ моего «Короля!»

У дочери Дюсиса познакомился я съ Лафаетомъ, самымъ ловкимъ и любезнымъ въ общежитіи, образовавшимся при блестящемъ Версальскомъ Дворѣ. Онъ остроуменъ и говорливъ, какъ Французъ. Разсматривая внимательно его рѣчи и поступки, я нашелъ въ немъ разительное сходство съ фанатиками среднихъ вѣковъ, съ тою разницею, что фанатики, проповѣдуя кротость и милосердіе, сожигали противниковъ своихъ на кострахъ, а онъ, ополчаясь въ обоихъ полушаріяхъ за мнимую независимость народовъ,

ниспровергаетъ существующій порядокъ вещей, и подъ личиною любви къ человѣчеству, вовлекаетъ въ гибель несчетное множество семействъ. Не взирая на его преклонныя лѣта и многотрудныя приключенія, случавшіяся въ его жизни, Лафаетъ защищаетъ свои правила съ юношескимъ жаромъ; восплапененія не ослабили въ немъ старость его и несчастія Франціи. Однажды, отобѣдавъ вмѣстѣ, мы сходили съ лѣстницы, и онъ предложилъ мнѣ довезти меня до Элизе-Бурбонъ, гдѣ я жилъ. Дорогою онъ завелъ рѣчь о свободѣ книгопечатанія. На возраженія объ ея пагубныхъ послѣдствіяхъ, онъ ссылался на Сѣверную Америку, и по обыкновенію своему, превозносилъ ее, забывая, что существованіе Государства, получившаго только за пятьдесятъ лѣтъ свое самостоятельное бытіе, такъ же нетвердо въ основаніяхъ, какъ ненадежна жизнь младенца, выходящаго изъ пеленъ. «Не ближе ли,» сказалъ я ему въ отвѣтъ на пространную, либеральную проповѣдь его, опуская стекло кареты, «взглянуть на «улицы этого города, гдѣ сто тысячь людей заплатили жизнію за невозможность привести въ исполненіе ваши теоріи?»

Съ Графомъ Сегюромъ познакомился я слѣдующимъ образомъ: въ день въѣзда нашего въ Парижъ, комнаты

мои еще не были готовы въ Элизе-Бурбонъ, и для перваго ночлега мнѣ отвели домъ Графа Сегюра, бывшаго Посломъ при Императрицѣ Екатеринѣ. Онъ принялъ меня посреди многочисленнаго собранія, у него находившагося, и встрѣтилъ словами: «Вы «еще слишкомъ молоды, и не можете помнить вре«мени, когда я былъ въ Россіи.» Я отвѣчалъ, что его пребываніе въ Россіи никогда не изгладится изъ памяти соотечественниковъ моихъ. Нѣкоторымъ изъ гостей, преимущественно молодымъ и военнымъ, не утѣшительно было смотрѣть на мой Русскій мундиръ, и они глядѣли на меня косо. Извиняя такое естественное чувство народной гордости, я не заботился объ оскорбленномъ самолюбіи Французовъ, и съ часъ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ разговоры моего почтеннаго хозяина. Сегюръ принадлежалъ къ числу самыхъ любопытныхъ людей нашего времени, пользовался расположеніемъ Екатерины, Вашингтона и Наполеона, былъ военнымъ, посломъ, изгнанникомъ и царедворцемъ, занималъ государственныя должности, не переставалъ обогащать ученый свѣтъ замѣчательными сочиненіями, и такъ устроилъ свою жизнь, какъ будто она исключительно была посвящена наукамъ. Конечно, одно изъ самыхъ пріятныхъ явленій въ мірѣ

есть мужъ преклонныхъ лѣтъ, спокойно взирающій на закатъ своихъ дней, въ увѣренности жить долго въ памяти людей, и оставить въ мірѣ слѣдъ своего существованія содѣянными имъ подвигами, или неувядаемыми произведеніями ума и воображенія.

ГЛАВА XII.

Состояніе Парижа. — Легкомысліе Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военные. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лабедойеромъ. — Чернь Парижская. — Предостерегательное письмо и твердость духа Государя. — Бурбоны. — Тюльерійскій дворецъ.

Состояніе Парижа въ 1815-мъ году совершенно различествовало отъ того, въ какомъ мы нашли его въ прошломъ году. Тогда Французы, утомленные двадцати-пяти лѣтними переворотами и войнами, пожавшими милліоны людей, надѣялись найдти ручательство благоденствія своего въ правленіи Бурбоновъ. Потому они единодушно желали возвращенія на престолъ старипнаго Дома своихъ Королей, конечно не всѣ съ равнымъ усердіемъ и равною къ нему преданностію, но, по крайней мѣрѣ, всѣ съ одинаковымъ ожиданіемъ кроткаго правленія и

спокойствія, давно не вкушаемаго Франціею. Не прошло года, крамолы вновь вспыхнули, и Французы рукоплескали при появленіи Наполеона съ острова Эльбы, мечтая возвратить утраченную ими воинскую славу, и пріобрѣсти правленіе, основанное на началахъ, удовлетворявшихъ буйнымъ ихъ желаніямъ. Надежды не осуществились. Союзныя Державы рѣшительно объявили на Вѣнскомъ Конгрессѣ, что онѣ почитаютъ владычество Наполеона несовмѣстнымъ съ общимъ спокойствіемъ Европы. Побѣдою при Ватерло и движеніемъ всѣхъ Союзныхъ армій къ Парижу Бурбонамъ былъ возвращенъ престолъ, слѣдственно не по единодушному желанію народа, какъ въ прошломъ году, но по волѣ Союзныхъ Монарховъ. Отъ того возникъ духъ междоусобій, распрей и вражды, даже въ семействахъ, раздиравшій въ 1815-мъ году Парижъ.

Столица сія представляла тогда любопытное зрѣлище; ибо, по врожденному намъ свойству, мы охотнѣе смотримъ на народъ, обуреваемый страстями, нежели на страну, гдѣ царствуетъ тишина, подобно тому, какъ съ большимъ удовольствіемъ останавливаемся на берегу моря, когда волны сильно воздымаются, нежели когда необъятная поверхность водъ ничѣмъ не колеблется. Въ такое несчастное время,

легкомысліе Французовъ являлось во всей наготѣ. Не смотря на то, что столица ихъ и часть Государства были заняты чужестранными войсками, во многихъ мѣстахъ свирѣпствовали бунты, крѣпости на сѣверной границѣ были осаждаемы, и кровь десятковъ тысячь жертвъ дымилась на поляхъ Линьи и Ватерло, театры и кофейные домы наполнены были народомъ, гульбища кипѣли радостными толпами. Въ журналахъ помѣщали статьи столь же обширныя о комедіяхъ, какъ и о священномъ дѣлѣ отечества. Бѣлые или красные цвѣты на какой нибудь актрисѣ почитались важнымъ событіемъ и производили жаркіе споры между зрителями, выводившими изъ сихъ цвѣтовъ различныя заключенія, къ какой партіи принадлежитъ актриса, къ приверженцамъ ли Бурбоновъ, или бывшаго Императора? Словомъ, ежели бы кто, незная предшествовавшихъ происшествій, пріѣхалъ въ Парижъ, то сказалъ бы, что конечно прошло очень много времени съ тѣхъ поръ, когда бѣдствія не касались столицы Франціи.

Безъ презрѣнія нельзя было смотрѣть на равнодушіе Французовъ къ унизительному положенію, въ какомъ они находились. Живописцы приносили къ намъ на продажу картины, представляющія вступленіе нашихъ войскъ въ Парижъ и разныя побѣды

наши. Какъ поступили бы у насъ съ художникомъ, который нарисовалъ бы какую нибудь побѣду враговъ Россіи, и поднесъ имъ такое произведеніе своей кисти! Даже, когда нѣкоторые изъ Союзниковъ брали изъ Парижскаго Музеума обратно картины и статуи, имъ прежде принадлежавшія, Французы не только не показывали, чему я былъ личный свидѣтель, большаго прискорбія, хотя въ послѣдствіи писатели ихъ и утверждали противное, но даже въ журналахъ помѣщали шутки объ увезеніи Венеры Медицейской и Венеціянскихъ лошадей. Бриліянщики и золотыхъ дѣлъ мастера, на перерывъ другъ передъ другомъ, старалися придавать красивѣйшій видъ Русскимъ орденамъ, уменьшая ихъ во всѣхъ возможныхъ размѣрахъ. Руководимые чувствомъ низкой корысти, они забывали, или не хотѣли знать, что сіи знаки отличія были пріобрѣтены нами на поляхъ, гдѣ сотни тысячь соотечественниковъ ихъ положили животъ свой. Утонченная подлость ихъ достигла даже до того, что они вырѣзали на краяхъ нашихъ медалей 1812-го года, мѣсяцъ и число вступленія нашего въ Парижъ. Не было власти столь священной, надъ которою Парижане не издѣвались. Въ одномъ журналѣ я нашелъ слѣдующее: «Разсматривая воинскія склонности народа и роль,

«то героическій, то шутовскій, разыгрываемый Фран-«ціею на театрѣ Европы въ продолженіе двадцати «пяти лѣтъ, полагаю необходимымъ имѣть ей Ко-«роля, умѣющаго хорошо ѣздить верхомъ, а потому «предлагаю избрать Королемъ нашимъ берейтора «Франкони!» (*)

Одни военные сохраняли достоинство характера и чувство собственнаго къ себѣ уваженія. Виновные въ измѣнѣ Бурбонамъ и присоединеніи своемъ къ Наполеону, при появленіи его во Франціи съ острова Эльбы, они оправдывали себя въ семъ поступкѣ желаніемъ возстановить утраченную славу ихъ оружія и подъ знаменами завоевателя возвратить Франціи отторгнутыя отъ нея Парижскимъ миромъ области. Такія лжеумствованія не извиняютъ нарушенія присяги, и преступленія въ измѣнѣ, но нельзя не отдать справедливости непріятелямъ, долгое время противъ насъ сражавшимся, что они, видя бѣдствія отечества, являли въ своемъ поведеніи совершенную противоположность съ прочими своими согражданами.

(*) Reconnoissant que les inclinations martiales de la nation, et le rôle alternativement héroique et bouffon qu'elle joue depuis vingt ans sur le théatre de l'Europe, exigent qu'elle ait un roi qui monte bien à cheval, je propose Franconi. *L'Aristarque françois*

Военные ходили съ мрачнымъ видомъ, и блѣднѣли при взглядѣ на Русскій мундиръ; впрочемъ, въ 1815-мъ году были они несравненно скромнѣе, нежели въ 1814-мъ. При первомъ вступленіи нашемъ въ Парижъ, они воображали, что слѣпой случай или измѣна привели насъ въ столицу ихъ, но теперь они убѣдились, что силы Франціи ничтожны передъ силами Союзниковъ. Во всѣхъ случаяхъ они оказывали Русскимъ примѣрную вѣжливость, и не искали, какъ въ 1814-мъ году, поводовъ къ поединкамъ. Въ театрахъ они принимали съ восторгомъ всѣ выраженія, относившіяся къ славѣ Франціи, и заставляли актеровъ повторять стихи и выраженія, напоминавшія прежнія побѣды Наполеона.

Извѣстіе о взятіи Наполеона Англичанами, произвело на нѣсколько дней уныніе въ Парижанахъ. Казалось, они забыли пучину золъ, изрытую Наполеономъ для Франціи, и только сохранили въ сердцахъ признательность за славу, стяжанную подъ его знаменами. Издатели журналовъ почти всѣхъ партій, какъ будто по взаимному условію, прекратили распри. Ненависть на минуту почила, при воззрѣніи на несчастіе, постигшее необыкновеннаго человѣка, принужденнаго наконецъ отдаться въ руки самыхъ лютыхъ враговъ его. Отреченіе его отъ престола въ

прошломъ году сопряжено было съ совершенно различными обстоятельствами, нежели въ настоящемъ. Тогда онъ покидалъ Францію, удерживая за собою права коронованной главы и санъ Императора, сохраненные ему великодушіемъ Союзниковъ, но нынѣ являлся онъ искателемъ приключеній, похитителемъ престола, угрожая вновь наводнить Европу кровію. Всемірное спокойствіе требовало принятія мѣръ для воспрепятствованія ему вторичнаго подобнаго покушенія, и Союзные Монархи, объявивъ его военноплѣннымъ, назначили для пребыванія его островъ Святой Елены, предоставя Англійскому Правительству распорядиться средствами предосторожности, какія оно почтетъ нужными. Вѣчное заточеніе становилось неизбѣжнымъ удѣломъ и достойнымъ наказаніемъ осквернителя храмовъ нашихъ!

Уничтоживъ того, кто за два года передъ тѣмъ мечталъ поколебать вѣковѣчную Россію, Императоръ Александръ не переставалъ являться защитникомъ семейства его. Непреложнымъ тому доказательствомъ можетъ послужить слѣдующій отрывокъ, списываемый здѣсь съ подлиннаго собственноручнаго письма, писаннаго тогда къ Государю братомъ Наполеона, Лудовикомъ, бывшимъ Королемъ Голландскимъ. Изобразивъ свое горестное положеніе, онъ говоритъ:

«Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, возла-«гаю единственную надежду на Ваше Император-«ское Величество. Лишась престола, жалѣю толь-«ко, что отняты у меня средства дѣлать добро; так-«же жалѣю, что не имѣю возможности, съ потерею вер-«ховной власти, доказать безкорыстнѣе удивленіе мое «къ Вашимъ правиламъ и великодушію. Будучи Монар-«хомъ, я стремился подражать Вамъ; нынѣ остает-«ся мнѣ только надежда, что Ваше Величество «отдадите справедливость такимъ чувствованіямъ мо-«имъ, побуждающимъ меня обратиться къ Вамъ, какъ «*единственному провидѣнію моего семейства* (*).»

(*) Dans une circonstance aussi critique pour moi, Sire, il ne me reste d'espoir que dans Votre Majesté Impériale.... Je ne regrette de la royauté que le bien que je me sentois les moyens et surtout la volonté de faire; je regrette aussi la facilité que j'avois eue de vous témoigner, Sire, d'une manière plus désintéressée l'admiration que m'avoient inspirée vos principes et la générosité de votre caractère. J'eus alors le désir de les imiter; il ne me reste aujourd'hui que l'espoir, que Votre Majesté rendra justice à ces mêmes sentimens et qu'elle croira que ce sont eux qui m'amènent auprès de Votre Majesté, et qui me la font envisager *comme la seule providence* qui reste à ma famille.

Пасынокъ и питомецъ Наполеона, бывшій Вице-Король Италійскій, Евгеній, писалъ Государю: «Сердце мое исполнено чувствъ благодарности и «преданности къ Вашему Величеству, запечат«лѣнныхъ неизгладимо въ душѣ моей Вашими мило«стями, уваженіемъ и дружбою къ моему семейству «и ко мнѣ. Обладаніе сердцемъ не важно для того, «кто такъ легко покоряетъ сердца всѣхъ, но вмѣстѣ «съ моимъ сердцемъ предлагаю Вашему Величе«ству самую искреннюю, самую неограниченную «преданность, и молю Бога даровать мнѣ случай до«казать Вамъ чувствованія мои на самомъ дѣлѣ.» (*) Послѣдняя особа семейства Наполеонова, остававшаяся въ Парижѣ, извѣстная любезностію и дарованіями своими Принцесса Гортензія, отправилась тогда изъ Франціи въ Швейцарію—съ Русскимъ паспортомъ.

Въ то время обнародованъ былъ списокъ главныхъ

(*) Sire, mon coeur est rempli de sentimens de reconnaissance et d'attachement, que votre estime, votre amitié et vos bontés pour ma famille et moi y ont gravés en caractères inneffaçables. La possession d'un coeur est bien peu importante pour qui sait si facilement les conquérir tous, mais avec le coeur je vous offre le plus tendre et le plus entier dévouement, et je prie le Très Haut qu'il me fut possible de vous le montrer un jour.

участниковъ въ побѣгѣ Наполеона съ Эльбы. Однихъ приговорили къ изгнанію, другихъ подвергли суду, начавшемуся съ Лабедойера. Съ полкомъ своимъ, стоявшимъ въ Гренoблѣ, онъ первый перешелъ на сторону Наполеона. Судъ производился общенародно; въ засѣданія впускали по билетамъ, повидимому раздаваемымъ большею частію иностранцамъ и приверженцамъ Бурбоновъ. Нѣсколько офицеровъ Королевской гвардіи вели себя неблагопристойно, обнаруживая мнѣнія свои смѣхомъ, въ такомъ дѣлѣ, гдѣ разсуждаемо было о жизни человѣка. «Взгляните на «послѣдствія его поступка,» сказалъ обвинитель; «всѣ узы гражданства во Франціи расторгнуты; она «повержена подъ иго чужеземцевъ; междоусобная «война пылаетъ повсюду; отечество стоитъ на краю «погибели.» Предсѣдатель спросилъ Лабедойера, обвиненнаго въ измѣнѣ противъ Государства, что онъ имѣетъ сказать въ свое оправданіе? Лабедойеръ, прекрасный тридцати-лѣтній мужчина, одаренный краснорѣчіемъ, прибѣгнулъ къ софизмамъ, и отвѣчалъ: «Не запираюсь въ преступленіи, но скажу слабымъ «голосомъ смерти, что поступокъ мой не можетъ от«нять у меня чести, которую я долженъ передать «незапятненною женѣ моей и сыну. Я обязанъ за«щищать ее, чтобы сынъ мой, достигнувъ возраста,

«когда посвятитъ себя на службу отечества, не былъ «при самомъ вступленіи на ея поприще покрытъ «стыдомъ.» Онъ старался доказать, что преступленіе можетъ существовать, а человѣкъ, его совершившій, быть невиненъ; въ примѣръ поставлялъ онъ себя. Для того онъ началъ излагать тогдашнее положеніе дѣлъ, но едва успѣлъ онъ сказать, что «послѣ же«ланнаго всѣми возвращенія Бурбоновъ, общее мнѣ«ніе возстало противъ нихъ, оказались повсюду не«удовольствія, особенно въ войскахъ,» слушатели изъявили неудовольствіе, и предсѣдатель, прервавъ рѣчь, велѣлъ ему не отступать отъ существа дѣла, и довольствоваться личнымъ защищеніемъ. Оправдаться въ измѣнѣ было невозможно: Лабедойеръ замолчалъ, спряталъ бумагу, на которой была написана его рѣчь, и сказалъ: «Тотъ, кто много«кратно водилъ храбрыхъ людей на встрѣчу смерти, «будетъ умѣть и самъ ее встрѣтить. Не запираюсь «въ содѣланномъ мною преступленіи, но утверждаю, «что я не потерялъ чести. Мнѣ поручили усмирить «духъ седьмаго линейнаго полка, состоявшаго подъ «моимъ начальствомъ, но могъ ли я заставить сол«датъ забыть имя полководца, въ теченіе пятнадца«ти лѣтъ водившаго ихъ къ побѣдѣ?» Въ журналѣ, принимавшемъ сторону обвиненнаго, была помѣщена

между прочимъ слѣдующая статья, лучше всякихъ объясненій могущая обнаружить мятежный духъ во Франціи: «Лабедойеръ служилъ съ молодыхъ «лѣтъ подъ знаменами Наполеона. Лудовикъ XVIII «сталъ ему извѣстенъ только за десять мѣсяцевъ. «Его прежній Монархъ, котораго отреченіе отъ пре-«стола казалось ему вынужденнымъ, является передъ «нимъ. Многолѣтняя привычка почитать законнымъ «Государемъ того, кого всѣ Державы такимъ при-«знавали, пробуждаетъ въ немъ еще неугасшую къ «Наполеону привязанность. Блескъ воинской славы «прежняго Монарха, отъ заточенія и несчастія воз-«величивается въ глазахъ его приверженныхъ, дѣй-«ствуетъ на пламенное воображеніе и увѣряетъ быв-«шихъ воиновъ Наполеона, будто они повинуются «гласу долга, въ то время, когда они попираютъ «ногами священнѣйшія обязанности. Нельзя въ одинъ «день истребить убѣжденіе свое, перемѣнить мнѣніе, «наклонности и образъ мыслей, возникшій на лож-«номъ или справедливомъ основаніи, но укрѣпленный «временемъ. Здѣсь истинное преступленіе обвиняе-«маго, но всѣ Французы раздѣляли его заблужденіе.»

Такія и подобныя имъ лжеумствованія, краснорѣчиво выраженныя, появлялись ежедневно въ газетахъ, въ оправданіе измѣнниковъ, и раздували пламень

раздоровъ. Мятежный духъ усиливался еще потому, что вслѣдъ за казнію Лабедойера, начали судить сообщниковъ его, и въ томъ числѣ Маршала Нея, почитавшагося во Французской арміи однимъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ, представителемъ славы Наполеоновыхъ войнъ, и вмѣстѣ самымъ отъявленнымъ противникомъ Бурбоновъ. Казалось, Парижъ закипѣлъ отъ противоборства различныхъ страстей. Тамъ находилось двѣсти тысячь человѣкъ, не имѣвшихъ ни Вѣры, ни чести, ни надежнаго пропитанія, и возросшихъ посреди кровопролитій революціи. Легко можно было взволновать ихъ. Развратная чернь сія, способная на всякія преступленія, имѣла по ночамъ сходбища въ предмѣстьяхъ города, издѣвалась на улицахъ надъ солдатами Королевской гвардіи, жадно внимала чтенію журналовъ, издаваемыхъ демагогами, и при каждомъ случаѣ оказывала неуваженіе законному Правительству. Положеніе многочисленной, необузданной толпы, содержимой въ уздѣ присутствіемъ Союзныхъ армій, можно было уподобить хищному звѣрю, гложущему цѣпь, къ которой онъ прикованъ, и готовому при первой возможности предаться врожденной ему ярости.

Въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ, Государь, получая нерѣдко разнаго рода предостерегательныя

извѣстія, не подавалъ вида малѣйшаго опасенія. Онъ ходилъ по Парижу пѣшкомъ, прогуливался по Елисейскимъ полямъ верхомъ, въ сопровожденіи только одного конюшаго, и ѣздилъ по городу въ каретѣ, запряженной двумя лошадьми, съ двумя лакеями Французами, и съ кучеромъ, Французомъ же, безъ всякаго прикрытія. Караулъ въ Элизе-Бурбонъ содержали попеременно Русскіе, Пруссаки и Англичане; только на ночь ставили со стороны сада, примыкающаго къ Елисейскимъ полямъ, нѣсколько лейбъ-казаковъ. Изъ числа такихъ предостерегательныхъ извѣстій, упомяну о слѣдующемъ. Однажды, часовъ въ десять вечеромъ, Государь получилъ письмо отъ неизвѣстной особы, увѣдомлявшей, что подъ дворцомъ Элизе-Бурбонъ положенъ порохъ, назначенный взорвать дворецъ, посредствомъ подкопа, проведеннаго изъ дома Герцогини Бово, находящагося на супротивъ, на другой сторонѣ той же улицы. Мнѣ приказали тотчасъ осмотрѣть тайнымъ образомъ всѣ погреба и подземелья, и удостовѣриться въ справедливости показанія. Я исходилъ всѣ погреба, обшарилъ всѣ углы, и не нашелъ ничего, могущаго оправдать подозрѣніе. Окончивъ обыскъ поздно ночью, я возвращался въ мою комнату, и проходя мимо двери, ведущей на половину Императора, узналъ,

что Онъ почивалъ. Потомство превозноситъ великость духа Александра Македонскаго, когда онъ принималъ лекарство изъ рукъ врача, обвиненнаго въ намѣреніи отравить его, но можно ли сравнить оказанную имъ твердость съ описываемою здѣсь чертою въ жизни нашего Александра? Въ непріятельскомъ городѣ, гдѣ слишкомъ двадцать лѣтъ являлось позорище неслыханныхъ неистовствъ, гдѣ броженіе умовъ и борьба страстей достигли до высочайшей степени, узнаетъ Онъ о замыслѣ взорвать на воздухъ обитаемый Имъ дворецъ, приказываетъ удостовѣриться въ справедливости показанія, а Самъ отходитъ ко сну!

Бурбоны жили уединенно, какъ и въ первый годъ возвращенія ихъ въ Парижъ. Въ тѣсномъ кругу приближенныхъ, сопутствовавшихъ имъ въ изгнаніи, они казались чужими посреди Государства, болѣе тысячи лѣтъ покорнаго предкамъ ихъ. Лудовикъ XVIII былъ вообще уважаемъ, но члены его семейства, не взирая на всѣ старанія снискать любовь народа, не достигали своей цѣли. Я видѣлъ Французовъ, бившихся объ закладъ, что по выступленіи Союзныхъ войскъ изъ Франціи, Бурбоны не удержатся долго на престолѣ. До какой степени положеніе Короля было тягостно безъ заступленія Государя, можно заключить изъ слѣдующаго случая. Меня

однажды разбудили ночью—зачѣмъ! Какъ можно скорѣе ѣхать къ Блюхеру, и объявить ему Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ даннаго имъ приказанія взять собственныхъ лошадей Лудовика XVIII, въ отмщеніе за медленный взносъ Парижскимъ городовымъ правленіемъ положенной на него контрибуціи. Я пріѣхалъ къ Блюхеру въ три часа по полуночи, и на силу могъ разбудить его. Повинуясь волѣ Государя, онъ немедленно послалъ приказаніе не касаться до Королевскихъ лошадей, которыхъ начали уже выводить изъ конюшни, но притомъ не скрылъ мнѣ своего неудовольствія, что его лишаютъ средствъ мстить Французамъ.

Любопытство завело меня въ Тюльеріійскій дворецъ. При Наполеонѣ былъ онъ окруженъ пѣшими и конными часовыми его гвардіи, отличавшейся столько же воинскою осанкою, сколько и славою, пріобрѣтенною ею въ безчисленныхъ сраженіяхъ. Теперь около дворца не было никого, кромѣ толпы праздныхъ людей, гулявшихъ по саду и Карусельской площади, гдѣ Наполеонъ дважды въ мѣсяцъ собиралъ всѣ войска, стоявшія въ Парижѣ, и производилъ смотры въ присутствіи дипломатическаго корпуса и множества путешественниковъ, стекавшихся тогда въ Парижъ. Дни смотровъ бывали

обыкновенно назначаемы имъ для принятія иностранцевъ. Здѣсь увидѣлъ я въ первый разъ Наполеона. Видъ его, стоявшаго тогда, въ 1809-мъ году, на высшей ступени славы мірской, потрясъ глубину души моей. То было чувство удивленія, поселяемаго въ насъ, особенно въ молодости, созерцаніемъ необыкновеннаго явленія природы. Тогда Русскому можно было удивляться Наполеону: онъ еще не являлся лютымъ, неистовымъ врагомъ Россіи.

Въ передней залѣ дворца стоялъ караулъ. Три гвардейца, отроческихъ лѣтъ, вызвались быть моими вожатыми, но они не знали дороги въ огромномъ замкѣ, и едва мы вступили во вторую комнату, престарѣлый кавалеръ ордена Святаго Лудовика закричалъ: «Сюда не ходятъ!» Онъ даже не приподнялся со стула, когда я ему показалъ билетъ, съ означеніемъ, что я Полковникъ гвардіи Россійскаго Императора, то есть, Монарха, по милости Котораго дворецъ возвращенъ былъ законнымъ своимъ владѣтелямъ. На карнизахъ, дверяхъ и люстрахъ сіяли вензеля Наполеоновы; на стѣнахъ висѣли картины, изображающія его походы. Проводники мои не имѣли объ нихъ никакого понятія. Когда мы остановились подлѣ картины Эйлаускаго сраженія, они говорили съ увѣренностію, свойственною Французамъ,

что на ней изображена одна изъ битвъ Египетской войны. По дворцу ходили нѣсколько военныхъ, неопрятно одѣтыхъ; между ними я не встрѣтилъ ни одного степеннаго человѣка. Комнаты были не чисты, мебель стояла не на своихъ мѣстахъ, и все являло видъ какого-то неустройства и разрушенія.

ГЛАВА XIII.

Смотръ при Вертю 26 го Августа. — Второй смотръ. — Гвардейскій конно-егерскій полкъ. — Обѣдня въ лагерѣ. — Иностранцы, находившіеся въ Вертю. — Обѣденный столъ для Русскихъ. — Высочайшій приказъ.

Прежде возвращенія нашей арміи изъ Франціи въ Россію, Государю было угодно сдѣлать ей общій смотръ, за исключеніемъ корпуса Графа Ланжерона, расположеннаго около Французскихъ крѣпостей, еще несдавшихся Союзникамъ. Первоначально хотѣли произвести смотръ въ первыхъ числахъ Августа, подъ Феръ-Шампенуазомъ, на полѣ прошлогодней побѣды Александра, но потомъ отсрочили его на нѣсколько недѣль, желая дать время крестьянамъ убрать хлѣбъ съ полей, и вмѣсто Феръ-Шампенуаза, избрали въ Шампаньи, близъ города Вертю, между Эперне, Бріенномъ и Шалономъ, необозримую равнину,

посреди которой находится гора, называемая Монтеме. Пока армія собиралась у Вертю, въ главной квартирѣ Государя дѣлали чертежи расположенію и движеніямъ войскъ. Государь входилъ во всѣ подробности, касавшіяся до смотра; главныя распоряженія писаны Имъ собственноручно. Онъ хотѣлъ представить армію Свою передъ глаза и, такъ сказать, на судъ всей Европы. 25 Августа, Его Величество отправился изъ Парижа въ Вертю. На слѣдующій день, 26-го, былъ примѣрный смотръ, на которомъ никого, кромѣ Русскихъ, не находилось; 29-го былъ другой, въ присутствіи Союзныхъ Монарховъ и множества иностранцевъ, а 30-го церковный парадъ. Въ строю было 7 конныхъ и 11 пѣхотныхъ дивизій, 3 полка казаковъ, 2 роты піонеровъ и рота саперовъ, всего 150,554 человѣка, въ томъ числѣ 87 генераловъ, 433 штабъ-офицера и 3980 оберъ-офицеровъ; орудій было 540.

Августа 26-го, въ шесть часовъ утра, Государь поѣхалъ на гору Монтеме; передъ нею выстроена была армія слѣдующимъ образомъ: три пѣхотные корпуса стояли тремя линіями. Правымъ крыломъ начальствовалъ Дохтуровъ, лѣвымъ Раевскій, а центромъ Сакенъ. За ними находилась вторая драгунская дивизія, Барона Корфа, а позади ея стояли резервы:

БОЕВОЙ ПОРЯДОКЪ РОССІЙСКОЙ АРМІИ при ВЕРТЮ.

Главнокомандующій Генералъ Фельдмаршалъ Князь БАРКЛАЙ де ТОЛЛИ.

4. КОРПУСЪ. Ген. Раевскій.

3. Гусарская Див. Г. Л. Чаплицъ.

17. Див. Г. Л. Олсуфьевъ.

11. Див. Г. Л. Цеменевъ.

5. КОРПУСЪ. Ген. Сакенъ.

15. Див. Г. Л. Марковъ.

26. Див. Г. Л. Лиме.

12. Див. Г. Л. Гр. Воронцовъ.

3. КОРПУСЪ. Ген. Дохтуровъ.

24. Див. Г. Л. Ратъ.

7. Див. Г. Л. Капцевичъ.

2. Гусарская Див. Г. Л. Гр. Ламбертъ.

2. Драгунская Див. Г. Л. Бар. Корфъ.

3. РЕЗЕРВ. КАВАЛЕР. КОРП. Г. Л. Гр. Паленъ.

3. Кирасирская Дивизія. Г. Л. Дука.

3. Уланская Дивизія.

7. ПѢХОТ. КОРП. Г. Л. Сабанеевъ.

9. Див.

ГРЕНАД. КОРП. Г. Л. Ермоловъ.

3. Грен. Див.

27. Див.

2. Грен. Див. Г. Л. Паскевичъ.

2. РЕЗЕРВ. КАВАЛЕР. КОРП. Г. Барон. Винценгероде.

2. Кирасирская Дивизія. Г. Л. Кретовъ.

2. Уланская Дивизія.

К Запискамъ Генерала Михайловскаго-Данилевскаго.

гренадерскій корпусъ, Ермолова, пѣхотный, Сабанѣева, и два кавалерійскіе корпуса, Барона Винценгероде и Графа Палена. (*) Въ такомъ порядкѣ увидѣли мы армію, занимавшую пространство на нѣсколько верстъ, и благоговѣйно ожидавшую пріѣзда Государева. Ясное небо и лучи солнца, отражаемые оружіемъ, придавали зрѣлищу блескъ необыкновенный. Мы были столь поражены величественною картиною, разстилавшеюся передъ нами, что, когда въѣхали на Монтеме, и взглянули на армію, произошло невольное молчаніе: каждый гордился быть Русскимъ, исполнялся чувствомъ величія Россіи. Сигналы для команды дѣлаемы были, по распоряженіямъ Князя Волконскаго, пушечными выстрѣлами изъ орудія, стоявшаго на Монтеме. Первый выстрѣлъ возвѣстилъ прибытіе Государя. Войска взяли ружье на плечо. По второму сигналу сдѣлали на караулъ; ревущее ура! раздалось въ рядахъ, заиграла музыка, загремѣли барабаны и трубы. По третьему выстрѣлу взяли на плечо, и построились въ батальонныя колонны, а по четвертому вся армія начала строить каре. Три стороны его состояли изъ пѣхоты, четвертая изъ конницы; передъ одною пѣхотною линіею стояли десять ротъ конной

(*) Смотри боевой порядокъ въ приложенной таблицѣ.

артиллеріи. Государь спустился съ горы, при радостныхъ кликахъ объѣхалъ каре, и остановился въ срединѣ. Армія проходила церемоніяльнымъ маршемъ мимо Его Величества: въ головѣ были гренадеры, за ними слѣдовала линейная пѣхота, потомъ конница и конная резервная артиллерія. Пѣхота проходила слѣдующимъ образомъ: оба батальона каждаго полка, построенные въ густую взводную колонну, шли одинъ возлѣ другаго, на взводное разстояніе; за каждою бригадою слѣдовала принадлежащая къ ней артиллерія, также въ одну линію. Послѣ церемоніяльнаго марша, Государь возвратился на Монтеме, войска стали въ первоначальный боевой порядокъ, и по пушечному выстрѣлу сдѣлали на караулъ. Снова загремѣла музыка и барабаны, снова ура! потрясло воздухъ.

До сихъ поръ не бывало на смотру столь великаго числа войскъ, и гдѣ происходилъ смотръ? за нѣсколько тысячь верстъ отъ отечества, въ странѣ, еще недавно почитавшейся непобѣдимою! Даже въ знаменитомъ Булонскомъ лагерѣ, когда въ 1804-мъ году Наполеонъ приготовлялъ высадку въ Англію, находилось подъ ружьемъ только 114,000 человѣкъ, (*) слѣдственно, 36,000-ми менѣе, нежели Русскихъ

(*) Dumas, Précis des événemens militaires. T. XII. p. 33.

при Вертю. Невозможно видѣть арміи, достигшей до блистательнѣйшаго состоянія, во всѣхъ частяхъ ея, и исполненной болѣе воинскимъ духомъ. Полки были доведены до такого совершенства, что они всѣ казались равными; ни одинъ не уступалъ другому. Русскіе офицеры почти избалованы точностію, съ какою исполняются у насъ движенія войскъ, но построенія, производившіяся въ тотъ день, превзошли наши чаянія. Нѣкоторымъ пѣхотнымъ полкамъ надлежало при образованіи карея проходить три съ половиною версты; конная артиллерія неслась по сему пространству во весь опоръ: порядокъ, соблюдаемый войскомъ при быстромъ слѣдованіи къ назначеннымъ ему мѣстамъ, доказывалъ, что всѣ и каждый знаютъ свое дѣло. Углы карея составлялись въ одно время, какъ на батальонномъ ученіи. Болѣе 107,000 человѣкъ пѣхоты проходили церемоніяльнымъ маршемъ, и ни одинъ не сбился съ ноги. Самоувѣренность была написана на лицахъ воиновъ; изъ устъ ихъ, кажется, вырывались слова: «Кто «противъ насъ?» Восхищенный смотромъ, Государь сказалъ: «Моя армія первая въ свѣтѣ: для нея нѣтъ «ничего невозможнаго; и по самому наружному ея «виду никакія войска не могутъ сравниться съ нею!»

При всемъ великолѣпномъ зрѣлищѣ, разстилавшемся

передъ нашими глазами, многіе изъ насъ вспоминали неоднократно въ теченіе сего утра о Бородинскомъ сраженіи, которому въ первый день смотра при Вертю минуло ровно три года. Въ то время села и города пылали отъ Нѣмана до береговъ Москвы рѣки, и на огромномъ пространствѣ нашего Отечества текла кровь Русскихъ. Противъ неслыханнаго ополченія враговъ, предводимаго генералами, образованными въ побѣдоносныхъ станахъ, сто пятнадцать тысячь нашихъ воиновъ заслоняли Вѣру, Престолъ, честь, гробы родителей, законы, славу и независимость, пріятыя отъ предковъ. Ни одно сраженіе новѣйшихъ временъ не можетъ сравниться съ Бородинскою битвою, даже Лейпцигское, гдѣ Наполеонъ искалъ не лавровъ, но спасенія, и только помышлялъ, какъ съ честію перейдти обратно за Рейнъ; подъ Лейпцигомъ, онъ былъ слабѣе въ силахъ, нежели его противники, и оставленный своими союзниками, не имѣлъ своихъ старыхъ, непобѣдимыхъ полчищъ, яростно сражавшихся въ Бородинѣ: соратники прежнихъ его походовъ уже были истреблены въ нашемъ Отечествѣ, кости ихъ сожжены на кострахъ, и пепелъ ихъ разнесенъ вѣтрами далеко по землѣ Русской. При Бородинѣ была битва народовъ, битва Русская съ Европою. Еслибы грудь

Русскихъ была менѣе тверда, и мудрость Кутузова менѣе испытанна, дерзкій иностранецъ, взирая съ Кремлевскихъ стѣнъ на плѣненную столицу, сказалъ бы: «Славна была Держава Петра, Екатерины и «Александра, но она сокрушилась подъ ударами «соединенной Европы!» Пробѣгая взорами собранную при Вертю армію, не находили мы посреди ея многихъ, являвшихся въ Бородинѣ оплотомъ Россіи. Не было Кутузова, отрады нашей въ Двѣнадцатомъ году, не было Багратіона, любимца побѣды, Тучковыхъ, Кутайсова, Монахтина, и десятковъ тысячь ихъ сподвижниковъ. Конечно, въ тотъ день, когда мы торжествовали въ Вертю, въ день тризны Бородинской, родители, братья и сестры, невѣсты и друзья падшихъ на берегахъ Колочи, возсылали моленія къ Небу объ успокоеніи душъ ихъ. Утѣшьтесь! Да слава Отечества, до высшей степени Александромъ вознесенная, исполнитъ ваши сердца увѣреніемъ, что месть постигла враговъ, въ горестное для Россіи время отъявшихъ жизнь родныхъ вашихъ и любезныхъ. Въ возмездіе врагамъ, на ихъ собственныхъ поляхъ празднуемъ мы славу Россіи и попираемъ ихъ нивы, знамена Александра развѣваются на равнинахъ Шампаньи, и эхо горъ непріятельскихъ вторитъ побѣдоносное, радостное Русское ура!

Въ слѣдующіе два дня, городокъ Вертю наполнился любопытными изъ всѣхъ состояній и военными въ мундирахъ всѣхъ Европейскихъ Державъ. Изъ Парижа пріѣхало много купцовъ съ товарами разнаго рода, и наши маркитанты открыли свои подвижныя лавки посреди лагеря, гдѣ день и ночь все кипѣло величайшею дѣятельностью. Каждый начальникъ отдѣльной части войскъ соревновалъ превзойдти своихъ товарищей. 29-го Августа, смотръ происходилъ въ такомъ же порядкѣ, какъ 26-го числа, съ тою разницею, что при немъ присутствовало множество иностранцевъ, прибывшихъ изъ Парижа, Голландіи, Лондона и другихъ мѣстъ. Въ числѣ зрителей находились строгіе наблюдатели, желавшіе лично удостовѣриться въ состояніи нашей арміи, привыкнувъ съ давняго времени, по какому-то непонятному предубѣжденію противъ Россіи, почитать силы ея преувеличенными. Съ самаго утра Государь находился на горѣ Монтеме. У подошвы ея выстраивалась армія, а съ вершины горы видно было вдали поле Феръ-Шампенуазскаго сраженія — неувядаемый листокъ въ побѣдномъ вѣнцѣ Императора Александра. Вскорѣ армія кончила построеніе и начали пріѣзжать иностранцы. Завидя Короля Прусскаго, Государь обнажилъ шпагу, поѣхалъ къ нему

на встрѣчу, вручилъ ему строевой рапортъ, а потомъ отдалъ ту же самую почесть Императору Францу. Начальникъ Главнаго Штаба Его Величества, Князь Волконскій, представилъ строевые рапорты Фельдмаршаламъ Веллингтону, Князю Шварценбергу и Князю Вреде. Во время церемоніяльнаго марша, Государь лично предводительствовалъ арміею, и салютовалъ Союзныхъ Монарховъ; Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ велъ бригаду гренадеровъ, а Великій Князь Михаилъ Павловичъ командовалъ пятью ротами конной артиллеріи. Когда Монархи и особы, сопровождавшія ихъ, возвратились послѣ церемоніяльнаго марша на Монтеме, и войска стали въ прежній боевой порядокъ, загремѣлъ пушечный и ружейный огонь, продолжавшійся двадцать минутъ. Воздухъ темнѣлъ отъ пороховаго дыма, и за нимъ мало по малу армія исчезала и наконецъ совершенно скрылась отъ глазъ. Съ изумленіемъ смотрѣли иностранцы на густые ряды войскъ, проходившіе мимо нихъ въ неимовѣрномъ устройствѣ. Я часто подъѣзжалъ къ иностранцамъ и вслушивался въ разговоры ихъ, не примѣченный ими. Единогласно говорили они, что они съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ. Веллингтонъ сказалъ: «Я никог-«да не воображалъ возможности довести армію до

«столь великаго совершенства!» Онъ такъ внимательно считалъ число войскъ, что послѣ смотра замѣтилъ недостававшій въ одномъ конномъ полку эскадронъ; также признался онъ, что, видя въ Парижѣ наши третью гренадерскую и вторую кирасирскую дивизіи, онъ полагалъ, будто люди для нихъ были выбраны изъ всей арміи, и другія войска не могли съ ними равняться. Велико было его удивленіе, когда онъ убѣдился, что ни одна пѣхотная дивизія не уступала гренадерамъ! Адмиралъ Сиръ Сидней Смитъ, съ обыкновеннымъ ему чистосердечіемъ объявилъ, что смотромъ при Вертю подаетъ Императоръ Александръ великій урокъ другимъ народамъ.

Къ сожалѣнію, при смотрѣ не находилось гвардіи, по наружному виду ея и по храбрости, оказанной ею въ сраженіяхъ, занимающей первое мѣсто между всѣми войсками въ Европѣ. Въ составѣ ея есть между прочимъ полкъ, а именно конно-егерскій, формированный въ 1814-мъ году въ Версали. Не принадлежитъ ли къ числу дивныхъ происшествій нашего необыкновеннаго вѣка, что колыбелью для Русскаго полка послужило знаменитое мѣстопребываніе Французскихъ Королей, украшенное Мансаромъ, Ленотромъ, Пюжетомъ, Лебрюномъ, воспѣтое Буало и

Расиномъ, гдѣ соединены были самыя изящныя произведенія новѣйшихъ временъ и вѣковъ Перикла и Августа, гдѣ гремѣлъ Боссюэтъ, и сосредоточивалось великолѣпіе Людовика XIV-го? Мерсье, въ своей картинѣ Парижа, перенесясь мысленно въ будущность, и изображая запустѣніе, которому Версаль нѣкогда подвергнется, какъ прозрачные пруды превратятся въ болота, статуи покроются мохомъ, вѣковыя аллеи порастутъ репейникомъ; и вѣтеръ будетъ свистѣть въ разбитыя окна замка, осѣненнаго кипарисомъ, любимцемъ гробовъ,—самъ Мерсье, въ мрачномъ воображеніи своемъ, не могъ себѣ представить, что въ Версали будутъ формироваться гвардейскіе конные егеря Россійскаго Императора!

Въ день Александра Невскаго, солнце при самомъ восхожденіи обѣщало благопріятнѣйшую погоду. Посреди прелестной долины, окруженной цѣпью невысокихъ горъ, приготовили, по числу корпусовъ, семь палатокъ для Богослуженія; передъ каждымъ шатромъ стоялъ корпусъ, конница безъ лошадей, пѣхота безъ ружей. Государь прибылъ къ гренадерамъ въ восьмомъ часу утра, когда туманъ покрывалъ горизонтъ; туманъ скоро разсѣялся, и представилось зрѣлище, небывалое въ свѣтѣ. Сто пятьдесятъ тысячь побѣдоносныхъ воиновъ, говорящихъ однимъ языкомъ,

исповѣдующихъ одну Вѣру, пришли изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ Европы въ нѣдра Франціи, и ожидаютъ въ безмолвіи не призыва къ кровопролитному бою, но гласа молящихся пастырей, чтобы излить сердце свое предъ Всевышнимъ. Началась служба. Благоговѣйные звуки священныхъ пѣсней повторялись отголосками; воинство преклонило колѣна, и своимъ смиреніемъ доказало, что оно столь же благочестиво предъ Создателемъ, сколь ужасно въ битвахъ, и грозно врагамъ Россіи.

Во все время пребыванія нашего въ Вертю, были у Государя обѣденные столы въ саду. Палатки, украшенныя гирландами и разноцвѣтными огнями, нарочно были устроены славнымъ архитекторомъ Фонтенемъ. Странная игра судьбы! Наполеонъ особенно любилъ Фонтена, поручалъ ему сооруженіе памятниковъ, долженствовавшихъ увѣковѣчить царствованіе его, и тому же самому архитектору суждено было строить шатры, гдѣ Императоръ Александръ угощалъ восторжествовавшихъ надъ Наполеономъ Монарховъ и воиновъ! Фонтенъ сказывалъ мнѣ, что Наполеонъ прельстился видомъ Москвы. «Сколько «колоколенъ въ Парижѣ?» спросилъ онъ у Фонтена. — «Немного болѣе десяти,» отвѣчалъ архитекторъ. — «Что это противъ Москвы?» возразилъ

Наполеонъ, «тамъ ихъ сотни; велите вызолотить ку-«полъ Инвалидной церкви.» Приказаніе было исполнено. Завоеватель не воображалъ, что доколѣ не исчезнетъ позолота купола Инвалидной церкви, будетъ она каждому Русскому, заведенному любопытствомъ или другимъ случаемъ въ Парижъ, напоминать Двѣнадцатый годъ!

Въ первый день приглашены были къ обѣденному столу иностранцы. Именитѣйшіе изъ нихъ были слѣдующіе: *Австрійцы:* Императоръ Францъ, Наслѣдный Принцъ, Эрцгерцоги: Лудовикъ, Максимиліанъ и Фердинандъ, Фельдмаршалъ Князь Шварценбергъ, Генералы Дука, Графъ Радецкій, Лангенау, Князь Лихтенштейнъ, Графъ Вальмоденъ, Графъ Гардекъ, Графъ Сенъ-Жюльенъ, Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Врбна и Оберъ-Шталмейстеръ Графъ Траутмансдорфъ. *Пруссаки:* Король, Наслѣдный Принцъ, Принцъ Вильгельмъ, Генералы Графъ Тауэнцинъ, Гнейзенау, Кнезебекъ, Цитенъ, Лотумъ, Шеллеръ, Пирхъ, Вольцогенъ и Военный Министръ Бойенъ. *Англичане:* Веллингтонъ, Лорды Каткартъ и Стуартъ, Генералы Гиль, Коле, Колейль, Мурай, Кемптъ, Майтландъ, Оллашанъ, Пактъ и Адмиралъ Сиръ Сидней Смитъ. *Баварцы:* Принцъ Карлъ, Фельдмаршалъ Князь Вреде, Генералы Бекерсъ, Сейдвицъ,

Майлотъ, и Паппенгеймъ. *Виртембергскій* Наслѣдный Принцъ; *Оранскій* Принцъ и при немъ Генералъ Фагель; Принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій; *Баденскій* Генералъ Стокгорнъ; *Шведскій* Посланникъ Графъ Левенгельмъ; Герцогъ *Кобургскій* и братъ его Принцъ Леопольдъ; Принцъ *Гессенъ-Гомбургскій*; *Французы:* Дюкъ де-Ришелье, Баронъ Дамасъ и многіе другіе.

Когда бывшіе въ Вертю иностранцы разъѣхались, Государь выбиралъ изъ арміи людей въ гвардію и гренадеры, провелъ весь день на полѣ, былъ отмѣнно веселъ, подъѣзжалъ къ каждому полку, привѣтствовалъ ихъ и удостоилъ многихъ наградами. Графъ Барклай де-Толли былъ возведенъ въ Княжеское достоинство. Онъ начиналъ уже чувствовать ослабленіе силъ, изнуренныхъ ранами и трудами, и передъ походомъ 1815-го года желалъ на нѣкоторое время удалиться отъ дѣлъ для отдохновенія. Государь соизволилъ на его прозьбу, но писалъ ему, что «армія никогда и ни въ какое время не должна «выходить изъ-подъ его начальства.» Движеніе войскъ изъ Царства Польскаго во Францію воспрепятствовало его отпуску. Въ тотъ же день приглашены были къ обѣденному столу Государя всѣ наши генералы, командиры полковъ и артиллерійскихъ

ротъ и корпусные оберъ-квартирмейстеры. За столомъ находилось слишкомъ триста особъ. Не легко найдти собраніе, составленное изъ людей, стяжавшихъ болѣе славы. Здѣсь отражались могущество и слава Россіи, которыхъ офицеры сіи были достойными представителями. Бурные послѣдніе годы соединяли ихъ вмѣстѣ; какъ братья, дѣлили они между собою труды и побѣды, презирали голодъ и непогоды, проходили горы, рѣки и Царства, гдѣ предки ихъ никогда не бывали съ оружіемъ въ рукахъ, и по совершеніи великаго подвига, готовились къ возвращенію въ отечество. Передъ столомъ и послѣ обѣда, Государь подходилъ почти къ каждому изъ нихъ, и называя ихъ Своими *сослуживцами*, благодарилъ ихъ отъ искренняго сердца, и въ выраженіяхъ, для каждаго незабвенныхъ. Всѣ были глубоко тронуты Монаршимъ вниманіемъ, у иныхъ сверкали на глазахъ слезы.

Желая сохранить память смотра при Вертю, Государь велѣлъ пригласить туда изъ Парижа живописца Пажетти, извѣстнаго двумя написанными имъ картинами: одна изображаетъ переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ, другая молебствіе Императора Александра въ Парижѣ, въ 1814-мъ году, на площади Людовика XV-го. Въ Вертю, Пажетти сдѣлалъ

шесть рисунковъ, представя на одномъ молебствіе, на трехъ смотры, и на двухъ обѣды. Такимъ образомъ кисти Пажетти суждено было начертать начало великой войны и окончаніе ея, совершившееся на поляхъ Шампаньи. Счастливъ писатель, кому удастся передать потомству происшествія сихъ трехъ лѣтъ, съ безпристрастіемъ и краснорѣчіемъ историка!

При окончаніи смотра при Вертю, отданъ былъ слѣдующій, Высочайшій приказъ войскамъ:

«Измѣна и коварные замыслы врага всеобщаго «покоя, привели васъ, храбрые воины, опять на тѣ «поля, гдѣ не съ большимъ годъ одержали вы побѣ«ду надъ непріятелемъ, и по пятамъ его проложили «себѣ путь къ Парижу. Благодареніе Всевышнему, «храбрость ваша, всему свѣту извѣстная, не имѣла «новаго испытанія; ибо мѣры, предпринятыя Союз«ными Державами вообще, противопоставили оплотъ «дерзости Наполеона Бонапарте прежде, нежели воз«надобилась помощь ваша на полѣ битвы, и самъ «онъ, наконецъ, достался въ плѣнъ. По тѣмъ неме«нѣе, быстрымъ переходомъ отъ Днѣпра и Двины «къ Сенѣ, вы показали, что спокойствіе Европы не «есть чуждое для Россіи дѣло, и что не взирая ни «на какое разстояніе, вы, по гласу Отечества и Ца«ря, вездѣ, гдѣ должно поборать правдѣ. Отпуская

«теперь васъ въ любезное отечество, пріятно Мнѣ «изъявить вамъ, *сослуживцамъ* Моимъ, благодарность «за усердіе ваше и за ту исправность, какую нашелъ «Я при осмотрѣ рядовъ вашихъ на поляхъ Шам- «паньи. Смотръ сей, гдѣ, въ глазахъ Союзныхъ Го- «сударей и Полководцевъ ихъ, оспоривали другъ «друга полки и артиллерія въ устройствѣ, движені- «яхъ и исправности одежды и аммуниціи, останется «навсегда памятникомъ вашимъ. Благодарю также «васъ за сохраненіе строгой дисциплины и за доброе «поведеніе въ иностранныхъ земляхъ, которому от- «даютъ справедливость сами обыватели. Главнокоман- «дующему арміею, Генералъ-Фельдмаршалу Князю «Барклаю де-Толли, за таковое устройство предво- «дительствуемыхъ имъ войскъ, объявляю особенное «благоволеніе Мое, равно корпуснымъ командирамъ, «Дохтурову, Сакену, Раевскому, Винценгероде, Са- «банееву, Ермолову и Графу Палену, Начальнику «Главнаго Штаба арміи Дибичу, Начальнику артил- «леріи Князю Яшвилю, всѣмъ Гг. Генераламъ, диви- «зіоннымъ, бригаднымъ и состоящимъ при дивизіон- «ныхъ начальникахъ, полковымъ и ротнымъ коман- «дирамъ, всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ и ниж- «нимъ чинамъ. Да сопутствуетъ вамъ благословеніе «Превѣчнаго на возвратномъ шествіи вашемъ. Мощная

«десница Его, сохранивъ васъ отъ золъ, войною «наносимыхъ, указуетъ вамъ нынѣ путь въ нѣдра «семейственныя. Возчувствуйте благость Его къ се«бѣ, помня безпрестанно святый законъ Его, и что «милосердіе Божіе вездѣ намъ было помощію, ибо «всегда возлагали все упованіе наше на Него.»

ГЛАВА XIV.

Возвращеніе изъ Вертю въ Парижъ.—Письма Французовъ.—Покупка Мальмезонской галлереи.—Страсть Французовъ къ орденамъ.—Аудіенціи.—Образъ жизни Государя.—Священный Союзъ.—Параллель между Александромъ и Наполеономъ.

31-го Августа, вечеромъ, мы выѣхали изъ Вертю. Мѣсяцъ серебрилъ берега Марны. Ночь была прекрасная; въ моихъ глазахъ довершало ея прелесть множество Русскихъ колясокъ, обгонявшихъ одна другую, и ѣхавшихъ по Франціи съ Русскихъ маневровъ. На другое утро мы возвратились въ Парижъ, гдѣ прожили еще двѣ недѣли, проведенныя Государемъ въ дипломатическихъ переговорахъ и приготовленіяхъ къ возвращенію Союзныхъ армій изъ Франціи. Между тѣмъ Французы всѣхъ сословій, почитая Государя своимъ покровителемъ, обременяли

Его множествомъ писемъ; число ихъ простиралось ежедневно до сорока, и ни одно, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, не оставалось безъ отвѣта. Письма получались изъ провинцій, по большею частію по городовой Парижской почтѣ, и были приносимы ко мнѣ. Накопившіяся въ теченіе дня, я отдавалъ въ восемь часовъ вечера камердинеру Государя. На другое утро получалъ я ихъ обратно отъ Князя Волконскаго, и почти на каждомъ, сколько содержаніе ни бывало маловажно, находилось собственноручное Государево краткое рѣшеніе, которое заранѣе можно было угадывать, потому что въ отвѣтахъ Своихъ Императоръ придерживался нѣкоторыхъ постоянныхъ правилъ. Такимъ образомъ всѣмъ, желавшимъ вступить въ нашу службу, отказывали, подъ предлогомъ, что у насъ достаточно Русскихъ офицеровъ, и не принято къ намъ ни одного Француза. Въ числѣ просившихся находился капитанъ Шамбюръ, извѣстный во время осады Данцига удальствомъ своимъ, прекрасно изображеннымъ въ Рославлевѣ, Загоскина. Тѣмъ, кто просили сообщить имъ свѣдѣнія о родственникахъ ихъ, находившихся съ Наполеономъ въ походѣ 1812-го года, и не подававшихъ съ того времени никакихъ о себѣ извѣстій, отвѣчали, что всѣ плѣнные возвращены,

и въ Россіи остались только желавшіе добровольно у насъ поселиться. Требовавшимъ помощи, посылали денежное вспоможеніе, но не прежде, какъ по надлежащемъ удостовѣреніи въ недостаточномъ ихъ состояніи. Многіе подносили картины, статуи, медали, древности, оружіе. Государь не принималъ приношеній, и приказывалъ возвращать ихъ при благодарственныхъ письмахъ. Прозаическія и стихотворныя сочиненія, писанныя въ честь Его Величества, оставляемы были безъ вниманія; но каждый разъ, когда дѣло шло о машинѣ или изобрѣтеніи, которыя съ пользою могли быть употреблены въ Россіи, посылали ихъ осматривать, и ежели находили достойными вниманія, приносили машины, модели или проэкты въ комнаты Императора. Посвященія книгъ, Его Величество не принималъ безъ предварительнаго совѣщанія съ Лагарпомъ, къ которому подносимыя рукописи отправлялись на разсмотрѣніе. Лагарпъ былъ весьма разборчивъ въ сужденіяхъ своихъ и обыкновенно совѣтовалъ разрѣшать посвященія только на книги, печатаемыя вторымъ изданіемъ. Въ то время, по волѣ Государя, была куплена для Эрмитажа Мальмезонская галлерея, состоящая изъ 38-ми картинъ и 4-хъ мраморныхъ статуй. Четыре ландшафта Клодъ-Лорена были оцѣнены въ 250,000,

Рембрандтово Снятіе со креста въ 40,000, а Поттерова знаменитая *коровка*, въ 200,000 франковъ. За всю галлерею заплатили 900,000 франковъ, большею частію взятыхъ изъ взнесенной Франціею контрибуціи.

Изъ числа великаго множества писемъ къ Государю, помѣщаю слѣдующее остроумнаго писателя Жанъ-Поля Рихтера: «Въ наше великое время, когда Ваше Величество приняли на Себя посредничество между Державами Европы, подобно тому, «какъ прежде Вы были спасителемъ ея, и когда Вы «изъ Ангела-хранителя побѣды сдѣлались Ангеломъ-«хранителемъ мира, является передъ Престолъ Вашъ «самое маловажное дѣло. Но, какъ для разума ни-«что не велико, такъ для благости ничто не мало. «Болѣе двадцати пяти лѣтъ посвятилъ я Музамъ и «древностямъ. Бывшій Великій Герцогъ Франкфурт-«скій положилъ мнѣ тысячу гульденовъ пенсіи, вспо-«моществуя убогорожденному, котораго тѣло живетъ «только духомъ его, но, по занятіи Франкфурта Со-«юзными войсками, временное правительство отказы-«ваетъ мнѣ въ выдачѣ пенсіи впредь до разрѣшенія. «Неужели Высокіе Союзники, сражавшіеся за свобо-«ду и просвѣщеніе Германіи, откажутъ въ пособіи «литератору, защищавшему перомъ Европейскую сво-«боду, въ такое время, когда личная безопасность

«его была во власти какого нибудь Даву? Обраща-«юсь къ сердцу Александра, ибо въ вѣкъ эгоизма «благодѣтельное Провидѣніе возвело на высочайшій «Престолъ въ мірѣ олицетворенное человѣколюбіе. «Обращаюсь къ Его разуму, покровительствующему «просвѣщеніе. Вамъ не нужно распространять Ва-«шей Имперіи, но Вы увеличите огромное, безпре-«дѣльное царство наукъ, и Сѣверу, имѣющему по «географическому положенію самые долгіе дни, да-«руете и умственно должайшіе. Да проститъ мнѣ «Монархъ, Чей скипетръ подобенъ магниту, притя-«гивающему къ себѣ любовію, смѣлость упованій, «возлагаемыхъ на Него частными лицами и народа-«ми. Наслаждайтесь долго, Государь, единственною «прочною всемірною Монархіею—всемірною Монар-«хіею любви, основанною Вами на обломкахъ Мо-«нархіи зла и ненависти. Пусть радость, взирая на «Васъ, много лѣтъ проливаетъ слезы, а скорбь о по-«терѣ Вашей пусть долго, долго не опечалитъ «человѣчества.» (*)

(*) Mitten in der erhabenen Zeit, da Ew. Kaiserliche Majestat der Schiedsrichter Europa's sind, wie vorher der Befreyer derselben, und Sie aus dem Schutzgeiste des Sieges der Schutzgeist des Friedens werden, tritt eine kleine Angelenheit vor Ihren Thron. Doch wie

Французы, не менѣе прочихъ иностранцевъ, оказывали пристрастія къ нашимъ орденамъ. Почти dem Geiste nichts zu gross, so ist der Güte nichts zu klein. Uber fünf und zwanzig Jahre hatte ich für die Musen und die Philologie gearbeitet, als mir ein einziger deutscher Fürst, der vormalige Grossherzog von Frankfurt, im Jahre 1808, eine jährliche Pension von tausend Gulden beiwilligte, um den Armgeborenen zu unterstüzen, dessen Körper bloss von seinem Geiste lebt. Nach der siegreichen Besetzung des Grossherzogthums wurde mir von 1814 die Fortsetzung der Pension vom Generalgouvernement verweigert bis auf höhere Entscheidung. Werden die hohen Verbündeten, welche für deutsche Freiheit und deutsche Wissenschaft zugleich gekämpft, die fürstliche Unterstützung eines Schriftstellers zurüknehmen gebieten, welcher zu einer Zeit für Europäische Freiheit geschrieben, wo er seine eigene einem Davoust blos stellte? Ich wende mich hier an das Herz Alexanders, da die wohlwollende Vorsehung gerade im Jahrhunderte des Egoismus die Menschenliebe auf den höchsten Thron Europa's gesezt. Ich wende mich hier an seinen Geist, der Geister beschützt, und welcher, da er kein anderes grosses Reich mehr vergrössern hat, als das grösste, grenzenlose, das der Wissenschaften, dem Norden auch

каждый день приходили просительныя объ орденахъ письма. Изъ слѣдующихъ примѣровъ можно усмотрѣть, до какой степени простиралось сумасбродство Французовъ. Одинъ просилъ креста за службу дяди своего въ Россіи. Ему отвѣчали, что у насъ награждаютъ только тѣхъ, кто самъ отличится, а не племянниковъ ихъ. Другой просилъ медали, установленной въ память 1812-го года, третій ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Графиня Пюже де-Бурбонъ домогалась ордена Св. Анны, за то, что она знатнаго происхожденія и много пострадала отъ революціи. Генералъ Груши просилъ Государя ходатайствовать у Лудовика XVIII объ утвержденіи его въ чинѣ Маршала, пожалованнаго ему Наполеономъ послѣ бѣгства съ острова Эльбы. Забавнѣе другихъ было

geistlängste Tage zu den geographischen geben will. Möge der Herscher, dessen Zepter dem Magnete ähnlich ist, welcher zugleich liebend anzieht und lehrend die Gegenden des Himmels zeigt, die Kühnheit der Hoffnungen verzeihen, zu welchen Er Individuen wie Länder erhebt. Geniessen, Ew. Majestät, lange die einzige dauerhafte Universalmonarchie, die der Liebe, nach dem Sie die hassende und gehasste gestürtzt, und lange weine die Freude vor Ihnen, und erst spät die Trauer um Sie.

письмо одного Французскаго генерала. Пространно излагая свою службу, онъ описывалъ подвиги свои въ войнахъ Наполеона съ Россіею, говорилъ, что сражался противъ насъ храбро, и потому полагалъ имѣть несомнѣнное право на полученіе Русскаго ордена. Государь велѣлъ ему отвѣчать, что у насъ до сихъ поръ учреждены знаки отличія только для тѣхъ, кто сражается за Россію, но когда будетъ установленъ орденъ для военныхъ, служащихъ въ непріятельскихъ рядахъ, непремѣнно наградятъ имъ сего Генерала. Отвергая неумѣстныя прозьбы, Государь награждалъ истинное достоинство орденами и подарками. Между прочими удостоились щедротъ его знаменитый естествоиспытатель Кювье, агрономъ Фелленбергъ, Песталоцци, Итальянскій переводчикъ Карамзина, Четти, политическіе писатели Бентамъ и Іекель, Фридрихъ Шлегель, Каровъ, Вольфратъ, оріенталистъ Гаммеръ, архитекторы Фонтенъ и Персье, живописцы Жераръ и Изабе, и другіе писатели и художники, стяжавшіе произведеніями своими извѣстность въ просвѣщенномъ мірѣ.

Многіе Французы просили аудіенцій у Государя, и были допускаемы, но не иначе, какъ послѣ предварительныхъ объ нихъ справокъ. Въ числѣ ихъ находился генералъ, произведенный въ послѣдствіи

въ маршалы, и извѣстный за ревностнаго почитателя Наполеона. Пріѣхавъ въ назначенный часъ во дворецъ, онъ просилъ отрывистымъ голосомъ, чтобы объ немъ доложили, а между тѣмъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, не глядя ни на кого. Вскорѣ позвали его къ Государю. Онъ пробылъ въ кабинетѣ Императора съ полчаса, и вышелъ оттуда уже не съ прежнимъ свирѣпымъ видомъ, но со слезами на глазахъ, взялъ за руку дежурнаго Флигель-Адъютанта, Князя Никиту Волконскаго, и сказалъ: «Votre Empereur est un sorcier!» Греческое духовенство было и въ Парижѣ особенно покровительствуемо Государемъ. Архимандриту, по имени Исахарію, выдававшему себя за потомка древнихъ Царей Израильскихъ, пожаловано было 1,200 франковъ пожизненой пенсіи и Владимірскій крестъ; Архимандриту Арсенію и другимъ сдѣлано денежное награжденіе. Вообще ни одинъ изъ духовныхъ православнаго исповѣданія не выходилъ изъ кабинета Императора, не получивъ наградъ отъ щедротъ Его.

Во время пребыванія Своего въ Парижѣ, въ 1815-мъ году, Государь жилъ уединенно. Онъ вставалъ обыкновенно въ восьмомъ часу, и отдавъ приказанія Начальнику Своего Главнаго Штаба, Князю Волконскому, уходилъ въ садъ, гдѣ проводилъ все утро, и

сиживалъ иногда за письменнымъ столомъ часовъ по пяти, что я изъ окна моей комнаты видалъ ежедневно. Онъ обѣдалъ въ два часа, большею частію съ Великими Князьями и Генералами Уваровымъ, Коновницынымъ, Княземъ Волконскимъ и другими, приглашаемыми поочередно. Въ шесть часовъ подводили къ заднему крыльцу лошадь, и Онъ ѣзжалъ верхомъ по окрестностямъ Парижа, во фракѣ, сопровождаемый жокеемъ. По возвращеніи съ прогулокъ, Онъ проводилъ вечера одинъ, или у Баронессы Криднеръ, жившей близъ Элизе-Бурбонъ. Въ прошедшемъ году Государь посѣщалъ Императрицу Іозефину, дочь ея Гортензію, Талейрана, Маршаловъ Нея, Мармона, Ожеро и другихъ, но въ 1815-мъ году почти ни къ кому не ѣздилъ, кромѣ Императора Франца, Короля Прусскаго, Людовика XVIII-го и Веллингтона. Любовь къ уединенію становилась примѣтно отличительною чертою Его характера. Находясь на самой возвышенной чредѣ, на какую смертному когда либо предоставлено было взойдти, совершивъ величайшій подвигъ въ свѣтѣ, избавленіемъ Европы отъ военнаго деспотизма и всемірнаго преобладанія, содѣлавшись земнымъ Провидѣніемъ современниковъ, Онъ чувствовалъ необходимость чаще быть съ Самимъ Собою, и полюбилъ уединеніе, представляющее обильный,

неисчерпаемый источникъ душевныхъ силъ и новыхъ соображеній. Часто посѣщалъ Онъ комнаты, гдѣ Наполеонъ провелъ послѣдніе дни владычества своего и отрекся отъ престола. Никто не занималъ комнатъ его; мебели находились на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и при немъ; въ кабинетѣ его стояли недогорѣлыя свѣчи; ни къ чему не велѣно было прикасаться. Бывшіе въ Элизе-Бурбонъ Наполеоновы садовники, привратники и служители не лишились при Государѣ мѣстъ своихъ; садъ сохранялся въ прежнемъ видѣ; по чистому пруду его плавали два лебедя, любимые Наполеономъ; Государь кормилъ ихъ изъ Своихъ рукъ. Казалось, ничто не перемѣнилось въ Элизе-Бурбонъ: только мѣсто завоевателя, посягнувшаго на святость законныхъ престоловъ, на просвѣщеніе, на свободу торговли и промышленности, заступилъ Тотъ, Кто, исполненный любви къ Богу и людямъ, возвращалъ Монархамъ и ихъ подданнымъ миръ и благоденствіе. Нельзя было ходить по дворцу Элизе-Бурбонъ и темнымъ аллеямъ его сада, не дѣлая сравненія между Александромъ и Наполеономъ; до позднѣйшихъ вѣковъ люди будутъ стекаться сюда, размышлять о превратности Царствъ, и вспоминать объ Александрѣ, какъ Онъ, здѣсь, въ чертогахъ Своего соперника, стоя на высшей

степени земнаго величія, жилъ въ глубокой тишинѣ, возносясь мыслію къ Небу.

Въ то время Государь начерталъ Священный Союзъ, основанный на ученіи Вѣры, «повелѣвающей жить «людямъ, какъ братіямъ, на заповѣдяхъ любви, «правды и мира, которыя, отнюдь не ограничиваясь «приложеніемъ ихъ единственно къ частной жизни, «долженствуютъ напротивъ того непосредственно «управлять волею Царей и водительствовать всѣми ихъ «дѣяніями, яко единственное средство, утверждающее «человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ «несовершенство.» Всѣ Державы, кромѣ Англіи, Папы и Порты, приступили къ договору. До конца жизни Александра былъ онъ ненарушимо сохраняемъ, и обязывалъ подписавшихъ его почитать себя соединенными связью неразрывнаго братства и членами одного народа христіанскаго. Демагогическіе писатели не перестаютъ до сихъ поръ поносить Священный Союзъ, потому что онъ поставлялъ непреодолимую преграду войнамъ, переворотамъ и крамоламъ, образующимъ стихію бытія либеральныхъ глашатаевъ. Но милліоны благомыслящихъ людей взирали на него, какъ на ручательство незыблемости законныхъ престоловъ, необходимыхъ для общаго спокойствія, для распространенія торговли, развитія наукъ, искуствъ

и промышленности. Они видѣли въ немъ прочное основаніе мира, составляющаго конечную цѣль существованія народовъ. Сей важный актъ, небывалое дотолѣ явленіе въ политическомъ мірѣ, останется навсегда предметомъ благоговѣйнаго почитанія потомства, имѣвши цѣлью упрочить благоденствіе вселенной соединеніемъ политики съ уставами Божественнаго закона. Имя Александра, Виновника Союза, внесется въ число пламенныхъ любителей рода человѣческаго, котораго Онъ былъ честью, славою, украшеніемъ.

Такимъ торжественнымъ, священнымъ подвигомъ заключилъ Александръ десятилѣтнюю борьбу Свою съ Наполеономъ. Оба мощные противника были величайшими мужами своего времени. Появленіе обоихъ въ политическомъ мірѣ ознаменовалось рѣдкими умственными ихъ способностями. Съ перваго ихъ шага на поприще дѣятельности, они обратили на себя всеобщее вниманіе и заняли первыя мѣста въ современной Исторіи. Въ продолженіе жизни ихъ, на мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ ихъ была основана участь Европы. Наполеонъ явилъ себя въ Италійскихъ походахъ великимъ полководцемъ. Тогда Александръ былъ еще Наслѣдникомъ Престола, и подавалъ надежду содѣлаться образцомъ кроткихъ добродѣтелей,

какимъ Онъ при вступленіи Своемъ на царство дѣйствительно и оказался. Поступки Наполеона ознаменованы были нѣсколько лѣтъ необыкновенными воинскими доблестями, предпріимчивостію и желѣзною волею въ исполненіи его предначертаній. Онъ угрожалъ сдѣлаться бичемъ Европы и ниспровергнуть существовавшій порядокъ. Вникая тщательно въ узаконенія, изданныя въ первые годы царствованія Александра, находимъ ихъ достойными служить украшеніемъ вѣка Траянова и Антонинова. Наполеонъ производилъ удивленіе, Александръ исторгалъ слезы радости у друзей человѣчества. Въ 1805-мъ году началось состязаніе ихъ на ратномъ полѣ. Борьба продолжалась ровно десять лѣтъ, съ Аустерлицкаго сраженія до вторичнаго шествія Русскихъ въ Парижъ: то была брань зла съ добромъ, генія войны съ геніемъ мира, и послѣдній одержалъ совершеннѣйшую побѣду. Истощивъ всѣ способы снисхожденія, Александръ облекся въ силу нравственную; непоколебимость Его и постоянство, внушенныя убѣжденіемъ въ правотѣ Своего дѣла, сокрушили неодолимаго дотолѣ Его противника. Въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Наполеонъ являлъ малодушіе, прибѣгалъ къ переговорамъ, просилъ у Александра мира, и, наконецъ, у воротъ Парижа, молилъ

Его о помилованіи, соглашаясь на всѣ предложенія; Александръ никогда не колебался въ напастяхъ, и твердостью духа Своего спасъ Россію, избавленіе коей даровало новое бытіе Европѣ. Во время сей десятилѣтней, почти баснословной войны, слѣды Наполеона были ознаменованы огненною чертою; Александръ являлся благодѣтелемъ непріятельскаго края. Въ завоеванныхъ столицахъ Наполеонъ грабилъ дворцы Монарховъ, предавался мщенію и не зналъ мѣры своей надменности. За опустошеніе многихъ областей Россіи, пожаръ и грабежъ Москвы, за взорванный Кремль, Александръ заплатилъ спасеніемъ Парижа. Непоколебимый въ бѣдствіяхъ, Онъ показалъ въ Парижѣ небывалый примѣръ въ лѣтописяхъ міра: неслыханныя дотолѣ побѣды не вселили въ Него другаго чувства, кромѣ кротости къ врагамъ и смиренія передъ Богомъ. Сокрушивъ Своего противника, Онъ не мстилъ падшему съ неизмѣрной высоты, и Наполеонъ, на ужасной скалѣ, среди океана, изгнанный изъ Европы, покрытый проклятіями полсвѣта, слышалъ слова утѣшенія отъ одного только Александра, повелѣвавшаго Своему посланному на островѣ Св. Елены по возможности облегчать участь плѣнника. «Вы единственное провидѣніе, оставшееся на землѣ «для семейства нашего,» такъ говорилъ Государю

одинъ изъ братьевъ Наполеона. (*) Когда Александръ освободилъ порабощенную Европу, Онъ учредилъ Христіанскій Союзъ, основалъ всеобщій миръ, и поддерживалъ его всѣми силами, какія представляла Ему обширнѣйшая въ свѣтѣ Имперія. Во время могущества Наполеонова, безчисленныя арміи его блуждали по Европѣ, подобно сынамъ Израиля, покоряя, безъ цѣли, одно Государство за другимъ, сооружая новые Престолы, ниспровергая древнія царственныя поколѣнія, по милліонъ войскъ, содержимыхъ Александромъ, за что несправедливо современники дѣлали Ему упреки, употребленъ былъ исключительно на утвержденіе спокойствія. Да, и можно ли было послѣ двадцати-пятилѣтнихъ волненій не имѣть Ему обнаженнаго оружія, когда бунты возникали въ разныхъ концахъ Европы, въ Неаполѣ, Піемонтѣ и Испаніи? Мятежи исчезали по мановенію Александра, и Европа, въ остальные годы Его жизни, наслаждалася ненарушимымъ миромъ. Алек«сандръ есть мой настоящій преемникъ,» сказалъ Наполеонъ на островѣ Святой Елены. Онъ правъ; но Александръ, сдѣлавшись рѣшителемъ Европейской политики, уподоблялся ясному небу, когда оно послѣ свирѣпыхъ бурь, колебавшихъ море

(*) Страница 158.

и угрожавшихъ мореходцу гибелью, даруетъ ему счастливое плаваніе. Наполеонъ и Александръ, оба угасли въ цвѣтѣ и крѣпости лѣтъ, далеко отъ столицъ, ими украшенныхъ, ими преобразованныхъ: одинъ подъ знойнымъ солнцемъ Африки, а другой на берегахъ Азовскаго моря, у предѣловъ Азіи; одинъ умеръ въ цѣпяхъ, а другой, въ величіи и славѣ, почилъ сномъ праведныхъ. На кончину Наполеона взирали современники безъ участія, какъ на тяготѣвшій нѣкогда надъ ними метеоръ, наконецъ канувшій въ вѣчность; смерть Александра оплакана въ обоихъ полушаріяхъ, и имя Его сопричтено единодушно, всѣми народами, къ немногому числу тѣхъ избранныхъ Вѣнценосцевъ, которые побѣду и могущество обращали единственно на благо человѣческаго рода.

ГЛАВА XV.

Подписаніе мира. — Отъѣздъ изъ Парижа въ Брюссель. — Генералъ Фуль. — Поле Ватерлоскаго сраженія. — Отъѣздъ изъ Брюсселя въ Швейцарію.

Въ половинѣ Сентября мѣсяца, Русская армія тронулась въ обратный походъ изъ Франціи въ Россію, и послѣ продолжительныхъ преній, въ которыхъ Государь вновь явился защитникомъ Франціи, главныя Державы согласились на мирныя статьи, обезпечивавшія спокойствіе Европы и Престолъ Лудовика XVIII. Франція принуждена была уступить нѣсколько земель, заплатить семь сотъ милліоновъ франковъ дани, и содержать 150,000 человѣкъ Союзныхъ войскъ въ восемнадцати крѣпостяхъ, въ продолженіе пяти лѣтъ. Герцогъ Веллингтонъ назначенъ былъ Главнокомандующимъ сихъ войскъ, готовыхъ, въ

случаѣ могшихъ возникнуть во Франціи возмущеній, тотчасъ прекратить бунтъ, и въ трое сутки явиться подъ стѣнами Парижа. Въ армію Веллингтона поступили, подъ начальствомъ Графа Воронцова, одна конная и двѣ пѣхотныя Русскія дивизіи, заключавшія въ себѣ, вмѣстѣ съ нестроевыми, около 27,000 человѣкъ, при 84-хъ орудіяхъ. Во время трехъ-лѣтняго пребыванія своего во Франціи, Графъ Воронцовъ сохранилъ въ войскахъ строгую подчиненность, порядокъ необыкновенный и пріобрѣлъ отличное уваженіе жителей занятаго имъ края. Окончательное подписаніе мирнаго договора съ Франціею отложили до Ноября мѣсяца, потому что разныя статистическія свѣдѣнія, нужныя для составленія нѣкоторыхъ статей договора, не могли быть получены прежде. Сверхъ того, 13-го Сентября назначено было открытіе Французскихъ Палатъ, и къ тому дню Государю угодно было уже находиться внѣ Парижа, дабы предоставить Людовику XVIII дѣйствовать совершенно какъ независимому Монарху, по своему усмотрѣнію. Сперва Государь думалъ ѣхать въ Дижонъ, потомъ въ Брюссель, оттуда черезъ Франкфуртъ и Барейтъ въ Прагу, Бреславль и Берлинъ, но послѣ перемѣнилъ Свое предположеніе, и вознамѣрился ѣхать изъ Парижа въ Брюссель, оттуда въ Шомонъ, на смотръ

Баварскихъ войскъ, потомъ въ Дижонъ, гдѣ была собрана Австрійская армія, а въ заключеніе, черезъ Швейцарію и Богемію въ Берлинъ и Варшаву. Маршрутъ для Высочайшаго путешествія по Швейцаріи, съ означеніемъ всего, заслуживающаго вниманія, былъ написанъ Лагарпомъ.

13-го Сентября Государь отправился изъ Парижа рано поутру, когда столица погружена была въ сонъ. Проѣзжая по пустыннымъ въ то время улицамъ ея, и смотря впослѣдніе на ея великолѣпныя зданія, нельзя было не ощущать разныхъ впечатлѣній, возбужденныхъ трехъ-мѣсячнымъ пребываніемъ въ Парижѣ, имя котораго нынѣ сопряжено навѣки со славою Россіи. На первомъ ночлегѣ, въ Перонпѣ, помѣщена была на приготовленномъ для Государя домѣ слѣдующая надпись: «Александру признательная Франція!» На другое утро мы проѣзжали недавно сгорѣвшее село Гозонкуръ. Государь пожаловалъ жителямъ двѣ тысячи франковъ, и приказалъ Посланнику нашему въ Парижѣ ходатайствовать отъ имени Его у Французскаго правительства о вспоможеніи погорѣвшему селенію. Я ѣхалъ за нѣсколько верстъ впереди Государя, и приближаясь къ крѣпости Камбре, не сдавшейся еще Союзникамъ, намѣренъ былъ миновать ее, тѣмъ болѣе,

что лошади были для насъ приготовлены въ полѣ, но ко мнѣ вышли на встрѣчу депутаты и просили ѣхать черезъ городъ, на что я согласился. Подобное предложеніе сдѣлано было мнѣ въ Валансіенѣ, гдѣ также развѣвались еще Наполеоновы знамена. Въ обѣихъ крѣпостяхъ караулы выходили къ ружью, домы были украшены цвѣтами, улицы усыпаны пескомъ, и тысячи народа привѣтствовали восклицаніями: «Да здравствуетъ Александръ!»

На послѣдней станціи передъ Брюсселемъ ожидалъ Государя Оранскій Принцъ, съ подвязанною рукою, прострѣленною при Ватерло. Тутъ же находился Генералъ Фуль, извѣстный въ началѣ Отечественной войны. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ его; они не покажутся излишними для тѣхъ, кто помнитъ, какъ много дорожили его мнѣніями передъ войною: «Планъ мой,» сказалъ мнѣ Фуль, «состоялъ въ томъ, чтобы первой арміи, «отступая отъ Вильны къ Двинѣ, заманивать за собою непріятеля, а второй дѣйствовать на пути его «сообщеній. Для того избралъ я лагерь при Дриссѣ, «откуда можно было угрожать непріятелю атакою «съ фронта, а еслибы Наполеонъ овладѣлъ Дрисскимъ лагаремъ, то я совѣтовалъ идти по направленію къ Новугороду. Посредствомъ такого движенія,

«Москва и Петербургъ избавлялись нашествія не-«пріятельскаго, а отъ преслѣдованія насъ и про-«должительныхъ переходовъ, силы Наполеона прихо-«дили бы въ изнеможеніе, тѣмъ болѣе, что въ то «время вторая армія должна была безпокоить «тылъ его и фланги. За нѣсколько мѣсяцевъ до вой-«ны утверждалъ я необходимость завлекать Напо-«леона во внутрь Россіи.» Въ заключеніе разговора моего съ Фулемъ, спросилъ я его, почему онъ не носитъ медали, установленной за походъ 1812-го года? «Я сохранилъ,» отвѣчалъ онъ, «въ воспомина-«ніе этой войны только чистую совѣсть; могу увѣ-«рить васъ, что изъ всѣхъ иностранцевъ, служив-«шихъ въ Россіи, никто менѣе меня не дѣйство-«валъ изъ честолюбивыхъ видовъ; я искалъ только «пользы вашего отечества.»

Отъ послѣдней станціи до самаго Брюсселя дорога уставлена была щегольскими экипажами, выѣхавшими на встрѣчу Императору. Для Государя былъ приготовленъ въ Брюсселѣ домъ Маркиза д'Аше, потому что дворецъ Королевскій, похожій на жилище частнаго человѣка, такъ тѣсенъ, что для Государя не было въ немъ помѣщенія. Камергеры, пажи и другіе чины Нидерландскаго Двора неловки и одѣты небогато. Казалось, они еще не привыкли къ

придворному ремеслу, требующему, какъ и всякое другое занятіе, долголѣтняго навыка. Легко можно было замѣтить, что многіе изъ нихъ не потомки феодальныхъ рыцарей, но внуки купцовъ, нѣкогда установлявшихъ на Амстердамской биржѣ ходъ всемірной торговли. Впрочемъ, Королевство Нидерландское существовало такъ недавно, что Правительство не имѣло времени заняться составленіемъ Двора, и притомъ оно было въ трудномъ положеніи, касательно возникавшей между Голландцами и Бельгійцами ненависти, отъ различія языка, правовъ и вѣры.

Находясь въ Брюсселѣ, желалъ я видѣть поле Ватерлоской битвы, гдѣ за три мѣсяца передъ тѣмъ рѣшенъ былъ жребій Наполеона. Хотя наши соотечественники не участвовали въ ней, но она для Русскихъ не чужда, бывъ довершеніемъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ войны 1812-го года, и побѣдъ Александра въ Германіи и Франціи. Въ Ватерло я взялъ проводника, того самаго, который во время сраженія находился при Наполеонѣ. Дорогою черезъ Суаньскій лѣсъ, разсказывалъ онъ мнѣ о бывшемъ тогда въ Ватерло страхѣ, потому что послѣ полудня, при видѣ великаго множества раненыхъ, жители полагали, что Французы одержали побѣду; обозы Англійской арміи получили уже приказаніе

податься назадъ. Выѣхавъ изъ лѣса, увидѣлъ я Монъ-Сенъ-Жанъ, мызу Гугомонъ, Лаге-Сентъ, Бренъ-ла-Ледъ, Планшенуа и другія селенія, увѣковѣченныя сраженіемъ, послѣ Бородинскаго, самымъ кровопролитнымъ между битвами послѣднихъ вѣковъ. Въ Бородинѣ начато, а при Ватерло довершено пораженіе Наполеоновыхъ полчищъ. Достойно вниманія, что именно въ сихъ двухъ битвахъ, самыхъ важныхъ во всемъ поприщѣ Наполеона, предусмотрительность и геній его видны несравненно менѣе, нежели въ сраженіяхъ подъ Риволи, Ульмомъ, Аустерлицемъ, Регенсбургомъ и другихъ, ознаменовавшихъ его боевую жизнь, гдѣ дѣло шло объ одной побѣдѣ, а не о рѣшеніи вопроса: кому быть, кому не быть? Бородино и Ватерло останутся навсегда эпохами въ Исторіи, но наблюдатель развитія и успѣховъ военнаго искуства — ошибочно почитаемаго наукою — вникая въ распоряженія Наполеона, предшествовавшія симъ сраженіямъ, и въ дѣйствія его, совершавшіяся въ продолженіе битвъ, не узнаетъ въ нихъ того, кто признанъ первымъ полководцемъ нашего вѣка.

Стараясь спасти свою славу, Французы приписываютъ пораженіе при Ватерло упадку духа въ Наполеонѣ, генералахъ и войскахъ его, по

бѣшенство атакъ Французовъ доказываетъ, что при распоряженіяхъ болѣе искусныхъ, войско было готово одолѣть самую упорную оборону. Веллингтонъ находился большею частію при деревнѣ Лаге-Сентъ. Соотечественники его дорогою цѣною покупаютъ деревья у крестьянъ сего селенія, перевозятъ ихъ въ Англію и сажаютъ въ свои парки, какъ памятникъ народной славы. Англичане имѣютъ полное право величаться Ватерлоскимъ сраженіемъ: оно было достойнымъ возмездіемъ за несчетныя пожертвованія, принесенныя Великобританіею отъ начала революціонной войны до совершеннаго окончанія ея, наградою за постоянство Англійскаго правительства поборать гидру крамоловъ съ самаго ея рожденія. Въ полуверсть отъ Лаге-Сентъ показываютъ мѣсто, гдѣ долго стоялъ Наполеонъ. Мой проводникъ разсказывалъ съ жаромъ, какъ Наполеонъ ободрялъ войска, наступавшія на Англійскія батареи, и съ какимъ восторгомъ колонны отвѣчали на знакомый голосъ своего вождя, даже не измѣнившагося въ лицѣ, когда онъ удостовѣрился, что съ правой стороны, откуда онъ ожидалъ Маршала Груши, показались Пруссаки. Пусть живописецъ выразитъ чувствованія, обуревавшія въ ту минуту душу Наполеона, убѣжденнаго, что съ

прибытіемъ на полѣ сраженія Блюхеровой арміи, померкала звѣзда его счастія, и вѣроятно на вѣки!

Я заключилъ прогулку мою у селенія Прекраснаго Союза (la Belle-Alliance). На трактирѣ написано: «Фельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ, «встрѣтясь здѣсь, поздравили другъ друга съ побѣ«дою.» «Тутъ,» присовокупилъ проводникъ мой, «бѣгство Французовъ было общее; смятенія ихъ «описать невозможно, но Наполеонъ, котораго я не «оставлялъ ни на шагъ, сохранялъ совершенное хлад«нокровіе, и поворотя лошадь, медленно и молча «слѣдовалъ за бѣгущими.» На полѣ сраженія находятъ множество картечей, пуль, штыковъ, латъ, пуговицъ съ Французскими орлами и тому подобнаго. Жители окрестныхъ селеній продаютъ сіи остатки разгромленной арміи любопытнымъ путешественникамъ, во множествѣ сюда стекающимся. Платя общую всѣмъ странникамъ дань, я купилъ нѣсколько подобныхъ вещей, и соединивъ ихъ съ такими же, взятыми во время Отечественной войны и въ другихъ походахъ моихъ, поставилъ ихъ въ деревенскомъ моемъ домѣ на берегахъ Пьяны: тамъ будутъ онѣ напоминать мнѣ о дняхъ бурь и треволненій, о пламени, пожиравшемъ на великое пространство Россію, и о торжествѣ ея. Мнѣ случилось

проѣзжать почти по всѣмъ знаменитымъ полямъ сраженій въ Европѣ. Весьма немногія изъ нихъ украшены памятниками. Ничто не прерываетъ первобытнаго единообразія сихъ мѣстъ; оживляютъ ихъ только разсказы обывателей, когда они изустно передаютъ дѣтямъ и внукамъ повѣствованіе о битвахъ, какъ о страшныхъ грозахъ, гремѣвшихъ надъ роднымъ кровомъ. При вторичномъ посѣщеніи моемъ поля Ватерлоскаго сраженія, во время Ахенскаго Конгресса, оно являло совсѣмъ иной видъ. Посреди плодоносныхъ нивъ и роскошныхъ жатвъ возвышались мавзолеи Прусскимъ и Ганноверскимъ войскамъ, и другіе монументы, воздвигнутые въ честь многихъ офицеровъ, падшихъ въ тотъ знаменитый день, и свидѣтельствовавшіе, что остались на землѣ люди, сохранившіе память тѣхъ, кто положилъ здѣсь животъ за свободу Европы. Возвращаясь въ Брюссель, я встрѣтилъ Государя съ Принцемъ Оранскимъ; они ѣхали въ Ватерло.

21-го Сентября мы отправились изъ Брюсселя въ Дижонъ, черезъ Лаонъ, Витри и Шомонъ, мѣстами, увѣковѣченными Русскимъ войскомъ въ походѣ 1814-го года. На семъ пространствѣ, заключающемъ въ себѣ болѣе пяти сотъ верстъ, въ странѣ, гдѣ умы находились въ чрезвычайномъ броженіи, ни одинъ

вооруженный не сопровождалъ Государя; вездѣ, въ городахъ и селеніяхъ, множество народа ожидало проѣзда Его. Даже жители отдаленныхъ отъ большой дороги мѣстъ, старые и малые, мужчины и женщины, толпились на почтовыхъ дворахъ, желая взглянуть на спасителя Франціи—такъ они называли Государя—подавали Ему прозьбы и говорили о своихъ нуждахъ, какъ настоящему своему Монарху. Къ вечеру втораго дня мы остановились въ Шомонѣ, гдѣ была главная квартира Баварскихъ войскъ, предводимыхъ Фельдмаршаломъ Вреде. Онъ одинъ изъ самыхъ отличныхъ людей нашего времени, и много способствовалъ возвышенію своего отечества. Поприще его ознаменовано воинскими подвигами и особенно благоразумнымъ поведеніемъ его съ Державами, находившимися въ связяхъ съ Баваріею. Наружность его пріятна; онъ прекрасно говоритъ, и содержитъ въ строгой подчиненности ввѣренное ему войско. Къ великолѣпному ужину, приготовленному имъ для Государя, и продолжавшемуся два часа, приглашены были всѣ Баварскіе генералы и штабъ-офицеры; они съ благоговѣніемъ слушали Государя, и были очарованы Его разговорами и любезностію. На другой день, Баварская армія, состоявшая изъ двадцати батальоновъ пѣхоты и семи полковъ

конницы, производила въ присутствіи Государя маневры. При началѣ ихъ отправили меня въ Дижонъ, къ Австрійскому Императору, просить его, чтобы онъ не ожидалъ прибытія Государева, и доложить Его Величеству, что для избѣжанія парадной встрѣчи, Государь желалъ пріѣхать ночью. Онъ прибылъ въ Дижонъ 25-го Сентября, въ три часа по полуночи, посѣтилъ поутру Императора Франца, и вмѣстѣ съ нимъ присутствовалъ на маневрахъ 120,000 Австрійской арміи. Маневры являли совершенное подобіе битвы — послѣднее, напоминавшее безпримѣрную, только что конченную трехълѣтнюю войну—и происходили на тѣхъ самыхъ равнинахъ, гдѣ, за пятьнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, собрана была такъ называемая резервная армія, съ которою Наполеонъ перешелъ черезъ Сенъ-Бернаръ, и одержалъ побѣду при Маренго, основный камень своего могущества. Государь, при проходѣ полка Своего имени, сталъ въ головѣ его и салютовалъ Императора Франца. Въ Дижонѣ мы разстались съ Австрійцами, нашими старинными, неизмѣнными союзниками; на прощаньи, Государь пожаловалъ ордена многимъ генераламъ и офицерамъ, наиболѣе отличившимся въ послѣднихъ войнахъ. По окончаніи маневровъ, Государь провелъ нѣсколько времени

съ другомъ Своимъ, Императоромъ Францомъ, и поѣхалъ изъ Дижона въ Швейцарію. Въ этомъ путешествіи находились при Государѣ только Князь Волконскій и я; всѣ другія особы свиты Его отправились въ Берлинъ, ожидать тамъ прибытія Его Величества.

ГЛАВА XVI.

Путешествіе по Швейцаріи.

По выѣздѣ изъ Дижона въ Швейцарію, мы имѣли первый ночлегъ въ городкѣ Люрѣ, гдѣ все населеніе ожидало Государя. По прибытіи Его, улицы Люра скоро опустѣли, потому что погода была самая бурная, шелъ проливной дождь, ревѣлъ осенній вѣтеръ. Когда пробила полночь, я подошелъ къ окну и увидѣлъ въ домѣ, насупротивъ меня находившемся, Государя. Онъ сидѣлъ за столомъ при двухъ свѣчахъ. Улица была тѣсная, ночь совершенно темная, и я могъ видѣть каждое движеніе Государя. Зрѣлище великаго Монарха, уединенно бодрствующаго въ глухую, бурную ночь, такъ врѣзалося въ моемъ воображеніи, что я какъ будто теперь имѣю Его передъ глазами. Вотъ Онъ пишетъ...., кладетъ перо...

размышляетъ....опять пишетъ.... Ударило два часа, Императоръ всталъ и пошелъ во внутреннія комнаты. Изъ Люра, мнѣ приказано было отправиться впередъ, и извѣстить начальствовавшаго въ Бефорѣ Генерала Лекурба, извѣстнаго подвигами своими во время революціонныхъ войнъ, чтобы онъ не дѣлалъ Государю никакого пріема. Не далеко отъ крѣпости, я встрѣтилъ Лекурба, ѣхавшаго на встрѣчу Государя, съ огромнымъ конвоемъ. Выслушавъ меня, онъ возвратился въ Бефоръ, съ видомъ неудовольствія: изъ словъ моихъ ему было не трудно замѣтить, что Императоръ не желалъ его видѣть. Вскорѣ достигнулъ я береговъ Рейна. Ни одна рѣка не была столь много воспѣта стихотворцами, какъ Рейнъ. Кто, проведя нѣсколько времени на берегахъ его, не вспомнитъ съ восхищеніемъ о картинныхъ мѣстоположеніяхъ, о добродушныхъ жителяхъ Германіи, цѣлительномъ винѣ и зеленыхъ рюмкахъ, при звукѣ которыхъ молодые люди пьютъ здоровье своихъ любезныхъ, славятъ независимость и клянутся въ вѣчной дружбѣ!

Въ Базелѣ народъ и войска ожидали Государя, приняли Его съ восторгомъ и волновались на улицахъ до глубокой ночи. Городъ былъ иллюминованъ; передъ нашимъ домомъ горѣла слѣдующая

надпись на Нѣмецкомъ языкѣ: «Да будетъ благословеніе Всевышняго на знаменитомъ Императорѣ «Александрѣ! Смѣло началъ Онъ первый войну за «Европу.» Какъ все перемѣнилось, съ тѣхъ поръ, когда 1-го Января 1814-го года, наша армія переходила въ первый разъ черезъ Рейнъ въ Базелѣ! По освобожденіи Германіи и прекращеніи начатыхъ во Франкфуртѣ переговоровъ, положено было вступить во Францію. Уже давно знамена наши не бывали такъ далеко отъ границъ Россіи, и никогда не готовились мы на столь отважное предпріятіе, потому что Рейнъ и крѣпости, лежащія по берегамъ его и вблизи отъ нихъ, почитались со времени Людовика XIV неодолимою оборонoю Франціи. Вся Европа полагала, что война въ нѣдрахъ сей Державы будетъ сопряжена съ неимовѣрными трудностями; думали, что народъ Французскій, пріобыкшій къ кровопролитію и исполненный воинскимъ духомъ, упорно станетъ защищать каждый шагъ родной земли. Противнаго мнѣнія былъ Императоръ Александръ. Не взирая ни на какія возраженія, Онъ настоялъ въ необходимости идти впередъ и нанести послѣдній ударъ тому, кто дерзнулъ нарушить спокойствіе нашего отечества. Счастіе увѣнчало отважное предпріятіе, и на томъ мѣстѣ, гдѣ менѣе нежели за два года

густые ряды нашихъ войскъ, при радостныхъ восклицаніяхъ ура! водружали на лѣвомъ берегу Рейна Русскія знамена, я стоялъ мирнымъ гражданиномъ, и смотрѣлъ на быстрыя волны рѣки, доколѣ не угасли огни, зажженные для празднованія прибытія Государя. Можетъ быть, на самомъ этомъ мѣстѣ, безсмертный поэтъ, находившійся тогда въ рядахъ нашихъ, почувствовавъ первое вдохновеніе воспѣть переходъ Русскихъ черезъ Рейнъ, взывалъ:

И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и съ громами!

27-го Сентября, рано поутру, мы выѣхали изъ Базеля въ Цюрихъ. Густой туманъ носился въ воздухѣ, но вскорѣ разсѣялся, и взору представилось множество селеній, виноградныхъ садовъ и тучныя стада, пасшіяся на богатыхъ лугахъ. Съ каждымъ шагомъ мѣста становились красивѣе. Мы проѣзжали двумя городами, Рейнфельденомъ и Брукомъ, и потомъ поднялись на высокую гору. Отсюда открылась цѣпь Альповъ. Тамъ Гриндельвальдъ, Штаубахъ, Шрекгорнъ, Гасли, Луцернское озеро, часовня Телля; далѣе, мнѣ мечтались крутизны Сенъ-Готарда. О мѣста незабвенныя, гдѣ протекло нѣсколько счастливыхъ недѣль моей молодости, гдѣ первые лучи солнца я встрѣчалъ на горахъ, возносящихъ вершины

свои выше облаковъ, гдѣ цѣлые дни проводилъ я при шумѣ водопадовъ, посреди цвѣтущихъ долинъ, въ дремучихъ лѣсахъ, на краю пропастей, и отдыхалъ въ шалашахъ Альпійскихъ пастуховъ! Часа три ѣхали мы по прелестной долинѣ, вдоль рѣки Аары, а потомъ приблизились къ живописнымъ берегамъ Лимaты, украшеннымъ непрерывною цѣпью красивыхъ домиковъ. Государь нѣсколько разъ останавливалъ коляску Свою, гулялъ пѣшкомъ и заходилъ въ крестьянскіе домы. Въ шестомъ часу я пріѣхалъ въ Цюрихъ, и остановился въ трактирѣ Меча, приготовленномъ для Императора. Изъ оконъ моей горницы видно было Цюрихское озеро, окруженное богатѣйшими селеніями. Вершины Альповъ начинали алѣть отъ заходящаго солнца; молодой мѣсяцъ сіялъ на небѣ; природа погружалась въ вечернюю тишину. Вдругъ барабанный бой и радостные крики народа возвѣстили прибытіе Государя. Нашъ домъ наполнился чиновниками Республики, спѣшившими представиться Его Величеству. Послѣ представленія Государь поѣхалъ на балъ, данный городомъ, по случаю Его прибытія. Здѣсь находился также Русскій Посланникъ — явленіе новое, потому что прежде Парижскаго мира, Россія не содержала посольства при Гельветическомъ Союзѣ;

учрежденіе здѣсь миссіи было однимъ изъ доказательствъ распространенія политическаго вліянія нашего на дѣла Европы. Швейцарки были на балѣ не совсѣмъ ловки: живя въ тѣсномъ семейномъ кругѣ, онѣ не привыкли къ многолюднымъ собраніямъ. Любопытство ихъ было сильно возбуждено присутствіемъ Государя; онѣ слѣдили за каждымъ движеніемъ Его, за каждымъ взглядомъ.

На другой день поутру, Государь посѣщалъ могилу Геснера, а мнѣ велѣно было ѣхать впередъ, въ Констанцъ. Поднимаясь на гору, лежащую близъ Цюриха, я смотрѣлъ долго съ восхищеніемъ на Цюрихское озеро и тысячи излучистыхъ тропинокъ, извивающихся около селеній. Проведя нѣсколько лѣтъ въ разсѣянности воинской жизни и посреди Царскихъ дворцевъ, мнѣ казалось, что я уже отжилъ для красотъ природы, и что онѣ не принесутъ мнѣ болѣе, какъ во дни юности, истиннаго наслажденія; но взглядъ на Лимату и Альпы пробудилъ усыпленныя чувства: грудь заволновалась, какъ прежде. Швейцарская граница кончится, и Баденская начинается близъ самаго Констанца, города старинваго, нѣкогда знаменитаго, но теперь пустыннаго. Я взошелъ на колокольню соборной церкви, откуда видно на нѣсколько верстъ теченіе Рейна,

все пространство Боденскаго озера, множество городовъ, замковъ, селенiй и цѣпь Альпiйскихъ горъ, съ которыми я прощался, можетъ быть, навсегда. Послѣ того я остановился на берегу озера, и нѣсколько минутъ смотрѣлъ, какъ мелькали паруса, и рыбачьи лодки разсѣкали тихiя волны. Обремененный дѣлами, я только украдкою могъ наслаждаться природою. Государь, по прiѣздѣ въ Констанцъ, отправился на островъ Мейнау, лежащiй отъ города верстахъ въ трехъ, а я пошелъ въ свою комнату, и перечитывалъ маршрутъ по Швейцарiи, писанный рукою Лагарпа. Ежели этотъ листъ бумаги, думалъ я, не затеряется, то потомство приметъ его съ такими же чувствами, съ какими смотрѣли бъ мы теперь на описанiе путешествiя, составленное Аристотелемъ для Александра Македонскаго. Лагарпъ предлагалъ ѣхать изъ Дижона въ Женеву, потомъ въ Лозанну, а оттуда въ Бернъ и кантонъ Арау, обязанный Государю своимъ политическимъ существованiемъ. Сперва Императоръ хотѣлъ слѣдовать маршруту Лагарпа, но отложилъ Свое намѣренiе, потому что поѣздка въ Женеву замедлила бы прибытiе Его въ Берлинъ, куда Ему угодно было прiѣхать именно въ тотъ день, въ которой Онъ въ Парижѣ обѣщалъ Прусскому Королю прибыть въ его столицу.

29-го Сентября мы ѣхали весь день около Констанцскаго озера, черезъ Губъ, Роршахъ, Рейнекъ и Брегенцъ въ Линдау. На дорогѣ встрѣтили Государя воспитанники одного училища, одѣтые въ мундиры. Среди ихъ поставленъ былъ портретъ Государя на возвышеніи, куда вели нѣсколько ступеней, усѣянныхъ, такъ сказать, маленькими дѣвушками, цвѣтущими какъ розы; каждая указывала на изображеніе Императора. Переправясь черезъ Рейнъ, у Рейнека, мы въѣхали въ Тироль. Безъ искренняго уваженія нельзя было смотрѣть на Тирольцевъ, умѣвшихъ сохранить свою народность, вѣковые обычаи и нравы предковъ, въ бурное время, когда отечество ихъ и сосѣдственныя съ нимъ области стенали подъ чужеземнымъ игомъ. Здѣсь-то надобно слышать повторяемыя эхомъ высокихъ горъ Тирольскія пѣсни; хорами ихъ и радостными восклицаніями добрые и храбрые Тирольцы привѣтствовали Александра.

ГЛАВА XVII.

Дорога изъ Линдау въ Богемію.—Пребываніе Государя въ Ворликѣ.—Прага.—Празднованіе Лейпцигскаго сраженія.—Петерсвальде.—Берлинъ.—Калишъ.—Варшава.—Возвращеніе въ Россію.

Наше путешествіе по Швейцаріи кончилось въ Линдау. Здѣсь провели мы ночь безъ сна, потому что Государь не ложился почивать. Послѣ прибытія Своего въ Линдау и представленія Его Величеству тамошнихъ мѣстныхъ начальствъ, Государь сѣлъ за письменный столъ, и до утра занимался дѣлами. Въ теченіе ночи отправляли мы въ разныя стороны курьеровъ и эстафеты. На разсвѣтѣ я получилъ приказаніе ѣхать безъ промедленія черезъ Ульмъ и Нюренбергъ въ Богемію, до мѣстечка Черговицъ, недалеко отъ Праги, и тамъ остановиться до

прибытія Его Величества. Въ Мергентгеймѣ ожидалъ Государя Вице-Король Италійскій Евгеній, въ другомъ городкѣ Великая Княгиня Анна Ѳеодоровна, а въ Ульмѣ Король Виртембергскій. Ѣдучи за нѣсколько часовъ впереди Государя, я былъ осыпаемъ на каждой станціи вопросами объ Немъ. Всѣ жаждали увидѣть избавителя Германіи, миротворца Европы, того, кто уничтожилъ Наполеона. Вездѣ были приготовлены для Государя обѣды, завтраки, пышныя встрѣчи, тріумфальныя ворота, оды, кантаты, иллюминаціи. Въ Нюренбергѣ случилось со мною забавное приключеніе. Я ѣхалъ въ придворной коляскѣ; на козлахъ сидѣлъ кучеръ въ придворной ливреѣ, и Нѣмцы, съ часу на часъ ожидавшіе Императора, думали, что въ коляскѣ Государь. Едва я подъѣхалъ къ городскимъ воротамъ, ударили во всѣ колокола, раздались пушечные выстрѣлы и громогласное ура! Толпы народа бѣжали за мною. Разувѣрять въ ихъ заблужденіи словами было невозможно: отъ повсемѣстной тревоги и ужаснаго шума не слыхать было моихъ рѣчей. Сначала я махалъ руками, дѣлалъ разные знаки, но видя, что все безуспѣшно, долженъ былъ молчать. Въ такомъ тріумфѣ меня довезли до дома, назначеннаго для Государя, гдѣ меня важно вышли встрѣчать министры, присланные

отъ Баварскаго Короля, и городскіе чиновники. Объявивъ имъ наскоро о происшедшемъ недоразумѣніи, я поспѣшилъ скрыться отъ рукоплесканій и кликовъ восторженнаго народа.

Октября 3-го пріѣхалъ я въ назначенное мнѣ мѣсто, Черговицъ. Черезъ нѣсколько часовъ прибылъ Государь, и перемѣнивъ лошадей, отправился съ Княземъ Волконскимъ на нѣсколько дней въ Ворликъ, помѣстье Князя Шварценберга, котораго Онъ уважалъ, какъ полководца, и любилъ, какъ человѣка благороднѣйшихъ свойствъ. Въ Ворликѣ было нѣсколько особъ, знакомыхъ Государю со времени Вѣнскаго Конгресса, и царствовала величайшая непринужденность. Однажды все общество гуляло по полямъ и встрѣтило крестьянина, пахавшаго землю. Государь сталъ на его мѣсто и провелъ собою борозду. Случившійся въ Ворликѣ живописецъ изобразилъ Государя въ такомъ видѣ на картинѣ, которую я видѣлъ въ послѣдствіи въ Вѣнѣ. Сельское явленіе сіе происходило именно въ тотъ день, когда Наполеона привезли въ мѣсто его вѣчнаго заточенія, на островъ Святой Елены! Такъ, неизмѣримый океанъ размежевалъ двухъ противниковъ, недавно бившихся на жизнь и смерть. Одного, какъ Прометея, приковывали къ скалѣ; Другой, осыпаемый

благословеніями современниковъ, съ торжествомъ возвращался въ дорогую Ему Россію.

Пока Государь былъ въ Черговицѣ, мнѣ велѣли ѣхать въ Прагу, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ предписаній. Давно не радовался я ни одному приказанію столько, какъ поѣздкѣ въ Прагу, потому что въ первый разъ, въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ, когда ни одна минута не принадлежала мнѣ, сдѣлался совершенно свободнымъ, и могъ по произволу располагать нѣсколькими днями. Въ полночь я отправился въ путь, и не могъ сомкнуть глазъ, не взирая на усталость; меня восхищало чувство кратковременной моей независимости. По прибытіи въ Прагу, я надѣлъ фракъ и пошелъ пѣшкомъ на островъ, называемый Маленькою Венеціею. Туманъ покрывалъ прекрасные берега Молдавы; народъ изрѣдка показывался на улицахъ, и колокольный звонъ только что начиналъ сзывать къ богослуженію. Я гулялъ по острову, гдѣ уже за семь лѣтъ передъ тѣмъ проводилъ пріятнѣйшіе вечера, гдѣ, на осьмнадцатомъ году отъ рода, бывъ странникомъ на землѣ, думалъ о будущемъ своемъ назначеніи въ жизни, и возвращался, задумчивый, въ уединенное свое жилище, не предвидя всѣхъ готовимыхъ мнѣ судьбою превратностей! Не успѣлъ я прійдти

съ гулянья, начали ко мнѣ съѣзжаться съ посѣщеніями мѣстныя начальства и предложили занять комнаты, приготовленныя для меня во дворцѣ. Послѣ я былъ у Главнокомандующаго, Фельдмаршала Графа Колловрата; отъ старости онъ едва могъ говорить. Въ помощь ему былъ данъ Генералъ Графъ Клепау, осыпавшій меня учтивостями. «Были ль вы у гражданскихъ чиновниковъ,» спросилъ онъ, «и условились ли съ ними о всемъ нужномъ для пребыванія Его Величества въ Прагѣ?» Нѣтъ, отвѣчалъ я, и о томъ хотѣлъ съ вами переговорить. «Я съ моей стороны все сдѣлалъ,» отвѣчалъ онъ, «но васъ убѣдительно прошу, побывать у сихъ господъ. Какъ военный, скажу вамъ откровенно, что «имъ и самому мнѣ это будетъ очень пріятно.» Слова Генерала удостовѣрили меня, что въ Австріи военныя власти подчинены въ мирное время гражданскимъ. Окончивъ посѣщенія, я поѣхалъ во дворецъ. Виды оттуда на Прагу прелестны. Во время пребыванія Своего въ Прагѣ, въ 1813-мъ году, Государь часто любовался ими и сравнивалъ ихъ съ видами, являющимися на Москву, смотря на нее съ Кремля. Я обѣдалъ у Генерала Клепау со многими Австрійскими офицерами. Они разсуждаютъ умно, но въ обращеніи неловки. Всѣ прелести

молодой дочери Графа не могли развеселить ихъ. За обѣдомъ былъ Адъютантъ Блюхера, Штранцъ; мы встрѣтились, какъ родные братья, потому только, что онъ былъ Пруссакъ, а я Русскій. Не существовало примѣра такого тѣснаго союза между двумя странами, какъ между Россіею и Пруссіею: когда офицеры сихъ двухъ Державъ гдѣ нибудь встрѣчались, они почитали другъ друга совершенно за своихъ.

Я не могу довольно нахвалиться ласковымъ пріемомъ Пражскихъ вельможъ и заботливостію, съ какою мѣстныя начальства дѣлали всякаго рода приготовленія для пребыванія Его Величества, въ надеждѣ, что Государь остановится на нѣсколько дней въ Прагѣ. Проживъ здѣсь пять дней, я былъ безпрестанно приглашаемъ на обѣды, на вечера и въ театръ. Обращеніе дворянства такое же, какъ и въ другихъ столицахъ, но поваренное искуство не сдѣлало успѣховъ: подражая во многомъ Французамъ, почему также не брать примѣра съ Робера, Бовилье и Вери, до сихъ поръ не имѣющихъ себѣ равныхъ въ Европѣ? Черезъ три дня я получилъ изъ Ворлика повелѣніе ѣхать черезъ Кениггрецъ, Находъ и Глацъ, въ Силезію, въ замокъ Петерсвальде, близъ Рейхенбаха, и тамъ ожидать Государя. При самомъ спускѣ съ Исполинскихъ горъ,

отдѣляющихъ Богемію отъ благословенной Силезіи, увидѣлъ я весь горизонтъ, объятый заревомъ. Было 6-го Октября, день сраженія при Лейпцигѣ, празднуемый въ Германіи необыкновеннымъ образомъ. Лишь только вечеръ насталъ, на вершинахъ холмовъ и горъ зажгли костры, нарочно для того приготовленные; они горѣли всю ночь, знаменуя время освобожденія Германіи; пламень пылалъ отъ Тріеста до Гамбурга, и отъ Вислы до Рейна. Въ тотъ день Государь находился еще въ помѣстьяхъ Князя Шварценбера, желая поздравить Фельдмаршала, въ кругу его семейства, съ побѣдою, за два года передъ тѣмъ одержанною подъ главнымъ его предводительствомъ. Онъ обнялъ Фельдмаршала въ присутствіи всѣхъ, и привѣтствовалъ въ самыхъ обязательныхъ выраженіяхъ.

Вечеромъ я пріѣхалъ въ замокъ Петерсвальде, брата славнаго стихотворца, Графа Стольберга. Здѣсь Государь жилъ во время перемирія въ 1813-мъ году, склонилъ на Свою сторону Австрію, заключилъ многіе договоры и составилъ предположенія военныхъ дѣйствій, послужившія основаніемъ успѣховъ, одержанныхъ въ послѣдствіи: потому Петерсвальде есть для Германіи колыбель свободы, уготованной ей Александромъ. Изъ оконъ замка

открываются прелестные виды на поля Силезіи, полныя изобилія и жизни, на башни знакомаго намъ Рейхенбаха и на высокіе утесы Фирштенштейна, украшенные развалинами древняго зданія. Полтора года прошло съ того времени, какъ мы здѣсь жили, и все измѣнилось! Тогда только что отгремѣлъ Бауценскій громъ, Европа была въ колебаніи, народы опять готовились къ кровопролитной войнѣ, а теперь миръ, заключенный на прочныхъ основаніяхъ, подавалъ несомнѣнную надежду на долгое и ненарушимое спокойствіе Государствъ. Черезъ день мы выѣхали изъ Петерсвальде въ Берлинъ. Въ каждомъ городѣ и селеніи стояли тріумфальныя ворота, сдѣланныя изъ ельника, съ надписями въ честь Государя и вензелемъ Его имени. У воротъ множество дѣвушекъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ, сыпали цвѣты при проѣздѣ Императора. Генералы Іоркъ и Гюнербейнъ, присланные Королемъ Прусскимъ, сопровождали Государя до Берлина. О радушномъ пріемѣ Пруссаковъ, и въ какой мѣрѣ они чувствовали оказанныя имъ Россіею благодѣянія, разскажу слѣдующій анекдотъ. Мы расположились для ночлега въ городѣ Мюнхенбергѣ. Хозяинъ дома, въ которомъ мнѣ отвели квартиру, истощивъ всѣ средства угощенія, наконецъ предложилъ

остановить ходъ стѣнныхъ часовъ, чтобъ ихъ стукъ не безпокоилъ меня во время сна. Въ Кроссенѣ надѣялись, что Государь остановится тамъ для ночлега, и приготовили для Его Величества тотъ самый домъ и комнаты, гдѣ жилъ Фридрихъ Второй, и даже кровать великаго Монарха.

Октября 9-го мы въѣхали въ Берлинъ. Необозримое множество радостныхъ жителей вышло на встрѣчу Государю; Онъ былъ въ Прусскомъ мундирѣ. Король встрѣтилъ вѣрнаго, неизмѣннаго друга своего въ Фридрихсфельдѣ, откуда Монархи, въ открытой коляскѣ, отправились въ Берлинъ; по улицамъ разставлены были войска, и проходили потомъ церемоніяльнымъ маршемъ. Мы провели въ Берлинѣ около двухъ недѣль, ознаменованныхъ великимъ событіемъ, упрочившимъ на вѣки благоденствіе Россіи—обрученіемъ бывшаго тогда Великимъ Княземъ Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА съ Дщерію Короля. При Дворѣ были балы и обѣды. Тогда же вступилъ въ Берлинъ С.-Петербургскій гренадерскій полкъ. Шефомъ его былъ Прусскій Король. Въ Русскомъ мундирѣ, ѣхалъ онъ передъ первымъ взводомъ и салютовалъ Государя. Офицеры обѣдали во дворцѣ за Королевскимъ столомъ, а солдатъ угощала Прусская гвардія. Примѣчательнѣе всего, что въ тотъ день

караулы были заняты въ Берлинѣ Русскими солдатами. Лудовикъ XIV, возведя своего внука на Испанскій Престолъ, сказалъ: «Пиренейскія горы «болѣе не существуютъ!» Русскимъ можно было, въ подражаніе ему, но съ большимъ правомъ, сказать, что при Александрѣ Россія и Германія составляли одно семейство.

27-го Октября мы выѣхали изъ Берлина черезъ Франкфуртъ въ Калишъ. Государь оставлялъ чужіе края на три года, потому что Союзные Монархи условились собираться въ извѣстные сроки, для принятія мѣръ къ обезпеченію и сохраненію мира. Такъ называемые либеральные писатели говорили, что Монархи теряли въ разъѣздахъ безцѣнное время, вмѣсто того, чтобы употреблять его съ большею пользою для внутренняго управленія Государствъ. Но, можно ли назвать утраченными, два или три мѣсяца—ибо Конгрессы Ахенскій, Лейбахскій и Веронскій продолжались не болѣе сего времени—когда Союзные Монархи, черезъ каждые три года, соединялись для совѣщаній о благѣ Европы? Не заключается ли самое надежное ручательство мира въ личной дружбѣ Вѣнценосцевъ? Другіе утверждали, что Россіи, надолго оградившей предѣлы свои отъ всякаго противъ нихъ непріязненнаго покушенія, надлежало

удалить себя отъ дѣлъ Европы. Такъ у насъ разсуждали нѣкоторые при началѣ Французской революціи, полагая, что она не коснется никогда нашего отечества. Екатерина была противнаго мнѣнія. Она говорила управлявшему тогда Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Графу Маркову, отъ котораго я самъ слышалъ слова ея, что «революціонная война «легко можетъ дойти до Россіи.» Послѣдствія оправдали предвѣдѣніе Екатерины: революціонная война произвела пожаръ Московскій! Послѣ такого примѣра, совершившагося въ нашихъ глазахъ, Императору Александру тѣмъ менѣе можно было устранять Себя отъ соучастія въ положеніи другихъ Державъ, что, спасши ихъ отъ военнаго деспотизма, и возстановя вѣковые, законные Престолы, Онъ не хотѣлъ предать жребій Европы на произволъ мятежей: крамольники не умедлили бы возобновить свои преступные замыслы, если бы замѣтили, что Онъ болѣе не обращалъ вниманія на ихъ козни. Совершивъ подвигъ дивный, Александру надлежало упрочить грядущимъ поколѣніямъ дѣло великое и святое.

Грустно было мнѣ слышать, какъ, по мѣрѣ нашего удаленія отъ Одера, мало по малу исчезалъ Нѣмецкій языкъ. На немъ получилъ я первыя понятія

о прелестяхъ ученія. Если науки не всегда приносятъ существенную пользу, по крайней мѣрѣ всегда содѣлываютъ онѣ человѣка лучшимъ, и примиряютъ насъ съ жизнію, въ какомъ бы горестномъ положеніи мы ни находились. На другія сутки по выѣздѣ изъ Берлина, мы были уже въ новыхъ предѣлахъ Россіи, въ Калишѣ. Я поспѣшилъ въ тотъ домъ, гдѣ въ 1813-мъ году жилъ Князь Кутузовъ. Сердце мое билось, когда я шелъ по лѣстницѣ; на ней встрѣчалъ я прежде именитѣйшихъ генераловъ, а теперь все было пусто и темно; только привратникъ спросилъ меня, зачѣмъ я иду на верхъ? и узнавъ причину, сказалъ, что онъ и не слыхалъ о нашемъ героѣ. Я вошелъ въ комнату, гдѣ Кутузовъ обыкновенно занимался дѣлами, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ Александромъ о рѣшеніи участи Европы, и гдѣ удостоивалъ онъ меня своимъ разговоромъ, иногда и довѣренностію. Мною овладѣло благоговѣніе сильнѣе того, какое чувствовалъ я въ гробницѣ Сципіона и среди памятниковъ Римской славы. Слабый свѣтъ свѣчи придавалъ комнатѣ видъ мрачный; все безмолствовало. Вдругъ сдѣлался необыкновенный шумъ на улицахъ, возвѣщая прибытіе Государя. Ударили въ колокола, раздались пушечные выстрѣлы, и народъ громкими восклицаніями привѣтствовалъ новаго

Царя своего. Въ то время, какъ будто одинъ во всемъ мірѣ, стоялъ я, облокотясь на стулъ, гдѣ сиживалъ великій человѣкъ. Еслибъ мы и не были свидѣтелями исполинскихъ дѣяній Кутузова, то и тогда, тѣ изъ насъ, кто были близки къ нему, сохранили бы навсегда въ памяти нашей время, когда, находясь на высшей степени почестей и славы, онъ очаровывалъ насъ плѣнительнымъ и ласковымъ своимъ обращеніемъ, разумомъ всеобъемлющимъ. «Чѣмъ болѣе живу,» писалъ онъ не задолго до своей кончины къ одной изъ своихъ дочерей, «тѣмъ сильнѣе «убѣждаюсь, что слава—дымъ. Я всегда любилъ «философствовать, но нынѣ, болѣе, нежели когда «либо. Говорятъ, всякій возрастъ имѣетъ свои стра«сти; моя теперешняя страсть состоитъ въ безпре«дѣльной любви къ моимъ дѣтямъ. Я смѣюсь надъ «собою, размышляя, съ какой точки зрѣнія я смот«рю на званіе мое, на мою власть и почести, «меня окружающія; я въ то время вспоминаю Ка«тиньку, (*) когда она сравнивала меня съ Агамем«нономъ; спрашиваю: былъ ли Агамемнонъ счаст«ливъ?» Однажды, на самомъ этомъ мѣстѣ, я какъ будто предугадалъ близкую кончину Князя Михаила

(*) Одна изъ внукъ Князя Михаила Ларіоновича, Графиня Тизенгаузенъ.

Ларіоновича. За нѣсколько дней передъ выступленіемъ нашимъ изъ Калиша, подалъ я ему для подписанія бумагу. Вмѣсто трехъ чертъ, чѣмъ онъ обыкновенно оканчивалъ подпись своего имени, сдѣлалъ онъ ихъ гораздо болѣе, и, смотря на нихъ, сказалъ мнѣ: «Кажется, я ошибся.»—Вы написали «двѣ лишнія литеры;» отвѣчалъ я, «но я ихъ выскоблю.»—«Нѣтъ,» прервалъ онъ, «я эту бумагу «самъ уничтожу, а ты вели приготовить другую: «вѣдь Богъ знаетъ, что обо мнѣ подумаютъ.» Какое-то предчувствіе сказало мнѣ, что мы скоро его лишимся, и черезъ двѣ недѣли не стало того, для кого потомство будетъ справедливѣе современниковъ.

Переночевавъ въ Калишѣ, гдѣ Государь надѣлъ въ первый разъ Польскій мундиръ и звѣзду Бѣлаго Орла, мы отправились въ Варшаву, куда прибыли 31-го Октября, при громкихъ восклицаніяхъ народа. На улицахъ стояла Польская армія, только что вновь образованная; она простиралась уже до 24,000 человѣкъ. Оружіе, одежда, даже деньги для продовольствія сихъ войскъ, по совершенному истощенію Польши, отпускались тогда изъ Россіи. Нѣкто замѣтилъ во время смотра, что конница была малочисленна. Государь отвѣчалъ: «Неудивительно: «Поляки съѣли лошадей своихъ въ Россіи.» Потомъ

Императоръ вступилъ во дворецъ, гдѣ принялъ ключи города и привѣтствовалъ рѣчью представлявшихся Ему почетнѣйшихъ жителей. Нѣкоторые изъ дворянъ были въ старинныхъ національныхъ кафтанахъ, подвязанные богатыми кушаками, въ разноцвѣтныхъ сапогахъ и съ длинными саблями, которыя, какъ я тогда думалъ, уже долго не обнажатся противъ двуглаваго орла. На многихъ Полякахъ былъ орденъ Почетнаго Легіона. Я желалъ, чтобы сей знакъ отличія временъ Наполеона замѣнился нашимъ Георгіевскимъ крестомъ, то есть, чтобы въ первую войну Россіи съ какою нибудь Державою, Поляки сражались съ нами за одно, смѣшали бы кровь свою съ нашею кровію, и тѣмъ изгладилась бы вражда, долгое время раздѣлявшая два единоплеменныя Царства. Мы прожили въ Варшавѣ съ небольшимъ двѣ недѣли. Государь разсыпалъ щедроты на всѣ сословія народа. Поляки, находившіеся въ плѣну въ Россіи, и взятые въ сраженіяхъ въ Германіи и Франціи, были уже послѣ Парижскаго мира возвращены въ отечество и введены по прежнему во владѣніе своихъ имѣній, состоявшихъ въ казенномъ присмотрѣ. Тогда же снято было запрещеніе съ имѣній Поляковъ, до послѣдняго времени служившихъ въ войскахъ Варшавскаго Герцогства,

подъ знаменами Наполеона. Сей милости не были лишены даже уроженцы западныхъ губерній нашихъ. Помѣстья Князя Понятовскаго, убитаго подъ Лейпцигомъ, не только возвратили его наслѣдникамъ, но имъ даже отдали доходы, поступившіе въ казну съ того времени, когда имѣніе его было взято подъ запрещеніе. Государь учредилъ штатъ для Варшавскаго Двора, назначилъ къ Себѣ нѣсколько адъютантовъ изъ Польскихъ офицеровъ, пожаловалъ нѣкоторыхъ дѣвицъ во фрейлины, раздалъ Русскіе ордена, удостоивалъ личнымъ посѣщеніемъ знатнѣйшихъ вельможъ, но при всемъ томъ Поляки смотрѣли на насъ пасмурно. Возвративъ Польшѣ политическую независимость и самое имя, уже двадцать лѣтъ не существовавшее, Александръ, вѣря въ признательность, хотѣлъ упрочить завоеваніе благодѣяніями. Въ ночь, передъ нашимъ отъѣздомъ, Генералъ Заіончекъ былъ утвержденъ Намѣстникомъ Царства. Званіе сіе, до самой послѣдней минуты надѣялся получить Князь Чарторыйскій, участвовавшій въ составленіи на Вѣнскомъ Конгрессѣ новой конституціи; но, обманутый въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, Чарторыйскій ходилъ въ ту ночь по дворцу, съ разстроеннымъ видомъ, какъ изступленный, и не говорилъ ни слова ни съ кѣмъ

изъ насъ, Русскихъ, находившихся въ комнатахъ передъ кабинетомъ Государя, гдѣ Его Величество занимался до ранняго утра. Наконецъ настало 18-е Ноября, желанный день возвращенія въ Россію. На другія сутки мы были уже въ Бѣлостокѣ, откуда, не останавливаясь, поѣхали прямо въ Петербургъ. Тѣмъ заключилось наше пятнадцати-мѣсячное путешествіе, исполненное огромныхъ историческихъ событій. Въ теченіе сего времени устроено новое бытіе Европы на Вѣнскомъ Конгрессѣ, уничтожено покушеніе Наполеона присвоить себѣ вновь верховную власть во Франціи, совершено обрученіе Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, и Россія вознесена на высочайшую степень славы Императоромъ Александромъ.

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе.

Стран.

ГЛАВА XIV.

ГЛАВА XV.

ГЛАВА XVI.

ГЛАВА XVII.

2007096512